

ВПЕРВЫЕ

Николай ИВАНОВ

ДЕПАРТАМЕНТ
НАЛОГОВОЙ
ПОЛИЦИИ

Николай Федорович Иванов

Черные береты

OCR и редакция: ChernovSergey (chernov@orel.ru), Орел, май 2006 г.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134724

Николай Иванов Департамент налоговой полиции: ЭКСМО; Москва;

1995

ISBN 5—85585—261—x

Аннотация

Вторая часть дилогии "Департамент налоговой полиции" рассказывает о событиях октября 1993 года — и не только в Москве...

Содержание

***	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
1	9
2	20
3	29
4	44
5	55
6	67
7	77
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	85
1	85
2	93
3	103
4	116
5	128
6	140
7	156
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	166
1	166
2	178
3	189
4	200
5	209

6	220
7	239
8	254
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	259
1	259
2	278
3	288
4	299
5	311
6	326
7	338
8	358

Николай Иванов

Черные береты

* * *

Я, приговоренный к высшей мере наказания...

...в последний раз иду по земле. Даже не по земле – по бетонному полу тюрьмы. Сзади незнакомый конвоир – осторожный, как лис. Значит, ЭТО произойдет сегодня. Сейчас. Капитан Пиеничный, некогда знакомый начальник тюрьмы, рассказывал, как ЭТО происходит. Поэтому все эти ухищрения с вызовом на неурочный допрос – уловки для непосвященных. Но не для меня. Я знаю: меня убьют в эти мгновения.

То ли специально, то ли по недосмотру, но в камере в руки попала «Комсомолка» с заметкой, в каких странах и как казнят. Могло успокоить, что более ста государств еще оставили у себя смертную казнь. Можно порадоваться и тому, что я не в Иране, Пакистане или Арабских Эмиратах, где «вэмэнэшиников» попросту забивают камнями. Не прельстила и хваленая демократами Америка – там, кроме расстрелов, усыпляют газом, травят ядом, сажают на электрический стул и вешают. Выбирай – не хочу...

Я уже почти забыл, что был рижским омоновцем – на-

столько перекоরেжилась жизнь уже после августовских событий 1991 года. Мне пришили дело, о котором я не имею ни малейшего представления. Нет, я пытался удивляться и возмущаться, но потом дошло – бесполезно. Им выгодно меня убрать. Им за счастье меня убрать. И представившийся шанс они не упустят. Если бы не было этих несчастных девочек, изнасилованных и убитых в лесной сторожке, их бы придумали. В крайнем случае, такие же несчастные трупики нашли бы в Карабахе, Чечне, привезли из Югославии – но подложили бы на моем пути. Сегодня власти легче бороться с мифами о фашизме, с рвущимися к власти неокommунистами, чем с реальными преступниками.

Поэтому я отказался от прошения о помиловании. Да и кто будет миловать? За что? В Санкт-Петербургской тюрьме «Кресты» уже который месяц сидит Чеслав Млынник – арестованный якобы за незаконное хранение оружия. В Москве среди бела дня гуляют банды с гранатометами, а найденный у Чеслава пистолет, оставшийся с рижских времен, возведен в ранг угрозы национальной безопасности. Командиру клеят, как, впрочем, и мне, участие в событиях у Белого дома в октябре 93-го. По амнистии выпустили только тех, кто был на виду, кто и сейчас будет находиться под колпаком и кого можно отследить. А таких, как Млынник и другие безвестные, никто амнистировать не станет, и драть за них горло – тоже. Их нет в природе. Они умерли вместе с ликвидацией ОМОНа. Все!

Конвоир за спиной беззвучен. Но не для меня, у которого жизнь вошла в слух. Любой шорох за спиной говорит мне больше, чем тома книг или бесконечные бразильские и мексиканские телесериалы. Я уверен, что услышу свою смерть. Представляю ее до мельчайших подробностей. Так что моя судьба – в прошлом. Я весь остался там. Я не смог вписаться в эту новую жизнь, меня бросили на передовой, при общем отступлении. А за то, что остался жив, убьют.

Парень за спиной чуть замедлил шаг. Эту микронную долю задержки уловить оказалось очень легко, ее, собственно, и улавливать не нужно было – она сама напрягла все тело. Жизнь все-таки не хочет отдавать тело смерти, ловит все, что противится ей. А что сделается, если я вдруг оглянусь? Наверняка успею увидеть руку, ползущую в карман за пистолетом. Потом будет нервная улыбка исполнителя, спешка, и пуля полетит не в сердце, а куда-нибудь в живот. Интересно, а раненых здесь добивают или выхаживают? Вот про это у Пшеничного не спросил. Наверное, потому что и в страшном сне не могло присниться, что такое коснется меня .

А мысли дурные – про пистолет, ранение, казнь в Америке... Неужели не о чем больше подумать и вспомнить? Я, конечно, никогда не верил в Бога, но если все-таки он есть, если соединяются на том свете души, то скоро я увижу Зиту. И так слишком долго я был без нее. Зачем? Чтобы уйти из жизни как убийца двух детишек? Не имея возможности

оправдаться, доказать обратное?

А вот теперь все! Шаркнула правая нога – это в правый карман полезли за оружием.

Единственное, что успеваю – поднять глаза. Не для того, чтобы умереть с гордо поднятой головой. А в надежде увидеть небо. Но – надо мной лишь низкий зеленый потолок. Склеп!

Выстрел звучит для меня, приговоренного, слишком громко и отчетливо...

*** * ***

Я понимаю, что все это может выглядеть как антидемократчина (по аналогии с антисоветчиной), но зато – правда. И уверен, что не только моя.

Автор.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Спецназ в пустыне Ирака.

**Шеварднадзе никогда не
будет прощен. «Это могли
сделать только русские».**

Цветочки вместо Ленина и

Горбачева. Как обуздать ОМОН.

«Лебединое озеро» – реклама

путча. «БМП – убийца». Последние

«герои» Советского Союза.

1

«Копья аллаха» остановились первыми. Собрались в кружок, осмотрелись. Затем расстелили молитвенные коврики, вознесли руки к небу. После короткой молитвы, словно ищейки, принялись обнюхивать пустыню.

Своей группе «Белый медведь» разрешил снять рюкзаки, сам расстегнулся до пояса. Запестрела морская тельняшка,

и спецназовцы торопливо отвели взгляды от командира. Перед вылетом в Ирак подполковник сам напоминал, чтобы из советского на них не осталось ни одной нитки – даже случайно. А сам, морская душа, талисман свой, тельняшечку, перевез.

Непорядок, конечно, но кто упрекнет в этом «Медведя», у которого за плечами десятки операций во всех краях света? Когда-то он пришел в спецназ из морской пехоты Северного флота бравым капитаном, но в Москве бравость чуть поубавили, вернее, разбавили ее разумной осторожностью, а вот кличку и тельняшку сумел «Медведь» сохранить через много лет.

А впрочем, если верить легендам, что во всех переделках «Медведя» и его группы выручала именно тельняшка, то можно было даже порадоваться, что она еще не сносилась до сегодняшнего дня – авось вынесет и на этот раз. Группы спецназа – они, как правило, одноразового использования. Так что пусть бы век носил «Белый медведь» свой тельничек...

А тем временем один из иракских «коммандос», выделенных спецназовцам в проводники, радостно вскрикнул, и остальные соплеменники переместились к нему. Длинным шупом проткнули песчаный бархан, минуту выждали. А после того, как стальная, отполированная до блеска игла была вытащена обратно, каждый потрогал блестящее жало и утвердительно закивал: значительно холоднее, значит, вода

здесь есть.

Тут же сняли луки – бесшумное и молниеносное оружие, на сто метров в смотровую щель танка первой стрелой каждый готов стрелять на спор, а если еще вместо наконечника навинтить кумулятивный снарядик, то зачем таскать с собой гранатомет? В пустыню с собой надо брать, как бедуину, минимум. Расстегнули малые саперные лопатки, принялись рыть колодец. Не ведро, конечно, но на метровой глубине минут за двадцать стаканчик мутной водицы набежит. А что еще в пустыне надо, чему еще молиться?

Однако спокойно дожидаться своего глотка не удалось. Начальник разведки иракской армии не зря выделил именно этих проводников из отряда «Копья аллаха»: еще никто из советских не услышал ничего и не увидел в поднимающемся от пустыни мареве, а проводник, который отыскивал воду, вскрикнул, указал вперед и мгновенно раскатал свою песчаную палатку. Нырнул под нее и замер, превратившись в один из барханов. Пяти метров не хватит, чтобы отличить такую маскировку от самого песка, тем более из дребезжащего вертолета, если проводник в самом деле, его усмотрел.

А вообще-то вертолет – это хорошо. Это надежда для группы, что они идут в верном направлении. Вертолеты могут барражировать как раз над районом падения самолета. Самолета, который позарез нужен. Не весь, конечно, но кусочки обшивки, стекла, а особенно приборы – для этого они и топают черт знает какой день по пустыне, в тылу американ-

ских войск, несут вторые рюкзаки – если повезет, для груза. Пятьдесят километров южнее глотает пыль параллельная группа точно с такой же задачей. Пока все удачно, особенно линию фронта проскочили «чисто» – в стыке двух американских дивизий. Потом, правда, два раза натыкались то ли на египетские, то ли саудовские патрули, но пока те выясняли на всех языках, что за непонятная группа бродит по тылам союзнических войск, они исчезали, испарялись в пустыне.

– Эх, будь моя воля, я бы здесь такое устроил, – мечтал Пашка-афганец, наблюдая за очередной колонной наливников, везущих горючее к линии фронта – безмятежных, неряшливо, не по-военному растянувшихся и не охраняемых.

– Что? – равнодушно поинтересовался «Белый медведь».

Уж кто кто, а спецназ мог бравировать тем, что никогда не лез в политику: «Гусары газет не читают». Их дело – добыть, достать, купить, украсть осколок снаряда или пробитую мишень на полигоне, а если сильно повезет – какой-нибудь прибор, образец металла, щепотку нагара. Одним словом, технику и технологию. Обыкновенная военная разведка, существующая в каждой уважающей себя стране. Естественно, что для этого надо лезть в те точки на тех континентах, где американцы, англичане, немцы – да мало ли государств в НАТО, числящихся вероятными противниками, испытывают свое оружие. Будем знать, из чего и чем стреляют – найдем, чем защищаться. На каждый яд ведь есть свое

противоядие, и единственная загвоздка – добыть сам яд.

А для этого как раз и существует спецназ. Добытчики. И сидят парни в Москве на Полежаевке – только офицеры, капитаны в положении рядовых. Сидят, уже разбитые по группам и направлениям. Ждут своего часа. Момент, когда и где высунется жало с ядом. И когда в августе 1990 года Соединенные Штаты погрозили Саддаму Хусейну за его вторжение в Кувейт, «ближневосточное» направление напряглось. «Золотые подворотнички»¹ утверждали однозначно: Саддам не побоится угроз Америки, Америка же не простит такого равнодушного к себе отношения – война неизбежна. И в первую очередь потому, что выгодна Соединенным Штатам. А если смотреть глубже и попытаться найти все подводные ручейки конфликта, то можно смело утверждать: это война провоцируется. Она желанна для США. Десять лет до этого Ирак воевал с Ираном, защищая, в общем-то, интересы всех государств в Заливе. Но вместо «спасибо» Саудовская Аравия и Кувейт резко увеличивают добычу нефти, цена на которую, естественно, стремительно падает.

Это был неожиданный ход и удар по вымотанному войной Ираку: именно за счет продажи нефти он рассчитывал поправить свои экономические дела. И Саддам пригрозил Кувейту, который до 1961 года вообще был иракской территорией и который никогда не признавался Багдадом как су-

¹ Офицеры-аналитики, собирающие всю информацию по регионам и готовящие доклады для руководства страны.

веренное государство: ребята, мы знаем, что вы выполняете волю и установку США, но лучше давайте жить дружно. Тем более, что существует между государствами Залива договоренность, сколько производить и за какую цену продавать нефть.

К этому времени в Ираке, терпящем многомиллиардные убытки, стали исчезать продукты питания, промышленные товары. Саддам опять пригрозил Кувейту – не Саудовской Аравии, а «своему» Кувейту, одновременно наблюдая за реакцией в мире, и в первую очередь США. И Америка сделала тайный ход – она дала понять, что эти споры вокруг нефти – чисто внутриарабское дело, США не намерены вмешиваться в эти проблемы.

Купили Саддама, заставили поверить в это. И посадил Саддам свою армию на автобусы, и именно на автобусах въехали иракцы на свою бывшую территорию. Тут-то США и захлопнули мышеловку: уже на следующий день в ООН их представитель потребовал немедленного наказания агрессора.

К этому времени Советский Союз потерял уже всех союзников в Восточной Европе, и, словно испытывая зуд угодить Западу еще больше, удивляя искушенных политиков недалёковидностью, демонстративно рвал отношения с Кубой, африканскими странами, Северной Кореей. В друзьях оставались только некоторые арабские страны, а среди них самый преданный и сильный Ирак. Многие годы, а точнее двадцать

лет, иракская армия закупала советскую военную технику, советские майоры и подполковники помогали армии Саддама становиться одной из самых грозных, заставляющих уважать себя сил в третьем мире.

Однако мост между Ираком и СССР, выстроенный и тщательно отделанный в интересах обеих стран, рухнул в одночасье, когда министр иностранных дел Шеварднадзе проголосовал в ООН за американское предложение – ведение боевых действий против Ирака. Это был самый сильный и неожиданный удар по арабам. Уж если не поддержки, то хотя бы нейтралитета ждало руководство Ирака от своих друзей. Китай, с которым Саддама ничего не связывало, не стал поддерживать инициативу наказать агрессора обязательно с помощью оружия и по-восточному мудро воздержался. Советский же политик, забыв, а если, видимо, точнее, так и не усвоив главное свойство политика – искать компромиссы в интересах собственной страны, торопливо, боясь отстать, поднял вверх руку – война!

И тронулась военная армада из тридцати стран на оставшегося в одиночестве Саддама. Операция под кодовым названием «Щит пустыни» разворачивалась с благословения ООН в «Бурю в пустыне» – впервые мировое сообщество не смогло или не захотело искать мирного решения проблемы.

Войны всегда на совести политиков, не сумевших переломить ход истории в свою пользу. Поэтому войны всегда преступны. И не могут люди, развязывающие ее – под лю-

бым предлогом, быть прощенными. В момент голосования в ООН все, поднявшие руки, стали на одну ступень с Саддамом Хусейном. В войнах ищите политику, а в политике – интересы. А мертвые проклянут всех...

Из Багдада «делали ноги» бизнесмены и политики всех мастей. И только советские нефтяники и военные специалисты давали подписку: мы остаемся. Добровольно. Мы не можем все бросить и предать.

Народ всегда был умнее и благороднее своих политиков.

И ежедневно, уже в условиях жесточайшей мировой блокады, занимали свои места у нефтяных установок русские мужики, прекрасно понимая, что первый удар будет нанесен именно по нефтеносным – золотиносным для Ирака, артериям. Оставались рядом с зенитными расчетами советские офицеры, бросающие пусть и во многом неправого, но друга, против оскалившегося ракетами, кораблями, самолетами-невидимками, 700-тысячной армадой сухопутных войск и польским женским госпиталем противника.

Если бы все это было направлено только против армии Саддама в Кувейте! Объединенные силы под командованием американских генералов начали боевые действия в первую очередь против страны, позволившей себе смелость пренебречь интересами США в этом регионе и продиктовавшей новые условия политической игры. Война началась также против технического потенциала Ирака, против его экономики – не случайно в первую очередь взрывались мосты, за-

воды, плотины, научные центры по всей иракской территории. Трезвым политикам было ясно, что война начинается против возможности арабам самим решать свои дела в Заливе. И задача, цель «Бури в пустыне», поддержанной СССР – подорвать государство, сумевшее поднять голову в «жизненно важном для США регионе». Чтобы другим неповадно было. О Кувейте уже не говорилось: бомбились города Ирака, территория Ирака, люди Ирака. И какое счастье привалило Америке, когда и советские политики оправдали такие действия. Советский Союз, все эти годы бывший противником всех амбиций на мировое господство Америки, опасно нарушал это равновесие.

17 января 1991 года, в 3 часа ночи – ах, как любят виновные темноту, «Буря в пустыне», задуваемая из Америки, опустилась на Аравийский полуостров.

И практически беспомощной выглядела проданная Ираку советская боевая техника. Злословила «демократическая» пресса: мол, и где же качество хваленой военной промышленности? Вот видите, люди русские, крестьяне да рабочие, куда шли ваши денежки – в прорубь. На поверку-то оказалось, что результат нулевой. А посему – долой ВПК. Кастрюли вместо ракет! Может, и не совсем умно, зато честнее перед собственным народом.

И мало кто ведал, а практически почти никто не знал, что это было очередное предательство советских политиков. Теперь уже собственной военной техники. Не идет разговор о

том, что в первые же дни войны наша космическая разведка засекла, вскрыла все до одной позиции крылатых ракет, нацеленных на Багдад. Ничего не стоило передать эти данные на наши ракетные установки, находящиеся на вооружении Ирака, ведь никто не отменял Договор о дружбе и взаимной помощи между двумя странами. Суть в другом.

Как прошелестел слух, Шеварднадзе приехал к разведчикам и изрек: мы все – военные преступники и должны за это покаяться перед всем миром. А чтобы покаяние было искренним, выдать американцам шифры помех для советских ракет, находящихся у Саддама.

И вновь сказало «спасибо» за неожиданный подарок американское командование и внесло в свои ракеты и на свои самолеты советские «скользящие» помехи. И потому бессильно шарили по военному, наполненному чужими самолетами, небу наши комплексы – против самих себя нашу технику воевать не учили. Не предвидели конструкторы такого предательства. И плакали в бессилии не уехавшие из-под огня советские офицеры, догадываясь о причинах безрезультативной стрельбы своего прекрасного оружия. И падали американские, английские, французские и другие «...ские» ракеты, бомбы, снаряды на жилые кварталы иракских городов. И злословили, подвывали мидовцам советские журналисты, как всегда, до конца ничего не зная и сами не ведая, что творят.

Такая вот странная война началась в самом начале 1991

года между непонятно кем и непонятно за что. А скорее всего, наоборот: слишком хорошо понятно против кого и ради чего.

2

Единственные, кто проявил хоть какое-то благоразумие в это время, оказались разведчики. И то, видимо, потому, что «гусары газет не читают», а значит, и менее всего оказались пропитаны общей эйфорией охаивания Родины и распродажи ее интересов.

К тому же военные – в любой стране, не только в нашей, более всего хотят видеть свою родину сильной. А если она уже стала таковой, то зачем расшатывать ей углы? Это же идиотство – поджигать весь дом ради того, чтобы вывести тараканов. Хотите наводить порядок – делайте уборку, но при чем здесь фундамент, стены и крыша, да еще одновременно?

Не зря, видимо, твердилась офицерам и установка: «Вы служите не Генеральному секретарю и не министру обороны, а Отечеству. Вот ваш интерес». А для обороны страны нужны были новые образцы техники и вооружения, которые союзные силы бросились испытывать на иракской земле.

После того как в Ирак прилетела группа «Белого медведя», прилетела в тот момент, когда все бежали из опасного района, по крайней мере «Копья аллаха» воспряли духом: советские люди их не бросили, врут газеты. А с советскими мы непобедимы. И коль прилетели первые, будут и вторые.

«Белый медведь», пряча взгляд, пожимал тянувшиеся к нему руки «коммандос»: он прекрасно знал, что сюда боль-

ше не прилетит никто. Они первые и последние. Но сказать об этом людям, вдруг поверившим в спасение, не мог. Они – разведка. Разведка – и все!

Поэтому, когда Паша-«афганец» мечтательно покачал головой и пообещал в тылах американских войск устроить что-то невысказанное «такое», «Белый медведь» и спросил его равнодушным голосом, зная, что ничего не будет:

– И что же?

– Я бы элементарно сорвал наступление. Действуя только здесь, в тылу. Вы посмотрите, как они ездят – словно у себя в Чикаго. А наглых надо всегда наказывать.

– Пашенька, наша задача, – подполковник оглянулся на иракцев и понизил голос, – не воевать на какой-то одной стороне, а собирать данные для своей страны. В войнах пусть разбираются политики и историки. И выясняют, кто прав, а кто виноват.

– Они разберутся, – подал голос «язычник» Серега – переводчик то ли с пяти, то ли с восьми языков. – Чтобы разбираться в войнах, надо хотя бы знать, как пахнут портянки или... как за один оклад приобретается «наждак», – он кивнул на самого молодого, первый раз вышедшего на операцию Мишку Багрянцева. Тот, морщась от боли, снимал «песчанку», подставляя врачу ярко-красную, в пятнах засохшей корки, спину.

– Тропическая язва, – определил врач еще три дня назад, когда Багрянцев впервые пожаловался на зуд и чесотку. Еще

можно было Мишке вернуться назад, но не было гарантий, что не попадет он в руки постов и дозоров, рыскающих по дорогам. А попадаться, тем более в самом начале операции, было нельзя.

Конечно, и не дался бы никому в руки Мишка: задачу на самоликвидацию он заложил себе в мозг четко и совершенно трезво, граната на этот случай всегда на животе. Жены и детей, слава богу или аллаху, нет, батя сам военный, поймет, если что. Спецназ, в отличие от своего вечного соперника по добыванию информации, мог погордиться тем, что ни один спецназовец не был взят в плен, никого не пришлось обменивать или выкупать. Исключение, правда, составляет Зоя Космодемьянская, которую почему-то столько лет все еще продолжают считать партизанкой, хотя она чистая разведчица. Но то – война, сорок первый год.

Поэтому не будет он, капитан Михаил Багрянцев,ждавшийся наконец-то выхода на операцию, первооткрывателем в этой области. Никакой героической славы. Он сгорит, разметает себя на куски, зароет себя в песок, перегрызет сам себе глотку, а еще лучше – несмотря ни на какие боли, пойдет дальше месте со всеми.

– Не свалюсь? – единственное, что спросил у врача, когда «Белый медведь», отвернувшись, разрешил ему самому сделать выбор.

– Свалиться не свалишься, но проклянешь и пушинку, когда опустится на тело.

– Деревья, как я вижу, здесь не растут. Иван, я готов идти дальше, – повернулся Мишка к подполковнику.

Обращение в спецназе, к тому же вышедшему на операцию, принималось только по именам, и это оказалось не меньшей проблемой в подготовке, разведчиков, чем все остальное. Если ты только получил капитана, а перед тобой – подполковник с черт знает каким количеством орденов, а ты ему – Ваня... Есть все же в обращении офицеров свой шик и своя притягательность, кастовость, а здесь – как в ватаге уркаганов. Но что поделать, конспирация тоже слагается из всяких таких неожиданностей.

Высох Мишка, на некогда круглом подбородке даже ямочка проявилась. Полными оставались только губы, они не худеют, вот и кусал их Мишка в кровь, чтобы не стонать от «наждака». И все за один оклад и идею, как говорит «язычник» Серега.

– О-о-отставить, – пропел «Белый медведь», как только дело коснулось денег: в разведке о них, а также неустроенном быте и семье не говорят. По крайней мере, это не тема для общего разговора. – Паша, помоги с водой, – отослал он «афганца» к проводникам.

Тот заглянул в колодец, полез за таблетками для обеззараживания воды. Одна на стакан – и ни одного микроба в живых. Правда, пьешь будто химический раствор, и удар по почкам, надо думать, наносишь мощнейший, но главное – не заболеть сейчас. Дойти, доползти до этого чертового, мило-

го, прекрасного F-117, американского самолета-невидимки «Стеллс», которого все-таки сумели подбить иракцы и который рухнул где-то в пустыне. Дойти до него первыми, потому что американцы тоже спешат к месту падения. Но они с тягачами, кронами, грузовиками, чтобы вывезти весь самолет. А им весь самолет не нужен – только образцы. Кусочки. Каждому по рюкзаку. А уж потом наши специалисты разберутся, что к чему и почему летает. Взять «товар» и дойти назад. «Если ты не придешь назад, то как же войска пойдут вперед?» – этот вопрос-плакат вдалбливается спецназовцам перед каждой операцией. Так что это в самом деле главное – достать и принести.

А болезни, награды или взыскания – это потом. Спецназовца сделать нельзя, им надо родиться. Надо иметь душу авантюриста, достаточно бесшабашную голову и сердце романтика. Потому что задачи, которые ставятся спецназу, для нормального человека изначально кажутся не то что невыполнимыми, а просто дикими и сумасшедшими. Ну-ка, допустим, приказали вам добраться до Африканского побережья, отыскать там пятно мазута на берегу, оставшееся после стоянки натовского корабля, и привезти ведро этого самого песка с мазутом в центр Москвы. Кто хочешь у виска покрутит. А ведь привозят...

Так что группы спецназа в конечном итоге оцениваются не по тому, чему их научили – хотя учат тоже будь здоров, кое-что об этом написал Суворов в своей книге «Аквариум».

Спецназ оценивают по тому, кого подобрали. И не случайно в нем нет голливудских Рэмбо-суперменов: здесь более важен дух, чем мускулы. Да и неудобны здоровые парни в разведке – проблемы с маскировкой, переброской, когда порой лишний килограмм проводит грань между жизнью и смертью, с питанием опять же. Нет, мускулами пусть играют ребята в кино, одурачивая мальчишек и сводя с ума женщин. А в настоящей разведке надо тихо, скромненько, ничем не выделяясь и не проявляясь, желательно без шума и грохота. Потому что работа, а не кино.

И само собой, молчание. Ордена можешь носить по ночам на майке, знакомым представляться каким-нибудь управленцем, а жене и детям время от времени врать про командировки в Ташкент или Читу. И особо не проявлять эмоций, когда прощаешься с ними. Надежда-то в конечном итоге на возвращение, то есть тельняшку «Белого медведя» или что-то подобное...

Нет, не место спокойному, рассудительному и трезвому человеку в спецназе.

...Спокойно разделить нацезенный стакан опять не удалось: пятнами-стрекозами вновь обозначились вертолеты. Неужели и в самом деле дошли?

Нырнули под палатки, переждали облет.

– Так, орлы, стали в стойку, подобрались, обозначились, – сам первым подобрался подполковник. Даже Багрянцев, морщась от прикосновения к форме, тем не менее тоже по-

вел плечами, расправился. – Желательно до темноты выйти в точку, ночь поработать – и сматываться. Как на это смотрим?

– Сматываться – это хорошо, – оскалился Пашка, предчувствуя дело, которым два года занимался в Афгане и на двух операциях уже здесь. – Люблю сматываться.

Старший среди «коммандос» неодобрительно посмотрел на русских и начал убирать волосяной аркан, который несколько минут назад расстелил вокруг себя против всякой ползающей гадости: в пустыне заранее радуются только глупцы. Русские вроде на таких не похожи, но тогда бы и вели себя так, как подобает воинам.

Однако и его лицо тронула счастливая улыбка, когда под вечер, словно по заказу «Белого медведя», они разом увидели распластанную на песке черную металлическую птицу. Разведчики упали на песок, боясь поверить в успех и одновременно привыкая к нему. Облизали пересохшие губы. Один из иракцев машинально поймал перебежавшего ему дорогу серого жучка, столь же машинально переломил его пополам и принялся высасывать из него жидкость. Повезло – и до самолета дошел, и перекусил.

– Паша, – отдал первый приказ «Белый медведь», и «афганец» проворно вытащил из своего рюкзака небольшой японский автоген. Заправил в него батарейки. Готов.

– Юра, – последовал второй приказ. Связист тоже понимающе кивнул и, отвернувшись от всех, склонился над ракетой, набирая на дискету шифрограмму.

– Миша, – продолжал отдавать команды подполковник, и Багрянцев, главный специалист по минам, пополз к самолету. За ним последовал «технар» Коля – именно он будет определять, где что вырезать и снимать.

Гуляем! Работа! Пошла, милая.

«Копья аллаха» взяли в жиденькое кольцо самолет, в котором уже орудовали спецназовцы. Просто чудесно, что успели найти «невидимку» до темноты. Ночь скроет их следы в пустыне, даст время уйти...

– Я готов, – первым закончил свою работу связист.

– Мы тоже, – отозвался, вылезая из чрева самолета, «технар». Глаза его возбужденно блестели от того груза и количества проводов и приборов, которыми он был увешан и опоясан.

Сматываться. Жадность губит фраеров.

– Уходим, – махнул для всех «Белый медведь».

Связист выстрелил в небо «посылку» – зашифрованное, загнанное в один сигнал донесение. Где-то в космосе его перехватит спутник, переадресует Москве, та – Багдаду. Кому надо, расшифруют и поймут: параллельную группу можно возвращать, образцы взяты, выходим в условную точку, держите наготове вертолеты для вывоза группы.

...Через три дня последним самолетом с последними советскими специалистами из Ирака вылетела и группа техников по гидросооружениям. Они опаздывали к рейсу, и поэтому их привезли прямо к самолету, минуя таможенные фор-

мальности. Свои новенькие и, судя по всему, достаточно груженные чемоданы они взяли с собой в салон и запихали под сиденья. Пассажиры, сами не ахти ухоженные и чистенькие, с сочувствием глядели на их сбитые, в ссадинах и язвах руки, обгорелые лица, слезящиеся, воспаленные глаза.

А в штабе американского экспедиционного корпуса металась громы и молнии – куда до них песчаным бурям, начавшимся на полуострове. Велись допросы, тут же снимались погоны с офицеров, ответственных за эвакуацию подбитого F-117, с фронта перебрасывались все новые и новые подразделения на проческу пустыни в районе падения самолета. Боясь скандала в собственной стране официальные лица стали отрицать факт потери самолета-«невидимки» – не сбивали такой, и все тут.

– Это могли сделать только русские, – оглядев самолет и место трагедии – именно трагедии для американской безопасности и престижа, высказал убеждение командир «зеленых беретов», заброшенный накануне под Багдад для диверсий и теперь срочно вывезенный обратно для помощи в поисках разведчиков. – Я боюсь, что образцы надо уже искать не здесь, а в Москве. Видимо, это будет самое сильное поражение в нашей победе.

3

Первое, что сделал Илья Юрьевич Карповский, оставшись один в кабинете – это убрал бюст Ленина. Задвинул его в глубину ниши, где хранились старые, но еще, видимо, не списанные знамена, какие-то транспаранты и всякая другая большевистская рухлядь.

– Вот здесь и постой, – излюбленно привставая и пружиня на носочках, похлопал Ленина по щеке Илья Юрьевич. Смутился от собственной смелости, а может, всколыхнулось что-то в душе – оттуда, из прошлой жизни, когда Ленин был безоговорочно велик и безупречен, и отвел новый председатель горисполкома взгляд от пустых зрачков гипсового Ильича. Однако замешательство было недолгим: Карповский усмехнулся, и, отсекая от себя прошлое, переступая в себе последнюю, неожиданно объявившуюся грань уважения к Ленину, а вместе с этим чувствуя удовлетворенное блаженство от собственной значимости, вновь похлопал его по щеке: – Здесь тебе самое место.

Да, это блаженство и счастье – быть смелым!

К вечеру подошли строители, и он указал им на нишу:

– Замуруйте. Можно со всем, что там есть – породим еще одну загадку для будущих археологов. И будем надеяться, что ничего подобного больше не потребуется.

На следующий день, поколебавшись, снял Илья Юрьевич

с расшатанного гвоздика и портрет Горбачева, повесив вместо него совершенно чудную картину цветочной поляны.

– Вместо Горбачева повешу цветы, – накануне за ужином мысленно обновлял он интерьер кабинета. – Никакой идеологии. Полная независимость от кого бы то ни было. Только так можно будет вытащить страну из болота.

– Ты бы поосторожнее, Илюша, – жена глядела на него больше со страхом, чем с восхищением. Жены всегда дальновиднее, потому что осторожнее. – Кто знает, как оно все может еще повернуться.

– Не-е-ет, все-е-е. Все! Ельцин за нас, а его теперь никому не свалить. Пусть они дрожат.

– Ох, страшно, Илюша.

– Я избран народом, – все хмелел и хмелел от смелости Илья Юрьевич. – Народу и буду подчиняться. Только ему.

Что ж, в 1991 году демократы вполне заслуженно купались в славе. Сначала весенней победы на выборах, а затем – и июньского голосования за президента России, когда именно их Ельцин ушел в отрыв от Рыжкова. Ничего, что пляска шла практически уже на костях Союза. Что число погибших в межнациональных конфликтах приближалось к цифре потерь в афганской войне. Что прозванное русскоязычным население в окраинных республиках, лишённое гражданства, элементарного уважения, замерло в тревоге: что будет-то с ними? Опасения перестали казаться надуманными, когда в Латвии один из министров пренебрежительно бросил о рус-

ских: «Вы не люди второго сорта, вы – никто!»

Нельзя сказать, что эта тревога не передалась в Москву. На одну ночь шмыгнул в Прибалтику Ельцин. Прибалты никогда не отличались смелостью, и все понимали: даже если Ельцин просто усмехнется первым господам Советского Союза своей саркастической усмешкой, те хотя бы извинятся.

Однако с кем он там встречался, о чем говорил – осталось тайной, и о проблемах отношений между Россией и Балтией никто не заговорил. Зато газеты, как по команде, затрубили о якобы неудавшейся попытке покушения на Бориса Николаевича. «Со мной вечно что-то происходит», – разведет он сам руками, в очередной раз неуклюже подчеркнув: главным в истории является президент, а не его народ. И русский народ в Прибалтике отрекся от президента России.

А власть в стране продолжала перетекать от коммунистов к демократам. Про здание ЦК КПСС на Старой площади говорилось в тех же мрачных тонах, что и о комплексе КГБ на Лубянке. Поносились и оплевывались милиция. На КПП воинских частей устремились депутаты всех уровней – разоблачать генералов и наводить порядок. Благо, что за конечный результате них не спрашивалось, и все продолжало висеть на шее командиров – и провалы с призывом в армию, и побеги солдат как от «дедовщины», так и просто под эту марку, и уборка урожая, про которую как раз и должны были думать депутаты, и строительство дорог в Нечерноземье, и стремительные, неизвестно кому выгодные сроки сокраще-

ния армии, разоружения частей и перебросок их с места на место.

Зато «левая», отдавшая себя в услужение демократам пресса захлебывалась от собственной смелости и наглости в критике прошлого – революции, Ленина, социализма, Горбачева. И все это с издевкой, отстраненно, словно писали журналисты не о своей, а о чужой истории, не русскими слезами и кровью пропитанной. Обезумев от вседозволенности «старших братьев», только что начавший выходить журнал «Столица» крикнул «гоп» и прыгнул дальше всех, поместив на своей обложке карикатуру на Язова, Крючкова и Пуго: наверное, впервые в практике мировой журналистики министры обороны, КГБ и МВД изображались так пренебрежительно, такими любителями сообразить «на троих».

Троица тем не менее потребовала предоставить им слово на заседании Верховного Совета СССР о катастрофическом положении в стране. Заседание объявили закрытым, но утечка информации произошла в тот же вечер: министры в один голос твердили об угрозе распада Союза, росте преступности, хаосе в экономике. Крючков зачитал документ, написанный более десяти лет назад еще Андроповым. Суть его сводилась к элементарному: руководство страны должно понять, что просто так в родном отечестве ничего не делается. А именно: добыты сведения, что ЦРУ поставило задачу вербовать, готовить и выдвигать по всем каналам на административные должности в Советском Союзе так называемых

агентов влияния. Которые бы, порой сами ничего не подозревая, искривляли бы указания центра, создавали трудности внутривластного характера, выдвигали для научных разработок тупиковые направления и тому подобное. Министры предупреждали: эти люди уже практически повсюду, и именно они катят страну в пропасть. Уважайте если не нас, то хотя бы ЦРУ, которое прекрасно знает, чем ему заниматься.

Выступающих послушали и отпустили с миром, никак не отреагировав на резкий тон выступлений. Да и кому было реагировать, если в зале в большинстве своем сидели люди, которые на референдуме по судьбе Союза призывали своих сторонников ответить «нет». Тогда результаты, правда, оказались не в пользу демократов, зато теперь, сидя в парламенте, они могли диктовать и манипулировать ситуацией. «Плохо Союзу? А мы ведь говорили, что Союз – это плохо...»

И уже правилом дурного тона считалось называть СССР державой. Прошлое страны благодаря журналистам становилось с каждым днем все мрачнее, и на Западе придумали для нас новый тезис: «СССР – единственная страна с непредсказуемым прошлым». Из партии стройными рядами, боясь опоздать и не оказаться в числе первых, ринулось вначале ближайшее окружение Генерального секретаря – наверное, ни одна партия в мире не имела столько предателей из числа руководства, потом, волнами, и остальные приближенные к первым секретарям по городам и весям. И все клялись на-

родом и говорили от имени народа. И никому ни до чего не было дела. Ни до союзных законов, ни до республиканских, объявленных главенствующими. Следуя этой логике, районы в Москве тоже объявили о своих суверенитетах и перестали подчиняться городской власти. Стыд – а было. В учреждениях, конторах терялись документы, а если и не терялись, то откладывались в дальние шкафы и сейфы: исполнение предполагало профессионализм в работе или хотя бы желание работать. Новая же власть желанием работать похвастаться не могла. К тому же еще можно было все валить на старые кадры, затаившихся партократов, тоталитаризм, центральную власть и просто на социалистическую систему. Ельцин же продолжал во время поездок по стране раздавать регионам столько самостоятельности, сколько захочется местной власти. Хотелось много.

Редко, но пробивались на страницы газет истинные знатоки истории, проводили аналогии: подобное состояние в стране было после Февральской буржуазной революции в 1917 году. Та же неразбериха, те же лозунги вместо хлеба, та же раздача свободы, порождавшей анархию и новую кровь, разрыв хозяйственных связей, ломка старых структур ради революционности, а главное – дилетантизм большинства пришедших к власти. И что только Октябрьская революция остановила сползание в пропасть, крушение великой Российской империи.

Однако не намитинговавшиеся демократы вместо того,

чтобы впрягаться в телегу и тащить воз проблем, усиленно начали пугать страну военным переворотом. Да так рьяно, что создавалось впечатление: они сами ждут его как манны небесной. И как можно быстрее. Ибо каждый прожитый в неразберихе день все больше и больше разочаровывал людей в их программах. А баррикады и митинги – это хорошо. Здесь не надо работать.

Среди военных выискивался генерал, который возглавит этот переворот. Чаще всего назывался Громов, знаменитый и симпатичный командарм, выведший свою 40-ю армию из Афганистана. Однако Горбачев, избравший тактику «блуждающего центра» и примыкающий сначала то к одной группировке, то к другой, а потом предающий и тех и других, делает свой ход. Громова, командовавшего войсками Киевского военного округа и имевшего огромный авторитет в армии, убирают из войск и сажают в кресло первого заместителя министра внутренних дел.

А вот министр иностранных дел Шеварднадзе хлопнул дверью, сбежав с давшего крен союзного корабля и оставив шарахающегося на капитанском мостике Горбачева практически одного. Вернее, один Горбачев никогда не оставался, вакуум вокруг него заполнялся мгновенно, – он остался единственный из той команды, кто начинал в 1985 году перемены, обернувшиеся «дерьмостройкой», «катастройкой» – горбачевскую перестройку без целей и задач каждый называл по-своему, но суть сводилась к одному: лучше после

нее никому не стало. Разве только что преступному миру, до которого у затюканного прессой и неразберихой законов уголовного розыска уже не дотягивались руки.

Единственное, чему тайно радовались демократы – это смерти Сахарова. Подняв в свое время его имя как символ и знамя, сейчас, когда победа засветила ярким солнцем, ярче обозначились и тени от победителей: шло неприкрытое выгадывание личных интересов, демороссы рванулись в воюжи за границу, в спецраспределители, в коммерцию. А уже в этом они не могли бы надеяться на благосклонность академика. С его именем выгодно было идти в бой и победить, а вот иметь такого попутчика и после победы – лучше как-нибудь сами. Без образцов для подражания и ежесекундного осуждения. Это было горькой, но проверенной через других правдой: диссиденты, все как один поддержавшие начало демократических реформ в стране, не вошли затем ни в одну партию, ни в одно движение демократов.

А вообще-то заполитизированная страна следила за борьбой двух лающих между собой президентов – Горбачева и Ельцина. Кажется, они оставались одни, кто не понимал и не хотел понимать, как губительно их противостояние для народа. Можно только предположить, сколько исследований и романов будет написано о подводных течениях всех этих событий, о предательствах, лицемерии, лукавстве, ожесточении, непримиримости, подлости, возвышениях и падениях. И сколько хулы услышат историки и писатели, если возьмут-

ся за эти темы при жизни первой рати советских демократов, упоенно разваливающих великую державу.

Смуту, дикое по варварству к собственной истории время переживала страна летом 1991 года.

Зато сладостно, решительно менял облик своего кабинета избранный председателем горисполкома Илья Юрьевич Карповский. Правда, цветам виселось неуютно на огромной стене, а может, это просто так казалось с непривычки. За все семьдесят лет советской власти разве хоть один председатель горисполкома мог повесить на стену что-то иное, чем портрет Ленина или Генерального секретаря? А вот он, Карповский, делает это. Даже секретарша – женщина! – увидев цветы, со страхом перевела взгляд на нового начальника.

Впрочем, она не женщина, она именно секретарша. И таких секретарш – полстраны: испуганных, затюканных, замордованных, боящихся новых начальников и новых порядков. Хоть в лаптях, с кляпом во рту и страхом в печенках – зато с красным бантом на груди в колоннах Первомая.

Звонки и посетители пока особо не досаждали – город то ли привыкал, то ли пытался бойкотировать его. Но в этом плане Илья Юрьевич не комплексовал. День-два-три ему самому как раз нужны, чтобы осмотреться и войти в дело. А уж потом он сам начнет вызывать. И тогда станет видно, кто и как улыбается. Особенно из числа тех, кто спит и видит его обратно в тюрьме и зоне.

Лучше бы не поминалось это под руку!..

– Илья Юрьевич, к вам посетители, – однажды под конец дня осторожно заглянула к нему секретарша, оставив свой горб за дверью. Была Валентина Ивановна худа, с вечно поднятыми плечами, сутулой спиной, и Илья Юрьевич по лагерной привычке сразу окрестил ее про себя: «Кэмел». На сигаретах нарисован точно такой же верблюд – худой, старый, одногорбый. И как она столько лет просидела при начальстве?

– Я никого не вызывал, Валентина Ивановна. А время приема расписано и висит внизу, – улыбнулся в ответ Илья Юрьевич. Но улыбнулся так, чтобы секретарша на веки вечные, то есть до последнего дня работы здесь, усвоила распорядок. По совести, ей самой следовало бы написать заявление об уходе и вместе со старым председателем – на все четыре стороны, продолжать искать коммунистическое завтра. Однако что-то молчит, выжидает. Неужели думает, что сработается? Или шпионить осталась? Не-ет, водитель и секретарша – эти сотрудники должны быть надежнее жены. Или, в крайнем случае, привлекательнее.

Валентина Ивановна, поняв взгляд начальника, обреченно попятилась назад, но все равно – какая же все-таки выучка, успела доложить главное:

– Извините, но они сказали, что вы их ждете и обязательно примете. Просили передать только одно слово – «Верхотура».

Вот тут Илья Юрьевич подскочил, как... Впрочем, ужаленные и ошпаренные подскочили бы, наверное, все же не

так стремительно.

– Кто они? – вскричал он. Чувствовал, что потерял контроль над своим голосом и жестами, но, тем не менее, не мог собраться и взять себя в руки. – Кто?

Он, видимо, хотел услышать фамилии, но вторично перепуганная секретарша прошептала:

– Не назвались. Сказали только – «Верхотура».

– Да слышал уже, – закричал, попытавшись перебить, но не секретаршу, нет, а просто это страшное слово, Карповский.

– Не пускать? – ни жива, ни мертва стояла «Кэмел». – Или милиционера...

– Нет! Нет. То есть... Погодите. Их двое? Чего же они хотят? Так, так, – он посмотрел на телефоны. Подними трубку, вызови наряд милиции – и... Заставил себя отвести взгляд от новеньких аппаратов – от греха и соблазна подальше. «Верхотура» – это Верхотуринск по-лагерному, место, где тянул свой срок Илья Юрьевич. Что же за гости объявились? Зачем? Кто конкретно? Черт, он же всех перезабыл. «Синица», «Узбек», «Вадик»... А с милицией – полная глупость, здесь она не поможет. Что же делать?

За него решили сами посетители.

Отодвинув секретаршу, отворилась дверь, и в кабинет вошли два парня. Подлю так, многозначительно улыбающихся, вполне прилично одетых.

«Нет, не знаю их, не видел, не помню», – заулыбался на

всякий случай в ответ Илья Юрьевич и, торопливо выходя из-за стола, пошел навстречу с протянутой рукой.

– Здравствуйте, проходите, садитесь. Садитесь. Валентина Ивановна, э-э, вы можете идти. Нет-нет, не домой. Вы мне еще нужны будете, бумаги там всякие... Словом, никуда не уходите.

Посетители даже не скрывали, что с пониманием и сочувствием смотрят на суету председателя. И тоже ждали, когда освободится кабинет.

– Ну, здравствуйте, Илья Юрьевич, – начал первым тот, что помоложе – с аккуратно подстриженными усиками и прижатыми боксерскими ушами. Это плохо, что начал молодой. Значит, он – старший, а молодые – они всегда злее...

– Здравствуйте, – торопливо заполнил образовавшуюся паузу Карповский. Увидев, что рядом с посетителями отчетливо заметен его малый рост, поспешил вернуться за стол. За столом он – начальник, и здесь рост роли не играет. – Мы... кажется... где-то...

– Нет, мы, к счастью, незнакомы, – развеял сомнения «боксер». – Вернее, мы вас хорошо знаем. Так хорошо, что вы и не догадываетесь. Потому, собственно, и пришли, зная, что отказа не будет.

– В чем? – испуганно просипел Илья Юрьевич. Откашлялся, помассировал горло; – Извините, холодная вода, горло... А помочь... Я ведь всего неделю на этом месте, еще ничего не...

– Хватит, – перебил, положив руку на стол, «боксер», и Илья Юрьевич послушно вжался в кресло. – Значит, так. Чтобы тебе ничего не думалось...

«На „ты“ перешел, значит, сейчас начнется», – отметил обреченно Карповский.

– ...мы не будем сообщать, кого ты закладывал в зоне, как вымаливал досрочное освобождение. Скажем только одну деталь твоей жизни: первый раз тебя поставили раком и поймали на пересылке. За то, что попытался в одиночку сожрать передачу с воли. Наверное, избирателям будет интересно узнать, что они отдали свои голоса не только за обиженного партократами вольнодумца, как ты себя выставлял на митингах, но и за... Иконы тут нет? – парень огляделся по сторонам. – Ни иконы, ни Горбачева. Что ж это за власть такая пришла... цветочно-голубая?

– Эту картину... – охотно переключился Илья Юрьевич с опасной и скользкой темы, но «боксер» вновь опустил руку на стол:

– Про цветочки расскажешь потом. А теперь слушай сюда ушами, как говорят у них в Одессе, – он кивнул на своего угрюмого соседа.

Страх и неизвестность все еще не дали Илье Юрьевичу хлебнуть воздуха полной грудью, и он податливо лишь кивнул: – Слушаю.

Господи, за что так немилостиво к нему прошлое? Догнать и ударить в тот момент, когда достигнуто даже то, о

чем не мечталось...

– Ты знаешь, что сейчас творится в тюрьме?

– Нет.

– Нет? Хотя ничего удивительного. Ничего удивительного? – повернулся «боксер» к своему напарнику, и тот согласно кивнул. «Унижают, шантажируют», – пронеслось в мыслях Карповского, но если бы можно было что-то противопоставить! – Я всю жизнь ненавидел коммунистов, – продолжал вести разговор с «угрюмым» «боксер», хотя делалось это, конечно, для Ильи Юрьевича. – Но, кажется, еще больше буду ненавидеть демократов при власти. Потому что вы все, – набычившись, поджав губы, он выставил свой узкий лоб навстречу Карповскому, – вы все – это бывшие. Бывшие обиженные, бывшие откуда-то изгнанные и сидевшие. Вы – власть мстителей и дилетантов. И трусов. И если мы, да-да, мы не приберем вас к рукам, вы страну превратите в помойное ведро. Да еще дырявое.

– Вы так говорите, словно сами... – попытался вставить хоть слово в свою защиту Илья Юрьевич, но ему вновь не дали продолжить.

– Не равняй! Мы не лезем во власть и не орем с трибун благим голосом о счастливом будущем. Мы честнее, понял? Запомни это, сидя в своем кресле. И не дуй ноздри, а то лопнешь.

– Я... – опять начал Карповский, но его вновь перебили.

– Ты – мыльный пузырь, демагог. Машка из зоны. Голу-

бой. И знай свое место. Мы не мешали тебе, когда ты полез в начальники. Более того, в чем-то даже помогали. Но, как ты понимаешь, не бескорыстно, и за долги надо платить. И ты заплатишь, и именно сейчас. Ты позвонишь начальнику тюрьмы и отменишь штурм камеры с заложниками.

– Штурм? Заложники? – сделал удивленное лицо Илья Юрьевич, пытаясь протянуть время. Хотя к чему? Они ведь не уйдут, пока не добьются своего. Почему он не ушел сегодня с работы пораньше? Ведь можно было уйти, никто его не держал, сам себе начальник...

– Рассказываю тебе, председатель, что творится в городе. Один наш друг с сотоварищами взяли заложников и требуют оружие и машину. ОМОН готовится к штурму камеры. А ты позвонишь и своей властью, данной тебе народом, скажешь: ОМОН может действовать только в том случае, если командир и начальник тюрьмы дадут полную гарантию безопасности заложников.

– Но почему вы решили, что они... послушаются меня?

– А мы и не думаем, что тебя будут слушаться. Просто при облаве на волков любой красный флажок играет роль и не бывает лишним. Да и с тобой пора было познакомиться. Звони.

– И что будем делать? – начальник тюрьмы капитан Пшеничный – уже пожилой, с широкой спиной и большими деревенскими руками, посмотрел на командира ОМОНа. Старший лейтенант, в свою очередь, перевел взгляд на телефон, по которому только что председатель горисполкома потребовал от него полной гарантии безопасности не только заложников и омовцев, а и тех, кто поднял бунт. У Карповского не повернулся язык даже назвать их преступниками.

– Арнольд Константинович, а как точно выразился Карповский, когда вы звонили ему насчет захвата заложников? – попросил вспомнить Пшеничного старший лейтенант.

– Что-то типа: «У нас страна развалилась именно потому, что все старались переложить свои дела на плечи других. Действуйте по инструкции». По крайней мере, смысл этот. А сейчас такое впечатление, будто он ничего не знает и слышит о штурме первый раз.

– Это самая удобная позиция – ничего не знать, не брать на себя никакой ответственности, – в раздумье покивал головой командир ОМОНа. – И все же я считаю, что надо действовать по нашему плану. И чем скорее, тем лучше. Рана у Сергея, кажется, очень серьезная, и долго без медицинской помощи он не протянет, – старший лейтенант имел в виду прапорщика-разводящего, первым бросившегося выручать

заложников и получившего заточкой удар в живот. – За его смерть Илья Юрьевич тоже отвечать не будет, так что она ляжет на нашу совесть. Давайте еще раз по деталям.

– Смотри, Андрей... Мне терять нечего – пенсия обеспечена, конкуренты на должность не подпирают.

– Не надо ни на что намекать, Арнольд Константинович. Моя совесть – в моих погонах. Поэтому так: я со своей группой захожу соседнюю камеру, вы начинаете греметь ключами в коридоре, у дверей бандитов, отвлекая их внимание.

– А взрыв... он того...

– Арнольд Константинович, ну не первый же раз, – успокоил улыбкой Андрей. – Этот взрыв – направленного действия, он разрушает только конкретный участок стены, которая же и рухнет только под себя. Заложники у нас сидят у противоположной стороны, вы со своими ключами заставите Козыря и его банду подойти к двери. В это время я взрываю заряд и врываюсь через пролом.

– А потом?

– Потом – дело техники. Не справимся руками, применим спецсредства. Главное, повязать Козыря, остальные – пешки. Главное, чтобы вы...

Договорить старшему лейтенанту не дал телефонный звонок. Андрей, разговаривавший с председателем горисполкома последним, отодвинул аппарат начальнику тюрьмы.

– Если опять Илюша, пошлю ко всем чертям, – проговорил капитан, снимая трубку. – Да, слушаю... Андрея Леони-

довича? Пожалуйста.

Пшеничный подал трубку старшему лейтенанту, недоуменно пожал плечами на вопросительный взгляд Андрея.

– Старший лейтенант Тарасевич, слушаю вас.

– Здравствуй, старший лейтенант Тарасевич. Ты еще жив, падлюка? – вместо ожидаемого тонкого, извиняющегося голоса предисполкома на этот раз прогудел чей-то бас.

– Знают даже, что я здесь, – бросил трубку озлобленный Тарасевич. – Выслеживают. Значит, достал.

Звонок раздался вновь, и старший лейтенант, поколебавшись, поднял трубку.

– А ты трубку-то не бросай, гаденыш. Мы ведь не просто так звоним. Хотим, чтобы ты вместе с нами послушал некоторые вздохи и ахи – авось после этого пыл-то свой поубавишь.

В трубке шелкнуло, и пока Андрей догадался, что это включили магнитофон, послышался женский стон, а затем из него, из этого стона, плача, надрыва – голос жены:

– Пустите... Гады, сволочи... А-а, ы-ы...

– Зита! – закричал, забыв, что это магнитофонная запись, Андрей. – Зита, ты где? Что с тобой?

Послышался треск, и вновь до старшего лейтенанта дошло лишь подсознательно, что так рвут материю...

– Ну что может быть с женой командира ОМОНа, которого предупреждали вести себя скромнее? – наложил на новые стоны, крики и борьбу бас звонившего. – Правильно.

Только слабенькая она у тебя оказалась, командир, только четверых и выдержала.

– Андрюша, – звала и плакала жена. – Андрюша, спаси...

– Убью, – шептал старший лейтенант, безумно глядя в одну точку. А рука помимо воли тянулась к лежавшему на столе автомату. – Всех до одного.

– Андрюша, спаси... – еле улавливался в аппарате слабый, затихающий голос.

– Вот так-то, командир. Если не хочешь, чтобы ее пустили по второму кругу, отменяй операцию и мотай со своим отрядом из тюрьмы. И побыстрее.

Грохнулась о стол трубка, разлетевшись во все стороны черными осколками. Затем взметнулся вверх стол, и, теряя со своей замызганной чернилами, изрезанной ножами поверхности бумагу, ручки, остатки телефона, полетел в угол. Единственное, что успел перехватить капитан – это автомат. Перебросив его вбежавшим на шум омоновцам, сам схватил за руки Андрея.

– Опомнись. Опомнись, тебе говорят.

– Они Зиту... Зиту... Она же в положении, беременная, – обмяк в больших капитанских руках Андрей.

– Мы сейчас поднимем всю милицию, – сразу все понял Пшеничный. – Соберем афганцев. Зита дома была?.. Не уйдут... Найдем всех.

– Товарищ капитан, – вбежал солдат-охранник, который стоял около камеры с заложниками. Ничего не понимая,

оглядел разгромленный кабинет, возбужденных омоновцев. Но не забыл, зачем прибыл: – Заложники крикнули, что Сергей умер.

– Они хотят нас сломить, – тихо проговорил старший лейтенант. Освободился от рук капитана, прислонился к стене. – Они хотят подчинить нас себе. Нас, которые последними стоят у них на пути... Арнольд Константинович, значит, так: вы запускаете нас в соседнюю камеру, сами начинаете возиться у двери.

– Андрей!

– Да, только так! Только так, и никак иначе. – Старший лейтенант снял каску, вытащил из нее застрявший черный берет. Надел только его, отшвырнул каску в сторону. Протянул руку за автоматом. Подсоединил магазин. Проверил приспособленные к бронежилету нож и баллончики с газом. – Доставайте ключи, Арнольд Константинович. А за Зиту они заплатят.

Зита...

Пожалуй, единственно искренними и трогательными событиями, объединяющими людей, оставались в их время свадьбы. В одну из майских суббот прозвучал в Риге марш Мендельсона и для Андрея с Зитой – командира взвода местного ОМОНа и учительницы младших классов.

– Тебя в младшие классы направили потому, что ты сама маленькая? – хитро щурил глаза Андрей. Знал: сейчас Зита покраснеет, станет еще привлекательнее. Поймает его влюб-

ленный взгляд, смутится еще больше и слабо отмахнется ладошкой, упрашивая – перестань.

– Не-а, – улыбнется она...

Однажды он увидел ее, читающую книгу, в вечерней электричке, задержал взгляд и – о счастье! – именно к ней перед Ригой подсели трое подвыпивших парней. Они бесцеремонно заглянули в книгу, по очереди пощупали пышные рукава сиреневого платья. Девушка попыталась встать, пересесть на другую лавку, но ей ногами перегородили дорогу. Тогда она забилась в угол и стала искать взглядом защиту среди занятых своими делами пассажиров, сама став похожей на куст сирени, замерший перед грозой. И встретила спокойную, ободряющую улыбку Андрея. «Поможете?» – произвольно подалась она к нему, и Андрей легонько, только для одной нее кивнул.

На следующей остановке встал, прошел по вагону и сел рядом с парнями. Те оглядели его, соизмерили со своими троекратными возможностями, а главное, поняв, что это незнакомый для их жертвы человек, вновь повернулись к ней. И первый же, потянувшийся опять к книге, вскрикнул от боли после резкого захвата и выверта руки. Андрей спокойно улыбнулся ему, продолжая, однако, выворачивать суставы. И даже им, выпившим, стало ясно: здесь ловить нечего. Вернее, как раз есть чего.

– Теперь ничего не бойтесь, – посмотрел в широкие для маленького личика глаза девушки Андрей. А сам тут же по-

думал: «Но теперь бойся сам, если не хочешь пропасть».

Пропал! С превеликим удовольствием!..

– Мужества вам, – после традиционных свадебных пожеланий счастья сказал им командир отряда Млынник, и они, улыбнувшись, сжали под белой фатой друг другу руки – мы сильные. Выстоим. Хотя, конечно, понимали, что будет трудно, особенно Зите в кругу латышей, считавших оскорблением для нации замужество с «черноберетником», каким бы пресвятым этот «берет» ни был.

Да, видимо, глядел дальше и чувствовал больше их командир. Зиту не просто выставили с работы – не было дня, чтобы учителя при ней вслух не сочиняли заявление, которое на ее месте обязана была бы написать даже такая последняя тварь, как жена омовца.

– Не могу я больше, Андрюшенька. Не могу, – плакала Зита уже через неделю.

И тогда он при полной форме и при оружии зашел в канцелярию школы. Директор и учителя вскочили со своих мест, вытянулись, словно новобранцы перед сержантом, всем видом умоляя простить и помиловать. «Подлецы – они всегда трусы», – усмехнулся Андрей и увел Зиту из школы.

Только жили бы они одни на земле в такую смуту. Вскоре запылал ночью дом в деревне, где жила старенькая мать Зиты. Вроде случайно, хулиганами, но жестоко был избит ее старший брат. Подлость и жестокость пошли рядом...

– Вот что, ребята, – вызвал их к себе Млынник. – К нам

пришел запрос на толкового командира. В центр России. Командование решило послать тебя, Андрей. Пора расти в службе.

Конечно же, в первую очередь о двойственном положении Зиты думал капитан, но все трое сделали вид, что причина выезда из Риги – только служебная необходимость.

Успокаивало совесть и сглаживало чувство вины перед ребятами и то, что работы по созданию нового отряда было хоть отбавляй и новичок в этом деле вряд ли бы справился. Зато здесь, в России, в отличие от Риги детей ОМОНОм не пугали, вслед не плевали, небылицы не сочиняли. Отошла, оттаяла и Зита, бесконечно удивляясь тому, что могут быть нормальные, человеческие отношения между людьми.

До того случая...

– Андрюша, ты где? Ты где? – вздрагивала Зита даже тогда, когда он просто вставал с ее кровати, чтобы пройтись по палате.

– Я здесь, не бойся, – возвращался он к почерневшей, враз постаревшей от пережитого жене.

– Не уходи. Никуда не уходи, – умоляла она, и он вновь, опережая ее слезы, садился рядом, брал ее похудевшую, в синих прожилках руку в свои ладони, целовал их.

– Я боюсь, – шептала Зита, со страхом глядя на дверь палаты.

– Внизу наши ребята. Ты в безопасности, – врал Андрей. Его отряд, весь до последнего человека, рыскал по городу,

пытаясь выйти на след насильников. Зиту охранял он сам, неотлучно находясь с ней в палате уже неделю.

– У нее больше психологическая травма, чем физическая, – сказал лечащий врач. – Однако это не означает, что ей легче. А для ребенка будет лучше, если на время беременности она уедет куда-нибудь в другое место. К родителям, например.

К сожалению, этим советом ни Зита, ни Андрей не могли воспользоваться. О возвращении в Латвию не могло быть и речи, Андрей же был отдан в детдом при рождении и не знал ни отца, ни матери.

– А может, тебе лучше перевестись? – попытался найти иной выход заместитель Андрея лейтенант Щеглов. – Хочешь, я, как замполит, напишу в Москву?

Андрей вроде вначале отмахнулся, но мысль эта застряла, закрутилась, не подпуская другие варианты. Касалось бы дело только его одного, Тарасевич бы не счел нужным даже обращаться на какие-то сложности внимание. Но Зита... И даже уже не только и не столько она, а будущий ребенок заставлял старшего лейтенанта подчиняться обстоятельствам. Думал, что подобное возможно только в Латвии, однако преступники, видимо, национальности не имеют. Выйти же на насильников пока не удавалось, Зита запомнила только татуировку парусника на руке у одного из парней. По сводкам он нигде не проходил, и отряд пока решили не вмешивать в это дело, чтобы не спровоцировать подобное в отношении жен дру-

гих офицеров, а милиция, уставшая от дерганных указаний то российского, то союзного министерств, махнула, похоже, на все рукой и не собиралась ни во что вмешиваться. Повозмушался и пообещал помочь Карповский, но, кажется, забыл про свое слово еще до того, как за Андреем закрылась дверь кабинета.

– Уедем отсюда, Андрюша, – оживилась, ухватившись за эту соломинку, Зита. Когда-то она с надеждой ждала отъезда из Риги... – Уедем. Я без тебя из этой квартиры теперь никогда не выйду.

Комната их была на шестом этаже нового дома, и первое, что сделал Андрей после приезда из больницы, это врезал новый замок. Однако все равно Зита позволяла ему всего на несколько минут сбегать в магазин, а, возвращаясь, он каждый раз находил ее дрожащей, забившейся в угол дивана. О происшедшем они старались не вспоминать, но вся ситуация со службой, с их нынешним положением говорила, напоминала только об этом. Да и врач, которого Андрей уговорил приходить к ним на дом, озабоченно поднимал брови и пристально глядел на Андрея: я тебе давно сказал, парень, что делать.

И тут позвонил из Риги Млынник, командир.

– Андрей, здравствуй. Я знаю все, – торопливо добавил он, словно зная, что Зита рядом и любые намеки будут ей в тягость. – Значит, так. Я только что говорил с Москвой. Есть возможность поехать тебе на новое место службы. Начинать

опять с нуля – создавать отряд. В Сибири, – назвал в конце своей тирады капитан новое место службы. – Я думаю, стоит.

– Спасибо, командир, – тихо, сквозь спазмы ответил Андрей. Нашлась-таки живая душа на этом свете. Даже если бы Млынник просто позвонил, и то можно веровать эмблеме ОМОНа, а здесь еще...

– Значит, готовься на денек в Москву, за назначением. Привет от всех ребят. Держитесь.

До чего же все-таки суматошна и безразлична ко всему Москва. Оазис для чиновничьего и служивого люда, кормушка для фарцовщиков и спекулянтов, рай для шулеров и цыганок. Место, где можно достать все, что угодно или хотя бы что-то – в зависимости от возможностей и способностей. Откуда можно что-то отправить. Перекупить. Заложить. Договориться.

Москва – проходной двор, где ничего не задерживается. Ввозимое через Киевский вокзал выметается с Курского. Прилетевшие в Домодедово спешат в Шереметьево. Метро, исполосовавшее подземелье города, каждый день, захлебываясь, растаскивает народ в разные стороны. Около гостиниц – орнамент из кавказских лиц. Разбитые дороги. Бестолковая и дешевая реклама. Грязные халаты продавщиц и многолетняя злость на их лицах – из-за отсутствия товаров, необходимости платить дань директору, а отсюда – обсчета каждого второго или третьего покупателя, из-за собачьего жилья в коммуналке, общаге или пятиэтажной «хрущобе», из которой теперь вовек не выбраться. Грязь и вонь в подворотнях, потому что туалеты – это для Москвы второстепенно. Хотя, глядя на столицу, вряд ли можно найти, а что здесь первостепенно для отцов города.

Москва – место, где швейцары, секретарши, тысячи вся-

ких председателей, милиция на вахтах во всех захудалых конторах готовы растоптать любого соотечественника перед арабом или негром, не говоря уже о западнике. Город, первым из русских городов упавший на колени перед иноземным. Полюбивший дешёвые трюки гастролеров всех мастей. Митингующий в последнее время по любому поводу и гордящийся этой своей анархией. И непонятно как все еще выживающий в автомобильном смоге и хозяйственном бардаке.

Если бы можно было миновать Москву, разве ступила бы нога Андрея на ее улицы?

Только казалось чиновничьей Москве, что без ее благословения, совета, наставления ни одно дело в провинции не сдвинется с места. Приедь, представься, проникнись и помни, кого благодарить...

Поезд прибыл почти без задержки: на мигающем вокзальном табло попеременно высвечивались то дата – 19 августа 1991 года, то время – 8 часов 10 минут.

– В стране переворот, а поезда ходят по расписанию. Опять все не так, как у людей, – услышал, выходя из вагона, Андрей. Говорили, посмеиваясь, носильщики, ожидающие клиентуру, и Тарасевич, прошмыгнув с «дипломатом» между тележек, направился в здание вокзала. Быстренько побриться, умыться, ухватить по пути чего-нибудь в буфете – и к девяти тридцати успеть в министерство. А первое – позвонить Зите.

Он стал искать глазами переговорные кабины, и вдруг ря-

дом опять кто-то раздраженно произнес:

– Да что они, перевороты делают для того, чтобы мы смотрели «Лебединое озеро»?

Про переворот говорили и носильщики, и Андрей оглянулся: какой переворот? Пассажиры спокойно дремали на стульчиках, милиционеры заигрывали с молоденькой продавщицей из буфета, на экране подвешенного к самому потолку телевизора порхали балерины.

– Какой переворот? – повернулся Андрей к говорившему, и, чтобы оправдаться, не быть поднятым на смех, пояснил: – Второй раз за сегодня слышу.

– О, с четырех часов. Да вон, слушай, – невыспавшийся, видимо, промаявшийся всю ночь на вокзале мужчина ткнул небритым подбородком на телевизор.

Лебеди убежали за кулисы, и их место занял ведущий с каменным выражением лица. Народ задвигался, зашикал на особенно шумливых. Даже милиционеры оторвались от смазливой буфетчицы и поспешили к телевизору. Неужели правда? Но чей переворот и против кого?

Звук в телевизоре хрипел, ему не хватало мощности донести до всего огромного зала каждое слово, но главное Андрей уловил. Горбачев болен, вместо него – Янаев. В некоторых районах страны вводится чрезвычайное положение.

Тарасевич еще раз оглядел пассажиров: реакции почти никакой, люди пожимают плечами – кто их поймет, эти интриги, но порядок наводить давно пора. Лишь бы только не

стреляли.

Как только на экране вновь запорхали белые платъица, Андрей вышел на улицу. Взгляд сразу же выхватил, выделил танки. Их колонна была небольшой, в десяток машин, но как же неуклюже, а если точнее, непривычно смотрелись они среди легковушек и троллейбусов.

– К центру пошли.

– А про Горбачева все-таки что-то не то. Что-то сочиняют ребята. Сказали бы лучше правду.

– Да пусть сочиняют что угодно, лишь бы убрали этого болтуна.

– Сам ты болтун. Да то, что сделал Горбачев...

– А что сделал? Державу развалил – это точно. Так за это, что ль, спасибо ему? Что кровь льется и жрать нечего?

– Не державу, а империю. С колючей проволокой по параллелям и меридианам.

– Ну, ты, фраер, тебе здесь не митинг демократов. Иди на свой Манеж и ори про империю. А для меня она – Родина.

«На Манеж», – обрадовался, вслушиваясь в первую услышанную перепалку, Андрей. На Манежной площади хоть что-то, но можно будет прояснить. Или нет, сначала надо позвонить в министерство: раз Пуго в составе нового правительства, то и подчиненным перепадет кой-какая информация от начальства.

– Вы что, не знаете, что происходит? – удивились кадровики, когда он представился и доложил о своем прибытии.

– Что же мне тогда делать?

– Перезвоните завтра, может, что-нибудь прояснится.

Короткие гудки, как многоточие в романе – полная неопределенность. Что хочешь, то и предполагай.

– Ты знаешь, народ спокоен, – кричала в соседней телефонной будке женщина. – Это самое страшное, что спокоен народ. Меня это убивает. Его надо поднимать, будоражить. Надо всем идти на Манеж.

Значит, в самом деле, надо сходить на Манежную площадь. Последний год она мелькала в каждой оперативной сводке как точка накала всех страстей в стране. По этому поводу даже шутили: площадь способна вместить восемьдесят тысяч человек, но если это митинг демократов, то газеты обязательно «вместят» в нее более ста тысяч.

Но в любом случае Манеж даст хоть какую-то информацию, по ней можно будет предугадать развитие событий.

Было не по пути, но Андрей завернул и к белому зданию министерства обороны около Арбата. Постоял в сторонке, профессионально оценивая ситуацию. Машин – как около любого учреждения, но по периметру здания прохаживаются, стараясь не привлекать к себе внимание, офицерские милицейские патрули. Удалось заглянуть в одну из открывшихся дверей: там рядом с прапорщиком, проверявшим пропуска, металлической глыбой застыл солдат в каске, бронежилете, с автоматом на груди. Что ж, военные старались не дразнить гусей, хотя что эти предосторожности и скрытность, ес-

ли танки в городе! Вот где, конечно, несомненная глупость. Хотя... хотя черт его знает, может, это и отрезвит кого.

Около Манежной площади, у музея Ленина, уже клубился народ. Больше всех спорили, кричали, заводили вокруг себя споры женщины.

– Если мы сегодня не поднимем Москву, завтра всех нас перевешают и передушат, – останавливала за руки прохожих молодая, лет двадцати пяти, женщина. – Мужики, что вы молчите-то? Что вы все, как бараны?

«Бараны» смущенно пожимали плечами и отходили, поглядывая на подъезжавшие к площади автобусы с милицией: да, когда мать учит – дети вырастают ловкими, зато, когда отец – то умными.

Восток надо уважать хотя бы за одну эту пословицу. Сейчас женская вакханалия ни к чему, сейчас важнее голова на плечах, чтобы не наделать бед.

Андрей вдруг уловил в своем отношении к событиям некую раздвоенность, и, как, наверное, многие другие «бараны» еще не мог однозначно принять какой-то одной стороны. Все его существо протестовало против того бардака и беспредела, который творился буквально во всей стране. Но, как человек закона, не мог не видеть и тех натяжек, которые сопровождали приход нового правительства. Неужели оно и в самом деле думает, что народ поверит в болезнь Горбачева? Почему они сразу пошли на обман? И почему опять втягивают в политику армию? Где Верховный Совет и депута-

ты?

Прислушиваясь к спорам, репликам, он, оказывается, прислушивался и к себе: к каким доводам больше лежит его душа? Изначально он против Горбачева и Ельцина, взбуждавших страну и расколовших ее на два лагеря. По совести, так им надо бы обоим уйти в отставку, если они в самом деле думают о народе, а не личных амбициях. Хотя, конечно, страна уже разделилась, единения уже не будет в любом случае. А если победит Янаев, демократы ведь на Кремлевскую стену полезут – напористости, наглости, злости и нетерпимости к оппонентам им не занимать, они родились, выросли и держатся на этом. А если виктория смилостивится к Ельцину – ох, и погуляют ребята-демократы, ох, развяжут себе руки. В любом случае страшно.

– Идут, идут. От Моссовета идут, – слышались голоса и все, замолчав, посмотрели на противоположную сторону Манежа. Оттуда по улице шла толпа человек в двести, впереди несли икону, портрет Ельцина и новый флаг России. С белого листа единственного плаката звучал призыв: «Ельцин приказал действовать».

Прямо по улице, не спускаясь в переход, навстречу митингующим от музея поспешили люди. Поколебавшись, Андрей между остановившихся машин пошел за ними. Уже на площади оглянулся: добрая половина споривших осталась на месте. Да, страна раскололась. И будет кровь. И ее будет больше, если победит ГКЧП – демократы станут биться до

последнего за свою власть, они бросят в бойню любого. И, как ни страшно это произносить, но чем больше будет крови, тем лучше для них. Они наверняка уже сейчас тайно желают и ждут ее. Пусть кто-то погибнет по дурости, по глупости, случайности – но теперь любая капля крови будет на совести тех, кто ввел в стране чрезвычайное положение, кто ввел в столицу танки. И этой каплей можно будет утопить, подвести под любую статью каждого члена ГКЧП, переманить на свою сторону народ.

Андрей поймал себя уже на том, что больше симпатизирует ГКЧП. Точнее, не симпатизирует, а боится за них, за их дальнейшую судьбу. А все потому, что они не правы. Они все занимали высшие государственные посты в стране, и для того, чтобы навести порядок, можно и нужно было найти сотни других способов. А не ставить народ друг против друга. И в то же время... по крайней мере, сделана попытка выступить против развала великой страны. Неуклюже, неумело, но восстали. И история, наверное, им воздаст.

На ступеньки гостиницы «Москва» уже влезли с мегафонами первые ораторы: Ельцин призвал к всеобщей бессрочной забастовке, хунта не пройдет, мы имеем дело с кровавым – да, они все-таки жаждут крови! – реакционным переворотом, поэтому все – на защиту Белого дома российского правительства.

Около Андрея вынырнула женщина, митинговавшая у музея Ленина. Она яростно хлопала каждому выступающему,

что-то сказала парню, спокойно выслушивающему ораторов.

– Да пошла ты, – огрызнулся тот. – У меня руки в мозолях от работы, а у тебя от этих хлопков.

Он развернулся и пошел с площади.

– До-лой хун-ту!

– Ель-цин! Ель-цин!

– Сво-бо-да! Сво-бо-да!

– К Белому дому! Все – к Белому дому, на его защиту.

Нет, не та, не та стала Москва, подустали к этому времени, видать, от политики. За иконой и портретом Ельцина двинулось человек триста, и то чуть ли не половину составляли корреспонденты и такие, как Андрей – то ли любопытные, то ли неопределившиеся. Большую видимость чего-то массового приносили гудящие автомобили, попавшие в пробку.

Около Белого дома народа было побольше, тысячи две-три. Преобладала молодежь, и из их реплик Андрей понял, что первыми и пока единственными, кто откликнулся на призыв Ельцина начать забастовку, оказались кооператоры. Ругали рабочих: боремся за их счастье и свободу, а они чего-то выжидают. Несколько парней писали на бетонных плитах поверх уже законченного лозунга «Бей краснопузых» новый – «Отстреливай большевистскую сволочь без прома...» А ведь будут!

– Господа, мы победим, – кричала девица неопределенного возраста с кучи металлолома, уже натасканного на площадь.

«Солома для танков», – усмехнулся Андрей этой баррикаде и крикнул в ответ девице:

– А тебя-то саму в господу возьмут?

Однако он забыл, где и среди кого находится.

– Провокатор! – закричало сразу несколько голосов, и его мгновенно взяли в кольцо. Сзади по спине и ногам ударили, и Андрей напрягся, стараясь вырваться. С десятков «кооперативных господ» он, конечно, уложит без напряжения, но тут лучше отойти, не ввязываться.

– Посмотрите, да он подстрижен. Наверняка из КГБ.

– Потрясем его, гада.

Несколько ударов опять достали Андрея, к его куртке потянулись руки. Сгибаясь и прикрывая карманы, сделал еще одну попытку вырваться. Если найдут удостоверение омовца, растерзают без суда и следствия. Тогда придется биться, а ему нельзя, у него Зита...

– Погодите, – раздался властный голос, и в центр толпы стал протискиваться коренастый, полнолицый крепыш. – Я тоже подстрижен, но это ни о чем не говорит, – закрутился он, переключая внимание на себя. – А кагебешник так дешево не подставится, это просто дурак. А дуракам не место здесь. Не будем пятнать руки защитников Белого дома всякой дрянью, просто выставим его отсюда. Иди, – парень ухватил Андрея под локоть и толкнул прямо на толпу.

– Дуракам не место среди нас, – охотно подхватили польщенные «господа». – Вон его!

– Никуда я не пойду! – дернулся Андрей, но вырваться не смог: парень оказался цепок, в пальцах чувствовалась сила.

– Не дури. Успокойся и иди, – наклонившись, для одного Андрея проговорил он, и Тарасевич повиновался.

Прорвав кольцо, попетляли, взобрались на некогда зеленый, а теперь затоптанный газон. Подождали, когда про них забудут, потеряют из виду.

– Извини, но здесь сейчас никому ничего не докажешь. А вот морду набьют, – первым заговорил «выручатель». Он поднял руку, сделал круговое движение, и к нему тотчас пробрались еще два парня – подстриженных и накачанных. – До двадцати одного часа свободны, – сообщил он им.

«Свой», – вздохнул с облегчением Андрей: четкие действия и такие же команды не оставляли сомнения в догадке. Но продолжали молчать оба, глядя на крышу крыльца Белого дома, превращенную в трибуну. Стоявший там оператор-телевизионщик поднял руку, требуя внимания, затем замахал ею, заводя толпу вниз.

– Цирк, – усмехнулся парень и искоса поглядел на Андрея: как отреагируешь на мои слова?

– Страшно будет жить в обществе, в котором заправилами окажутся эти, – Андрей кивнул на беснующуюся толпу. И сам изучающе посмотрел на собеседника: я достаточно открылся?

– Ты местный?

– Командировка.

– Может, сходим куда-нибудь перекусить? Лично я голоден, как черт. Да и дождик, кажется, собирается, – парень поднял голову, и на подбородке обозначилась невидимая ранее ямочка.

– Согласен. Меня зовут Андрей. – И, помолчав, добавил.
– Из ОМОНа. Старший лейтенант.

– О, тогда совсем свой, – расплылся в улыбке парень. – А я – Михаил Багрянцев. Капитан. Что-то вроде спецназовца.

Услышав сквозь сон посторонний звук, Андрей резко сел на диване.

– Еще спим? – заглянул в комнату Михаил. – Ну и правильно. Бардак всегда лучше переспать.

– Что на улице? – стряхивая остатки сна, поинтересовался Андрей.

– Дождь. И листовок полно. За Ельцина, конечно. А у меня такое впечатление, – разувшись, Михаил прошел в ванную, включил воду. – У меня такое впечатление, – прокричал он оттуда, – что судьбу страны решает не народ, а Садовое кольцо Москвы. А если еще точнее – один Белый дом. Агитаторы ходят по улицам, собирают защитников, словно милостыню. стыдоба. Народ, если бы верил Ельцину, пришел бы на его защиту и без призывов. Короче, однозначности нет. А для истории парадокс: Белый дом находится на Красной Пресне. Опять красные и белые, и опять между собой повязанные. А победить может какая-нибудь третья сила, которая заставит потом русского мужика тыкаться мордой в новую грязь.

– Про Горбачева что-нибудь слышно?

– Ничего нового. Впрочем, про него уже давно все забыли, никто не вспоминает. Дохрущевился, черт бы его побрал. Это же надо – уехать отдохнуть в такое время. Ничему исто-

рия не учит.

– Что ГКЧП?

– Ни мычит, ни телится. Мало читали Ленина, где он про промедление, которое смерти подобно. По-моему, декабристы. Вышли, подставились – и все. На их месте надо что-то предпринимать для народа. Кто против – убирать. Так нет, хотят остаться в белых перчатках. Хвала, конечно, за это, но зачем тогда брались? – Михаил вышел из ванной, и Андрей замер: все тело его нового друга было покрыто красными шелушащимися пятнами. Удержался от вопроса, но Мишка сам, оглядев живот, плечи, развел руками: – Тропическая язва. Два месяца провалялся в Бурденко – бесполезно. Теперь вот бабулек ищу. Случаем, нет знакомых?

– Не-ет. А где подхватил-то?

– Далеко. Когда-нибудь, может, расскажу. Так, что у нас в холодильнике?

Он принялся возиться с завтраком, Андрей же быстро оделся, сложил постель. Хорошо, что судьба свела с Мишкой, а то неизвестно еще, где бы пришлось ночевать. И пришлось ли бы вообще.

Глянул в окно, передернул плечами: мелкий нудный дождик. Серый день занимался неохотно, словно не желая втягиваться в свару, затеянную политиками. А может, это и хорошо, что дождь. Разгонит любопытных, освободит улицы...

– Народу много? – проходя на кухню, спросил у заваривающего чай Михаила.

– На восемь часов... – тот глянул на увитые цветами настенные часы. Там в домике как раз распахнулось верхнее окошко и черная кукушка поклонилась под свое «ку-ку» восемь раз. – На восемь часов не остановилось ни одно предприятие Москвы. Думаю, что и не остановится. Народ понял, что идут политические игры, и не хочет в них участвовать. У Белого дома тысячи три. Гордые – как же, защитники, ночь продержались, и жалкие – мокрые, пучеглазые, не понимающие, что одной нашей группе...

Он осекся, но Андрей сделал вид, что не заметил, как друг проговорился что-то насчет своего, спецназовского. Багрянцев тоже помолчал, потом закончил, сглаживая:

– Короче, одной хорошо подготовленной группе на двадцать минут всех дел, чтобы войти в кабинет Ельцина. И без единой жертвы. Ладно, ну ее, политику. Гусары газет не читают. Давай, хозяйничай дальше, а я попою чайку и спать – вечером опять в патруль. Часа в четыре позвони, разбуди. Где будешь?

– Постараюсь попасть в министерство. Может, схожу к Белому дому, посмотрю.

– Не влазь ни в какие споры.

– Теперь ученый. Спи.

В министерстве на этот раз уже раздраженно попросили не лезть с глупыми вопросами и перезвонить на следующий день. Зита до плача обрадовалась его голосу и, наверное, слезы мгновенно высохли, когда он сказал, что задерживается

еще на день. «Приезжай быстрее, я умру без тебя», – звучали в ушах ее последние слова.

В метро народ толпился около стен, залепленных листовками. В газетах печатались указы нового руководства, и, вчитавшись в них, Андрей не нашел ничего такого страшного, что могло бы повергнуть в ужас страну. Садовое кольцо и Белый дом, кстати, тоже, если они, конечно, желают спокойствия стране. А то, что министры-гэкачеписты попытались сохранить Советский Союз как великую державу – так это задача любого правителя. Судить как раз надо тех и за то, кто разваливал страну.

Эскалаторы на «Баррикадной», ближайшей к Белому дому станции метро, работали только на выход. Народу, несмотря на дождь, было чуть больше вчерашнего, но широкого потока не предвиделось. Мишка не случайно подметил эту гордость некоторых москвичей: в самом деле, сумки с хлебом, рюкзаки с палатками они несли к Белому дому демонстративно целеустремленно, стараясь поймать взгляды окружающих и прочесть в них для себя восхищение и одобрение. Над самим Белым домом уныло висел дирижабль с трехцветным флагом.

– Древний государственный флаг России. Наконец-то!

– Какой к черту государственный. Историю знать надо: государственный российский флаг – черно-желто-белый. А этот, бело-сине-красный, исстари служил торгово-коммерческим делам. И предателю генералу Власову.

– Да пусть любой, лишь бы не красный.

– А чем красный был плох? Если кому-то мешал – валили бы сами из страны, не мешали жить другим. Все кому-то хочется дать счастье народу.

– Да как мы жили!

– Я жил нормально. И дети мои тоже не плакали.

Спорившие посмотрели друга на друга как на идиотов и разошлись каждый со своим мнением: под дождем даже ругаться не было охоты. На Садовом кольце сигналили автомобили, и Андрей, чтобы не идти в одной толпе с «ельцинами», пошел туда. Напротив американского посольства дорогу перегородил грузовик с прицепом, на борту которого висел плакатец: «Забастовка». Гаишники упрасивали водителя освободить дорогу, но тот, восседая на капоте, усмехался, радуясь первой и последней, может быть, возможности не подчиняться блюстителям порядка:

– Не могу, мужики. Президент приказал бастовать.

Один из милиционеров попытался влезть в кабину, но дружно заработали кинокамеры и фотоаппараты собравшихся, и гаишники, тоже демонстративно плюнув, пошли к своей машине.

Господи, где еще, кроме России, глава государства призывал свой народ к забастовке? Или победа любой ценой? Ну, сегодня – еще ладно, еще можно понять. Но ведь Ельцин не гнушался этим приемом, когда ездил по России и фактически узаконивал забастовки против союзного правитель-

ства и Горбачева. И никто не нарушал в стране чаще и откровеннее законы, чем сам Ельцин, взявший за правило не признавать союзное законодательство. Никто не раскачивал стул под Горбачевым больше и сильнее, чем он. Никто лучше не поддерживал и не провоцировал силы, направленные на развал Союза, единого хозяйственного механизма. И неужели он думает, что подобное не перейдет уже на Россию, и что в одно прекрасное время те же народы, населяющие Россию, не пошлют Президента России также далеко, как Президент России посылал все это время Президента СССР? Развалить Союз, самому оставшись целехоньким? Наивный. России же больше всего и достанется с ее многочисленными народами. И интересно, станет ли Борис Николаевич так же радоваться забастовкам, когда станет единоличным правителем?

А в том, что это произойдет, Андрей убеждался все больше и больше, ГКЧП упустил время, нет среди «восьмерки», видимо, и лидера, который бы повел за собой новую команду. Значит, они обречены.

Но самое страшное, что может произойти – победители нанесут мощнейший удар по своим оппонентам. И оправдают это путчем. Теперь все свои действия они будут оправдывать сегодняшними событиями. Они и Горбачева растопчут. Поиздеваются и выбросят, и будет это сделано более постыдно, чем в случае с ГКЧП. Лучше бы он ушел сам. Любой честный политик так и поступил бы, наверное: ведь его предало ближайшее окружение, люди, которые подбирались,

выдвигались им же. Да только ждать честности от Горбачева... Вот выпало стране времечко и лидеры!

Наверное, никогда не думал Андрей столько о политике. Мысли перескакивали с одного на другое, не всегда находились точные аргументы для своих убеждений, но он нутром, необъяснимо чувствовал: если сегодня умирает не ахти какая власть, то и на смену ведь ей идет далеко не лучшая. И, кажется, способная только разрушать уже созданное. А разрушители сами творить не могут...

Вокруг Белого дома прибавилось строительного мусора, который в листовках именовался баррикадами. Молодежь катила вручную троллейбусы, перегораживая площадь. Это была уже не солома для танков, но все равно еще не преграда. Впрочем, сами танки, усыпанные цветами и украшенные российскими флажками, стояли в плотных кольцах митингующих. Изредка из люков высывались безразличные ко всему солдаты и тут же прятались вновь. Кое-где в траки засовывали железные прутья. Гуляли слухи: на сторону Ельцина перешли Таманская дивизия, десантники и Балтийский флот.

«Не хватало еще, чтобы разделилась армия, – с горечью наблюдая за происходящим, думал Андрей. – Права, виновата она будет, но сейчас должна остаться по одну сторону баррикад. Раскол армии – это гражданская война. И чему здесь радоваться?» Замерзший в своей легкой курточке, с промокшими ногами, боясь вновь сорваться и влезть в спор, пошел

от набережной. За Садовым кольцом – опять прав Мишка – текла нормальная человеческая жизнь. Встречались, целовались влюбленные, несколько человек стояло за билетами в кинотеатр, бойко шла торговля цветами. В какой-то подвернувшейся по пути столовой за столик к Андрею подсел фронтовик с колодочками – без юбилейных медалей, одни Красные Звездочки, «За отвагу» и «За боевые заслуги». Он долго помешивал красный борщ, глядя в одну точку, потом поднял взгляд на Андрея. Словно только что вел с ним беседу, сказал тихо и грустно:

– Помыслы – благородные, исполнение – преступное, а вот последствия будут страшные. Придет победа, радоваться которой будет грех.

Не прозорливость фронтовика, принявшегося за еду, удивила, а то, что говорил он о падении «восьмерки» ГКЧП как о свершившемся факте. Неужели они так ничего конкретного и не предпримут? Они ведь тоже должны видеть, что на защиту Белого дома Москва практически не поднялась, а пять-семь тысяч на десятиллионную столицу – это меньше, чем капля в море. И если Ельцин победит, это случится не потому, что народ встал на защиту российского правительства и демократии, а потому что ГКЧП проявляет нерешительность. А последствия...

Сейчас, наверное, идет звездный час Горбачева. Не должно быть ничьей победы. Ничьей! Только это спасет страну от

противостояния и сведения счетов. Горбачев должен, обязан все спустить на тормозах. Ради высших интересов, а не личных амбиций, он должен сказать: да, я был болен, ребята погорячились, но сейчас я приступаю к своим обязанностям. Конечно, демократу ему этого не простят, обвинят в пособничестве ГКЧП и, в конечном счете, сбросят с поста. Но он бы спас страну. Неужели не поймет этого? Не увидит? Не пожертвует собой ради спокойствия миллионов? Ведь даже если он вернется и останется в Кремле, все равно теперь станет пешкой, которую начнут упрекать этим путчем – твои, Михаил Сергеевич, друзья, твои приближенные. Эту пешку будет хватать за голову любой политик средней руки и переставлять в необходимом себе направлении. Она уже не возьмет ни одной фигуры. Потом ее сбросят с поля, освобождая оперативный простор, но к этому времени уже не будет и страны. В самом деле, пиррова победа, прав фронтовик. Ну, сделай хоть что-то для страны, Михаил Сергеевич. За весь развал и бардак, что сотворил – только это...

Андрей тоже заметил, что думает о событиях уже в прошедшем времени. Не оттого ли увеличился и поток к Белому дому, что выжидающие учуяли запах поражения «восьмерки»? Тоже станут героями. Что ж, а он не пойдет на этот пир. Не такой победы он желал бы родине. Такой победы врагу не пожелаешь, потому что и победители, и побежденные – из одной страны. Из одной семьи...

До шестнадцати часов, когда нужно звонить – будить Мишку, оставалось уйма времени, и Андрей пошел на Киевский вокзал. Там дождался, когда освободится местечко в уголке, сел, расслабился, прикрыл глаза. И понял, что раздражало его все время, чего не хватало – путч заставлял забывать о Зите. Нет же, нет, только не это. К черту политику, когда страдает родной человек.

Жена вспомнилась-представилась испуганной, забившейся в угол дивана. Как-то ей одной? «Приезжай быстрее, я умру без тебя».

«Здравствуй, моя милая. Здравствуй, родная. Извини, что мало думал о тебе...»

Мишка опаздывал, и для Андрея, замаявшегося убиванием времени на вокзале, каждая минута казалась вечностью. Узкий козырек подъезда, где они договорились встретиться, почти не спасал от продолжавшегося весь день дождика, и ноги вновь стали мокрыми. Но винить было некого, сам напросился с Михаилом в патруль, побоялся оставаться один среди стен, где можно будет сойти с ума, думая о Зите.

Рядом с подъездом, на окне, трепетала, привлекая внимание, бумажка, на которой красочно извещалось, что отряд самообороны этого дома остановил два танка, идущих к Белому дому. Цифра «2» была аккуратно переправлена на «8», потом, видимо, уже ради смеха, на «10», и народ, падкий на всякое объявление, после чтения улыбался и отходил. Да еще поглядывал на Андрея так, будто это он повесил плакат и теперь стоит ждет, когда к его мокрым туфлям начнут возлагать цветы. Вначале он хотел перейти в другое место, но потом разозлился: а не пошли бы все подальше! Наконец, показался Мишка – под зонтиком, в сапогах.

– Привет. Что нового, кроме увеличивающегося вклада в победу демократических сил? – он кивнул на бумажку, которую мельком прочел.

– У Белого дома готовятся к отражению штурма. Говорят, «Альфа» ночью пойдет в атаку.

– Никакого штурма не будет. Держи. – Михаил вытащил из сумки яблоко и еще один зонт. – Карпухин завел свою «Альфу» в спортзал и уложил спать. Знаешь Карпухина?

– Слышал краем уха.

– Легенда. Говорят, Героя получил за Афган, сейчас генерал, всего сорок лет. Наши звонили знакомым в «Альфу», он сейчас «волнует» «восьмерку»². Десантники тоже заявили, что не будут предпринимать никаких действий против Белого дома. Громов от МВД не дает двигаться с места дивизии Дзержинского, а мы – в патруле. Да, начальник Генштаба Моисеев отдал приказ вывести ночью технику из Москвы³. Так что крови не будет. И то хорошо.

Каркнул это Мишка, не постучав по дереву – и зря. Когда вконец продрогшие, набившие ноги, голодные и равнодушные ко всему они в час ночи возвращались домой, их обогнала уходящая от Белого дома колонна БМП⁴. Около Арбата она втянулась под мост, но там застопорилась, тревожно мигая красными габаритными огнями в дыму выхлопных газов. Послышались крики, и Михаил с Андреем, переглянувшись, сложили зонтики и поспешили вниз, под мост.

² Генерал-майору КГБ Виктору Федоровичу Карпухину на самом деле было 42 года. Героем Советского Союза стал в 1979 году, когда, будучи капитаном, первым ворвался в Дворец Амина в Кабуле.

³ Громов и Моисеев после путча без разбора будут сняты со своих постов (генерал-полковника Громова потом, после выяснения всех обстоятельств, вернут в армию – назначат заместителем Главкома Сухопутных войск).

⁴ Боевые машины пехоты

– Да поймите вы, мы уходим. У-хо-дим! А вы делайте здесь что хотите, – кричал стоявший на броне офицер окружившим колонну людям.

– Нет, вы – наши пленники. Ни один танк не двинется с места, – кричали ему в ответ. – Глуши мотор.

– У нас приказ – покинуть Москву. И не танки у нас, а БМП.

– Глуши мотор, тебе говорят.

– Всех в плен.

– Забирай у них оружие, нам пригодится.

Несколько человек запрыгнуло на броню, и «бээмпешка» крутанулась, сбрасывая неожиданный десант. Начали «при-танцовывать» и другие машины, не позволяя приближаться к себе. Только одному парню удалось открыть десантный люк первой БМП, заскочить внутрь. Ничего не найдя там для себя интересного, выпрыгнул обратно. И то ли зацепился за что, то ли просто поскользнулся, но со всего размаха ударился головой об асфальт.

– Убили! – заорали сразу несколько голосов. – Хватай их, у них нет патронов, не бойтесь.

– Мужики, отойдите, буду стрелять, – крутился на броне офицер. – Уйдите, я ведь тоже за людей отвечаю.

– Да какие вы люди, вы – убийцы и сволочи.

– Да нет у них патронов. Отбирай оружие.

Толпа опять нахлынула к машинам, и офицер, оскалясь, передернул затвор и дал очередь вверх. Кто-то упал – то ли

от рикошета, то ли просто от испуга, но толпа отпрянула...

– Они же уходят, пусть идут, – крикнул Мишка. – Пусть уходят.

– В плен, – несогласно орала толпа. – Поджигай убийц. У кого есть бутылки?

Звякнуло, разбившись, стекло, и в тот же миг на силовом отделении одной из БМП вспыхнул огонь. Пламя осветило жиденькую баррикаду, натасканную перед машинами, молодых ребят, хватающих из этого завала камни и бросающих их в солдат.

– Запоминайте номера машин, – кричал кто-то. – Номера. Мы их все равно найдем.

– Пятьсот тридцать шесть. «БМП-убийца» – номер пятьсот тридцать шесть.

– Пусть уходят, – теперь уже вдвоем орали Мишка и Андрей, хватая парней за руки.

– Бей, добивай, – вырвался у них из рук курчавый парень и, подхватив кусок бетона, замахнулся им на солдат, которые пытались спастись от огня горячей машины. Оттуда раздался одиночный выстрел, но он нашел свою цель: парень надломился, рухнул под тяжестью своей глыбы.

– Вперед! – крикнул офицер, и БМП, взревев моторами, пошли прямо на толпу. На этот раз она расступилась, и горящая машина, разметав преграду, вырвалась на простор.

– Игорь, успел заснять? – послышался в непривычной после шума моторов и стрельбы тишине женский голос.

– Само собой, – ответили сверху, с моста. – Такое не упускаем.

– Спускайся сюда, здесь кровь. Подними ее.

– Каждому свое, – тихо проговорил Мишка, прислонившись к бетонной стене дороги. – Завтра увидишь, как из этих дураков будут лепить героев. Без героев им нельзя. Потому как нет без героев мужества⁵. Вот черт, накаркал же я, – вспомнил он свои слова днем.

– Трое погибших, трое, – передавалось в толпе. – Номер машины не забыли?

– Пятьсот тридцать шесть.

– Сообщайте всем: среди защитников Белого дома появились первые жертвы. Пролилась кровь. «БМП-убийца» – номер пятьсот тридцать шесть.

– Интересно, а что оставалось делать солдатам? Ждать, когда их сожгут и забьют камнями? – спросил у самого себя Андрей.

– Пойдем отсюда, – первым оторвался от стены Мишка. – Не могу видеть этой их тайной радости по поводу погибших.

⁵ Михаил Багрянцев не ошибся в своих прогнозах. Всем троим погибшим Указом Горбачева присвоят звание Героев уже, собственно, и не существующего к тому времени Советского Союза. Последние герои великой страны... С государственными почестями их захоронят на Ваганьковском кладбище, а газеты упорно будут избегать таких деталей, что погибшие попали на солдат первыми, что техника шла не к Белому дому, а от него. Зато против экипажа БМП № 536 возбудят уголовное дело. К чести суда и судьи В. Фокиной, несмотря на давление, желание придать делу политическую окраску, солдат признают невиновными»: экипаж подвергся нападению, оружие применено законно, в целях самозащиты.

Они выбрались из толпы, которая все росла и росла. Вдали замигала синим светом вертушка «Скорой помощи».

– Эх, чуть-чуть опоздали, – продолжал сокрушаться Мишка. – Может, удалось бы что-то предпринять. Ладно, дело сделано. Давай я звякну своим, сообщу, как было все на самом деле, а то ведь завтра концов не найдешь.

– А междугородный здесь поблизости есть?

– У «Художественного». Ускоренным маршем минут десять. Хочешь позвонить домой? А не поздно? Второй час ночи.

– Да что-то весь день думалось о Зите. В любом случае она обрадуется.

Мишка уже знал всю историю с Зитой, и первым направился на Калининский проспект. Чем ближе подходили они к синим буквам «Телеграф», тем сильнее охватывало Андрея нетерпение. Услышать голос Зиты, убедиться, что с ней все в порядке. И завтра же – к ней. Независимо от результата звонка в кадры. Да и какие сейчас могут быть результаты?

Роняя на пол монетки, набрал код, номер телефона. Плотнее прижал трубку к уху, словно приглушая, делая звук мягче там у себя в квартире. Сейчас Зита проснется, посмотрит на часы – они стоят в изголовье, на тумбочке, мигающие электронные циферки. Поймет, что звонок междугородный, значит, от него...

– Алло-о, – поторопил Андрей, отставляя трубку и теперь давая сигналу возможность наполнить свою однокомнатную.

«А может, не туда попал?» – нашел он успокаивающую мысль, когда и после этого гудки не прекратились.

Нажал на рычаг и перебрал номер. Ну же, Зита, поднимай трубку, а то здесь черт знает, что подумать можно. Ну!

– Ну? – заглянул в кабину Михаил. – Может, не туда попал?

Андрей молчал, в третий раз перебрал номер. Нет, он попадает домой. С самого первого раза он знал, что номер срабатывает верно. Это что-то с Зитой.

Закрыв глаза, сосредоточиваясь и вспоминая номер своего заместителя. На этот раз трубку подняли практически сразу.

– Да-а, – недовольно отозвался сонный Щеглов.

– Сергей, это я, Андрей. Извини, что разбудил, но я не могу дозвониться до Зиты. Извини, конечно, но... – он замолчал. Молчал на другом конце провода и Щеглов. Молчал подозрительно долго.

– Сергей, – тревожно позвал его Тарасевич.

– Андрей, – начал замполит, и по тому, как он сказал это, как молчал до этого и замолчал вновь, Андрей понял: случилось что-то страшное.

– Что? – прошептал он. – Что? – умоляя, попросил он.

– Я целый день звонил в Москву, пытался хоть как-то найти тебя...

– Что?!

– Ее... нет.

- Как... нет? – Андрею показалось, что он закричал, Мишка, читавший за стеклом газету, даже не повернулся.
- Понимаешь, она из окна... с шестого этажа...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«Деревья» для «Березовой рощи».

В ад попадают на девятый день.

А вот так работают в спецназе.

Первый из четырех. Евтушенки

всегда поучали других. Кровь и

горе – для будущего счастья...

1

– Говори.

Может, все же ошибка? Что-то перепутали?

– Я понял так. Где-то часов в четырнадцать Зите позвонили по телефону. Ваша соседка, Рая, звонок тот слышала – она как раз пришла на обед и открывала свою дверь. Это я уже потом восстановил хронологию. Через несколько минут Рая позвонила в вашу квартиру: вроде ты просил ее перед отъездом заглядывать к Зите.

– Да, просил.

Зиты нет, Зиты нет, Зиты нет. .

– Дверь никто не открыл. Она вернулась к себе в квартиру

и тут услышала крики на улице. Выглянула и... увидела.

Отрядный «уазик», выкладываясь, изо всех сил рвался из аэропорта в город. В город, в котором уже нет Зиты...

– Я предполагаю такой вариант, – продолжал с заднего сиденья Щеглов, видя, что командир ничего не говорит сам. – Видимо, та банда узнала не только ваш телефон, но и то, что ты в отъезде. Позвонили Зите, и, видимо, пугая, забавляясь, а может, на самом деле угрожая, сказали: мол, жди, сейчас придем за тобой. А через какое-то мгновение в дверь позвонила Рая...

Город приближался – серый от смога, дыма и пасмурности. Злой и враждебный – потому что породил и прячет убийц Зиты. Он найдет их. Он положит на это жизнь. Если потребуется – снимет погоны и уйдет из отряда.

– Куда, товарищ старший лейтенант? – тихо спросил водитель, когда подъехали к первой городской развилке.

– Где сейчас Зита? – спросил Андрей.

– В морге, – ответил замполит.

Нет, он не верит. Он должен сам увидеть...

– Туда.

В холодной, белой пристройке к больнице его подвели к одному из топчанов, прикрытому простыней. Приподняли край. Зита. Все-таки она.

И после этого Андрей отключился. Он знал, что будут похороны, видел их приготовление. Он смотрел, как на клад-

бище надвигалась, закрывая Зиту, крышка гроба, и исчезало навсегда маленькое, в завитушках белых волос, бело-мраморное лицо жены. Сидел за поминальным столом. Провожал маму и брата Зиты. Бродил по пустой, страшной без Зиты квартире. Ходил на кладбище. И не мог отыскать, почувствовать, ощутить себя в этом мире, будто улетела его душа вслед за Зитой в иные миры, оставив на земле болеть только тело.

Очнулся вдруг на пятый или шестой день. Вздрогнул от прорвавшейся через пленку оцепенения мысли: Зиты нет, а убийцы до сих пор на свободе! Подхватился, оглядываясь и готовясь к схватке.

Вокруг стояла тишина. Тишина, которая бывает только на кладбищах. Впрочем, он и был на кладбище. В голое поле, усаженном только каменными глыбами надгробий и крестами. Почему здесь не растут деревья? Почему никто не догадается посадить их? Зите он принесет сирень, она очень любила сиреневый цвет...

Андрей поправил шалашик из венков, вытащил из него дощечку с фотографией Зиты. Протер пленку, которой она была закрыта от дождей. Под полиэтиленом оказались капельки влаги, они коснулись фотографии и показалось, что Зита плачет. Как же он не уберег ее?..

– Андрей! – кто-то тронул его за плечо, и он вздрогнул от неожиданности. – Андрей.

Над ним стоял встревоженный Щеглов. Но только что мо-

жет быть тревожнее того, что уже произошло?

– Андрей, тебя ищут.

– Кто? – равнодушно спросил Тарасевич, не сводя глаз с заплаканного лица Зиты.

– Латышская полиция.

– Кто? – не понял Андрей. При чем здесь гибель Зиты и латышская полиция? Уж не на похороны ли приехала? Только он знает их помощь, он помнит их злобу и бессильную ярость, когда дело касалось ОМОНа в Риге...

– Они приехали, чтобы арестовать тебя. Очнись, это серьезно, – потрянул Щеглов своего командира. – Они приехали арестовывать тебя.

– Меня? Зачем?

– Чтобы этапировать в Ригу.

В Ригу? Его хотят арестовать и отправить в Ригу?

До Андрея, наконец, стало доходить услышанное. Но на каком основании его арестовывают? За что? Да и не поедет он никуда отсюда, пока банда не окажется за решеткой.

– Пусть попробуют. Мы в России, а не в Латвии, – успокоил своего заместителя Тарасевич.

– Россия согласилась тебя выдать! – со злобой проговорил Щеглов и виновато отвернулся. – У них на руках письмо Генерального прокурора России Степанкова к нашему министру внутренних дел Дунаеву: оказать содействие в задержании. Тебя и еще пятерых бывших рижских омоновцев.

– Ты видел?

– Видел. Карповский показал с ухмылочкой. Латышам даже выделена московская милиция. В помощь. У тебя дома засада. Я – сюда.

– Подожди, до меня ничего не доходит. Ничего не пойму.

– Тебе шьют бандитизм и террористические акты на территории Латвии. Когда служил там.

– Да я в Москву...

– Москва Риге теперь не указ.

– Почему это?

– Республики Прибалтики объявлены независимыми государствами.

– Когда и кем? На каком основании?

– Сразу после путча. А основание... ты же знаешь, как уважают у нас законы.

Путч! В Москве же был путч. Он улетал из столицы, когда там начался вывод техники. Значит, все закончилось?

– Расскажи, что происходило в эти дни?

– Переворот наоборот. Пойдем к машине, отъедем от греха подальше.

По рытвинам, канавам доехали до лесочка. И подтвердил Щеглов уже сказанное: путч закончен, организаторы арестованы, коммунисты объявлены вне закона – только в фашистской Германии было подобное⁶. Ельцин в угаре, он словно не

⁶ Щеглов ошибся. Компартии запрещались Муссолини в Италии, Гитлером в Германии, Франко в Испании, Пиночетом в Чили и теперь уже Ельциным – в России.

понимает, кого повторяет, к тому же принял он свое решение вначале на митинге, под свист и улюлюканье толпы, а потом и в присутствии Горбачева, Генерального секретаря ЦК КПСС. Методы банановой республики, а не великой страны. Выигрывать, оказывается, тоже надо с достоинством. И вообще, много всякого произошло за это время. Но главная новость для Андрея – латышская полиция с благословения Москвы рыскает по городам России в поисках рижских омонцов. В Сургуте арестован капитан Сергей Парфенов, вывезен в Ригу и брошен в застенок. Так что это не просто шуточки, надеяться на какую-то правовую защиту властей и закона – глупо. Надо скрываться.

– И все равно никуда я отсюда не уеду, – сжал кулаки Андрей. – Никуда.

– Тебе что, лучше сидеть в тюрьме иностранного государства?

– И в тюрьму я не сяду. В любом случае мы выполняли указы Президента СССР. Если я, выполнявший приказы – бандит, то тогда дважды бандит и преступник тот, кто отдавал эти приказы. В тюрьму добровольно я готов пойти только после того, как там окажется Горбачев. А раньше в их «Березовой роще» моего дерева не будет.

– Какой роще? – не понял замполит. Даже огляделся вокруг – они шли среди сосен, о березах здесь ничего не напоминало.

– А ты думаешь, латыши только сейчас задумали переса-

жать нас по тюрьмам? Как бы не так. Еще когда служил в Латвии, мы знали, что против ОМОНа разработана операция «Березовая роща». Цель – переломать нас по одному, как деревья. Подставить, оклеветать, спровоцировать. Одним словом – вырубить.

– Ну, вот видишь, сам все прекрасно понимаешь. Поэтому не дури и пережди хотя бы первое время. Потом решим, что делать. Держи пакет, здесь бутерброды, а это – отпускной и билет до Москвы, – Щеглов вытащил из кармана документы. Тарасевич, не глядя, отвел руку замполита.

– Нет, Сергей. Пусть против меня будет хоть весь мир, а не только Латвия, Россия и банда – я не тронусь с этого места.

– Ты слишком заметная фигура в городе. Тебе не скрыться. Уезжай, Андрей. Пересиди где-нибудь.

– Я вот о чем подумал, – не слушая заместителя, ответил Тарасевич. – Я боюсь, что наше российское руководство возьмет пример с прибалтов и начнет из-за одного меня вешать собак на весь отряд. Держи, – он протянул Щеглову свое удостоверение. – Не доставим им такой радости. Я больше не командир. Я уйду из органов, которые предают и продают своих офицеров. Я теперь – никто. И поэтому приговариваю убийц Зиты к смерти. Суда не будет, потому что суду прикажут их оправдать. Из-за меня. А теперь оставь меня одного.

– Андрей!

– Все! – губы Андрея запрыгали от сдерживаемого плача.

Замполит уловил душевное состояние командира, подался к нему успокоить. Однако старший лейтенант отстранился: – Все. Спасибо за службу и дружбу. Дальше я один.

– Не уеду.

– Не глупи. Сохрани отряд. Это последнее, что у меня осталось на этой земле. А так – ни родителей, ни жены, ни родины, ни Отечества. Волк. Черный волк. А волку легче живется одному.

Развернулся и, не оглядываясь, пошел в лес. Просто в лес. Куда подальше. Волку и в самом деле в лесу надежнее.

2

Давно не испытывал Илья Юрьевич Карповский такого удовлетворения, как при появлении латышской полиции. Все-таки бог шельму метит, такие люди, как Тарасевич, просто не могут быть чистенькими – слишком большое сомнение вместе с оружием под рукой и огромными правами. Такие обязаны стать убийцами. Каждый должен получить свое, и если командир ОМОНа заслужил смотреть на мир сквозь решетку – нельзя мешать этому счастью. Год назад еще они сажали неудобных, теперь испытайте, господа патриоты, тюремные прелести сами. Демократия не мстит, она просто позволяет торжествовать истине.

И события в Москве это подтвердили. Народ восстал, защитил Белый дом и демократию, не позволил пройти красно-коричневой чуме. Страшно представить, что было бы, случись по-иному. Не хотел вспоминать, вычеркивал из памяти Илья Юрьевич первый день путча. Когда все уже знали о перевороте, в его кабинет без стука вошел первый секретарь горкома партии. Кивнул, здороваясь, деловито оглядел кабинет, замурованную нишу, картину с цветами и молча вышел. Это, как понял тогда Карповский, означало конец. Он бросился к нише, с ненавистью посмотрел на цветы. Неужели жена была права, когда просила поосторожничать? – Валентина Ивановна, – вызвал он секретаршу.

Та, нервно теребя наброшенный на плечи платок, стараясь не поднимать взгляда, остановилась у двери. Это тоже не прошло незамеченным, ведь уже несколько дней она подходила к самому столу. Значит, жалеет, что не ушла с прежним начальством? Упустила, не просчитала момента? Не на того поставила?

Но выхода не было ни у нее, ни у него, и он попросил:

– Тут у меня строители недавно работали, узнайте, пожалуйста, кто они и откуда.

Если не удастся достать бюст Ленина и красные знамена, то надо хотя бы как-то заставить замолчать строителей. Премиями, квартирами, но – молчать...

Но пришло оно, двадцать первое августа. Полная победа в Москве. О, блаженный миг счастья. Мстя за свой прежний страх, в ключья разорвав уже подготовленные ордера на квартиры, поднялся на третий этаж и ногой открыл дверь в кабинет партийного босса. Точно так же, как три дня назад тот, оглядел кабинет и молча вышел. И с Валентиной Ивановной вскорости все образовалось – подбежала к самому столу и, повторяя секретарш в дешевых фильмах, перевалилась, словно имела груди, а на самом деле пустое декольте, сообщила:

– К вам из Риги.

Нет, выгонять он ее не станет. Она – истинная секретутка. Она служит своему месту, а значит, тому, кто сегодня начальник. Единственное – это не давать ей забыть, чтобы

она отслуживала свое прошлое. Предатель служит преданнее, ему некуда отступать.

А вот что не взяли Тарасевича – это плохо. Жаль. Тот как раз служит идее, а такие не должны больше возникать на горизонте...

– Илья Юрьевич, принесла, – в дверь бочком, оберегая сверток, вошла Валентина Ивановна. – Цветной. Симпатичный. Только привезли.

Она уложила сверток на стол заседаний, развязала бантик на шпагате и развернула хрустящую обертку. Подошедшему Илье Юрьевичу ободряюще улыбнулся из-за стекла портретный Ельцин.

– Очень хорошо и вовремя. Спасибо, Валентина Ивановна. А это, – Карповский привстал на цыпочки, снял картину с цветами, – а этот пейзаж нашего переходного периода отнесите, пожалуйста, в кабинет первого секретаря.

– А что сказать?

– Валентина Ивановна. Разве что-то можно сказать пустому месту? Просто войдите, поставьте и уйдите. Партии больше нет. Испарилась, стала удобрением для этих прекрасных цветов. Хотя нет, на таком удобрении такая красота бы не выросла. Но все равно несите.

«Кэмел» согласно заулыбалась, но Карповский все же ухватил на ее лице тень сомнения. Опять заглядывает вперед и боится, что все перевернется?

Секретарша, поняв прозорливость начальника, смути-

лась, и, торопясь затушевать, отбросить проявившиеся чувства и доказывая свою преданность, поделилась уже обдуманным, ждавшим своего часа:

– Я тут, Илья Юрьевич, насчет командира ОМОН подумала, вы знаете, если он виновен, то должен быть наказан. А если не виновен, то с чего бы ему было прятаться. Так ведь?

– Так, – насторожился Карповский. Сама Москва требовала него содействия в аресте Тарасевича, а он не смог...

– Я думаю, его надо... словом, скоро девять дней со дня самоубийства его жены, и он, наверное, придет на кладбище.

– Валентина Ивановна, – радостно заулыбался Карповой, – вам надо работать не у меня, а в уголовном розыске. Но я вас не отдам. Нет-нет! Мне такие люди самому нужны.

– Спасибо, – облегченно вздохнула и «Кэмел». – Вы знаете, мне до пенсии всего два года осталось, и куда-то уходить на новое место... Я отнесу картину.

«Неси-неси. Вы сейчас все понесете друг другу гавно, лишь бы самим остаться на плаву. Такая уж ваша власть была».

Ельцин опять одобрительно улыбнулся, и Илья Юрьевич принялся цеплять его на гвоздик. Отошел, придирчиво оглядывая: не косо ли? Но то ли гвоздь вконец расшатался, то ли вес рамы оказался слишком большим, но портрет прямо на глазах сорвался вниз и плашмя грохнулся на паркет. Во все стороны брызнули осколки стекла.

«Ох, не к добру», – мелькнула, путая будущим, мысль, и

Карповский бросился к портрету Президента. Борис Николаевич продолжал улыбаться через острые осколки, оставшиеся в раме: пусть хоть все разлетится вдребезги, мне ничего не станется.

Не должно стать. Не удержится Борис Николаевич – не удержится и он, Карповский. Поэтому... поэтому надо срочно звонить в гостиницу латышам. Он приветствует победу демократии у них в республике – нет, теперь уже в суверенном государстве, но свою грязь пусть они убирают сами. А заодно и нашу выметают. Тарасевичей надо растащить в разные стороны. Не дать им подняться и объединиться. Виночен – в тюрьму. Невзирая ни на какие прежние заслуги. Как членов ГКЧП. А разберемся потом...

...К кладбищу Андрей подходил со стороны леса. Сегодня исполнялось девять дней со дня смерти Зиты. Он сохранил для этого дня конфету, оказавшуюся среди бутербродов Щеглова. «Так сладкого хочется, значит, мальчик у нас будет, – таинственно сообщала Зита секреты своей беременности. – Не смейся, это правда. Мне женщины в консультации это говорили». Ох, как же он будет мстить. Он сегодня же выходит в город. У него нет больше сил, чтобы выжить, когда отрастут усы и борода. Но он будет осторожен. Дико осторожен, потому что против него и власть, и банда. «Спрут-3», первая серия. Сицилия. Это что, необходимый элемент демократии для России? Она не могла прожить без

этого беззакония?

Впрочем, не демократия виновата. Просто за это благородное, в общем-то, дело взялись грязные, злые, некомпетентные ни в какой области люди. И, кроме того, что они обозлят, перессорят всю страну, они испохабят саму идею демократизации. Страшно, когда из-за них народ перестанет верить в будущее. Бояться этого будущего. А нынешние демократы умеют пока только бороться и разрушать, революционеры – они в первую очередь люди лозунгов и баррикад. Сегодня же, когда всюду развал и провалы, надо просто уметь работать. Тащить телегу.

Нет, хватит политики. Надоело, крест. Сначала Зита. Точнее, банда. Хорошо, что отдал Сергею удостоверение, а то тот же Карповский весь отряд подведет под статью. А за кем еще охотится полиция? Чеслав Млынник – это ясно, он командир. Серезу Парфенова взяли, что же он поддался? Хотя откуда он мог что знать? Если бы не Щеглов, и он бы уже, наверное, трясся в арестантском вагоне. А Россия-то, Россия... На ее территории хватают ее офицеров, а она еще и помогает. Америка из-за одного своего заложника объявляет войны другим государствам, а здесь... Позор. Неужели Москве не ясно, что на них строят политическое дело? Что через них латыши потом обвинят ту же Москву, центр?

Он подошел к первым могилкам – уже обихоженным, аккуратным, взятым в оградки, и вдруг замер. Что-то сегодня, буквально минуту назад, мельком напомнило ему об

опасности. Он не заострил на этом внимание, хотел додумать потом, но перебилось, ушло в сторону. Что-то было, было, откуда-то пахнуло холодком. Кресты и опасность... Нет, крест он ставил на политике. Пойдем сначала и спокойно: крест, кладбище, опасность, Зита, банда, страна, Сицилия, «Спрут»... Спрут! Комиссара в фильме тоже брали на кладбище, около могилы дочери. Детали не помнятся, но было, кажется, именно так. Надо же, как сработало подсознание. Хотело предупредить, а он отмахнулся ненароком. Или это все-таки нервы? Затравленность? Нет-нет, лучше поосторожничать. В этом мире все повторяется, а подлости и предательства – в первую очередь. Он же не имеет права рисковать.

Прислонившись к первой попавшейся ограде, Андрей осторожно огляделся. Народу на кладбище человек двадцать. Но его должны интересовать мужчины. Одинокие мужчины, рассредоточенные по кольцу или периметру. Раз, два, три... черт, мешают памятники. Еще три человека роют новую могилу недалеко от Зиты. Подстава? Посмотрим, как работают. Нет, движения точны и экономны, землю далеко не выбрасывают, припечатывают рядом с ямой. Дорога и машины. Их около десятка, но есть ли кто внутри – не видно. Двое парней, опять же недалеко от Зиты, крутятся с оградой. Что они такие неуклюжие? Нет, успокоимся, у него, что ли, большой опыт в этом деле? Век бы не иметь.

Андрей засунул руку в карман и нащупал барбариску. Она

в красной обертке, уже чуть потертой. «Так сладкого хочется. Значит, мальчик у нас будет...»

Осторожно переместился еще на несколько могил. Каждый из заподозренных занимается своим делом. Еще несколько метров. Могильщики, положив лопату поперек ямы, ловко выбирают наверх – да, они профессионалы, они отпадают. Те двое, с оградой, подошли к ним, видимо, просят лопаты. А почему приехали без своих? Хотя, будь это полиция, такой явный прокол никогда бы не допустили. Одиночек – один, два, три... Ого, один уже за спиной, перекрыл путь к лесу. Откуда и когда появился? Проверим на вшивость, пока один.

Тарасевич решительно пошел обратно, но через несколько шагов остановился: мужчина был с двумя девчушками, поправлявшими цветы в банке на одной из могил. Да, нервы. Надо плюнуть на все и идти к Зите. Они не посмеют проводить задержание на кладбище. Должна же быть совесть или хотя бы капля человечности. А сегодня, на девятый день, душа Зиты, если верить старикам, после осмотра рая перелетает в ад. Хотя адом для нее стали последние дни на земле. Он не был рядом тогда, но он будет рядом сегодня. При любом раскладе.

Не давая больше себе осторожничать и опасаться, пошел к красно-зеленому от свежих венков участку. Зита лежит третьей с краю. Ряд теперь не найдешь, столько новых могил за девять дней появилось! Как же легко обрывается челове-

ская жизнь. А идти лучше по краю кладбища. Те, двое, все еще торгуются насчет лопат. Сзади никого. Впрочем, убежать... Нет, бежать он тоже не сможет. Бежать от места, где лежит Зита – никогда. Он пришел к ней. Вернее, он идет к ней. Дайте попрощаться, и он плюнет на все и уедет. Живите, сволочи, если можете. Жизнь, в самом деле, так легко оборвать, вон сколько могил, целый город. Но до Зиты дайте дойти. Донести конфету. У него ничего нет – только боль и конфета. Он преклонит колена, дотронется до могилы – и все.

Мимо горестно сидящих в обнимку мужчины и женщины, не выпуская из виду парней с оградой, стремительно подошел к Зите. И тут же отпрянул – ее лицо на фотографии вновь было заплакано. Кто? Кто мог брать ее портрет в руки и рассматривать?

– Стоять спокойно, – послышался голос сзади. Есть. Все же взяли. Это тот, который сидел с женщиной со сгорбленными плечами. Больше некому. Как же он упустил из виду, что они могут задействовать женщин! И какая падлюка согласилась идти на приманку, да еще в черном платке? – Ты окружен, Тарасевич. Бежать глупо.

Да, бежать глупо. Он и не побежит. Он не заяц, чтобы петлять по полю. Он не даст им возможности поулыбаться. Сколько их здесь? От могильщиков, сбрасывая перчатки и куртку, торопится еще один. Значит, втиснулся третьим к тем, настоящим. Бросили, наконец, заниматься ерундой с

оградой и те двое – ну, этих-то он сразу имел в виду. Четверо бегут от машины. Конечно же, и тот, с девчонками, совсем не случаен. Целая операция. Но он пришел к своей Зите. Подлее было испугаться, спрятаться в лесу. Он вышел. Ради памяти той, которую однажды защитил. Однажды, в самом начале. И не смог сейчас...

Зита плакала, глядя на него, и Андрей, чтобы не показать тому, который сзади, что тоже плачет, не стал утирать своих глаз. Он переждет, отморгается. Пусть из-за этого успеют подбежать те, от машины. Он дошел. Это главное. Здравствуй, любимая. Не плачь. Я люблю тебя. И еще приду. Много-много раз. Всю жизнь буду приходить. А сегодня принес тебе конфету. Ты очень хотела сладкого...

Андрей полез в карман за барбариской, но сзади схватили за руку, в спину ткнули стволом пистолета. Он дернулся, освобождаясь от захвата, но подбежавший «могильщик» с разбега ударил его ногой под колени. Падая, Андрей все же сумел вырвать руку, протянуть ее к могиле. На запястье наступили грязным ботинком, но было поздно: он разжал пальцы, и конфета осталась лежать на холмике. Здравствуй, любимая...

3

Телефон не отвечал, и Багрянцев, поглядев на часы, решился ехать к Андрею по адресу.

Таксист, почуяв в нем денежного клиента, включил музыку, крутанулся по центру, показывая достопримечательности и не забывая быть вежливым. В итоге намотал дополнительную пятерку, получил еще одну на «чай» и оставил «лопоухого москвича» у завалов строительного мусора, надежно и, судя по другим домам, надолго окружившего новую семиэтажку.

Лифт, конечно же, не работал, но шестой этаж для спецназовца – семечки, легкая разминка, не предмет для размышлений.

Однако никто не откликнулся и на звонок в дверь. Собственно, чему было удивляться, можно было сразу предположить, что Андрей скорее всего пропадает на базе отряда. Но это где-то далеко за городом, и, если честно, Мишке просто не хотелось ехать туда, понадеялся и зацепился за милое русское «авось», хотя и не имевшее ни одного процента удачи.

Оглянулся на дверь напротив. В глазке вспыхнул свет, словно там отпрянули под его взглядом. Тем лучше.

Надавил на белую кнопку. Звонок оказался резкий, громкий даже для лестничной площадки, и Михаил отдернул ру-

ку. Стал напротив глазка; не бойтесь, свой.

Однако дверь все равно не открыли.

– Кто там? – послышался женский голос, и Михаил чертыхнулся: ну вот как ответить на этот вопрос? Мужчина он!

– Я к Андрею, соседу вашему, – наклонясь к замочной скважине, – наверное, чтобы громко не кричать, ответил он: спецназовские привычки, оказывается, уже в крови. – Вы не подскажите, он дома сегодня будет?

– А кто вы? – кажется, женщина тоже наклонилась к замку: стало слышнее.

– Из Москвы. Друг Андрея. Я знаю, что у него... жена...

Это подействовало. За дверью щелкнуло, и Михаил увидел женщину в длинном, до пят, халате. Стекла ее очков чуть укрупняли глаза, тени же от дужек, наоборот, несколько удлинляли их, делали чуть раскосыми – это несоответствие, тем не менее, придавало женщине своеобразное обаяние. Михаил, почему-то сразу обративший на это внимание, так откровенно разглядывал соседку Андрея, что та заметно насторожилась.

– Извините, – приложил руку к груди Михаил и даже отступил на шаг, чтобы не пугать женщину. – Мне только узнать, бывает ли Андрей сейчас дома.

– А вы... вы когда его видели последний раз? – закрывая воротом халата маленький треугольник, оставшийся открытым на груди, продолжала интересоваться женщина.

Стервец, наверное, все-таки мужик по своей натуре, если

женщину видит в женщине при любых обстоятельствах. А может, и не надо загонять природу в рамки, которые человечество придумало само для себя и столько столетий впикивает в них торчащие плечи, ноги, руки, головы?

Так и с Мишкой. Вроде звонил по одному делу, а подумать успел, пока соседка задавала свои вопросы:

«Бдительная или любопытная? Но красивая!»

– Совсем недавно, двадцатого числа. Он у меня жил в Москве. Я его и на самолет сажал, когда узнали, что жена... Она жива?

– Нет, – соседка стала поправлять очки. – Но только... Знаете, Андрея не будет сегодня.

– Черт, жалко. Придется ехать в отряд. Извините еще раз. До свидания.

– Подождите, – остановили его, когда Багрянцев одним махом оставил позади лестничный пролет. – Вы... вы можете зайти на минуту?

«К вам – с удовольствием», – не понимая, чем вызвано такое «потепление», тем не менее, подумал Михаил.

Опуская глаза, чтобы не выдать удовлетворения, прошел в тесноватую, но уютненькую прихожую. Но успел заметить, отчего запахивалась халатом соседка: на груди, как раз в открывавшемся треугольничке россыпью-звездочками мелькнули родинки, когда хозяйка прикрывала за ним дверь. Но разве это надо прятать! Глупые женщины. Небось, столько мужских взглядов спотыкалось об эту привлекалочку-заман-

ку, отчего ж еще одному мужику не сойти с ума? И вроде ничего сверхъестественного, просто несколько родинок, а вот знали, черти, где появиться...

– Проходите, можно на кухню, я только с работы, – запахнулась вновь хозяйка. Ни про какие родинки она сама, конечно, не помнит, это просто привычка. Привычка одинокой женщины, прячущей свое тело от мужских взглядов. – Меня Рая зовут.

– Михаил. Багрянцев.

– А... вы Андрея хорошо знаете? – продолжила допрос соседка, когда они уселись за стол.

Молодец, ничего не скажешь. Настырна. Но все равно приятная.

– Не очень. Зато участвовали вместе в путче, – хотел пошутить Михаил, но для Раи это оказалось, видимо, серьезной новостью.

– Так его арестовали за участие в путче? – она испуганно схватилась за щеки.

– Арестовали? – встрепенулся теперь уже Багрянцев. Так вот почему соседка все так выпытывает. – Кто арестовал? Когда?

Поняв, что проговорились, но все еще неуверенно, Рая общила:

– Латышская милиция. Или полиция, уж и не помню, как назывались. Они два дня сидели у него в квартире, ждали, а потом поехали на кладбище и прямо у могилы Зиты...

– Даже так, – поник Мишка. – Демократия в действии...

А где он сейчас?

– Приходили ребята, сказали... вернее, я поняла из их разговора, что сейчас он в нашей городской тюрьме. Но через два дня рейс самолета на Ригу, его увезут туда.

– Взяли... Спасибо, Рая. Извините, но я в отряд. Надо что-то предпринимать. Нельзя, чтобы его увезли, иначе потом назад его не вытащишь.

– В отряд не надо, – задержала его вновь Рая. – Ребята сказали... словом, я поняла, что в отряде находится московская милиция, – осторожничала, до конца не говоря все в открытую Рая. – Ждут, вдруг кто-нибудь из друзей Андрея появится еще.

«Значит, ищут и других», – понял Багрянцев и остался сидеть. Посмотрел на застывшую Раю, спохватился, улыбнулся ей, успокаивая:

– Я понял, Рая. Я не поеду в отряд, москвичи не для меня, – улыбнулся он еще раз, когда Рая с облегчением вздохнула. – Но кого-нибудь из отряда я бы хотел все-таки увидеть. Где-нибудь случайно на улице, в автобусе...

Рая опять задумалась – она и так сегодня уже наговорила столько, что саму можно сажать в тюрьму за соучастие. Машинально сняла, протерла очки.

– Рая, я приехал помочь Андрею искать убийц его жены. Только теперь, видимо, надо помогать ему самому. А вы, как я чувствую, дружили с семьей Тарасевича.

– Да, Андрей столько мне помогал... Только меня предупредили...

– А я и не сомневаюсь в этом. Но только они ищут, насколько понимаю, рижских омовцев, а я – капитан Генерального штаба. Вот. – Михаил показал свое удостоверение. – И я просто спросил у вас, у соседки: где Андрей. Вы ответили, что не знаете, не видели его несколько дней. Я огорчился и сказал, что пойду искать базу отряда или кого-нибудь из омовцев. Так ведь было?

– Та-ак, – согласно протянула Рая, стараясь запомнить расклад гостя.

– Просто когда Андрея увезут в Ригу, наше благородство не будет никому нужно. А в первую очередь самому Андрею.

– Хорошо. Я сейчас, посидите, – Рая исчезла в комнате и вскоре появилась в платье. «И даже платье под горлышко», – не забыл отметить Михаил. – Я быстро, здесь рядом. Снимите чайник, если закипит.

Набросив куртку, исчезла за дверью. И – чайник так и не вскипел – быстро вернулась обратно.

– Его заместитель, Сергей Щеглов, сможет приехать только после десяти вечера. Прямо сюда.

На часах было восемь. Надо за оставшееся время попытаться устроиться где-то на ночлег. Рая, по всему виду, живет одна, но...

– Значит, я смогу зайти к вам в десять?

– А вы уходите? Сейчас ужин приготовлю.

– Я еще нигде не устроился, пойду пройду по гостиницам.

Вновь взялась за очки Рая, но теперь в раздумье. Багрянцев дал ей несколько секунд, но хозяйка промолчала, и он встал.

– А то подождали бы ужин, – в дверях неуверенно повторила Рая, но он отрицательно улыбнулся. На ужин, если сможет, он сам добудет и принесет чего-нибудь вкусного.

Да только что ты в незнакомом городе без звонка, рекомендации, без подарков да еще с рязанской мордой. О, да к тому же и военный? Тогда вообще нужно разрешение коменданта гарнизона, без его отметки к гостинице можно и не подходить.

А может, не лез нахрапом, не возмущался особо Мишка потому, что помнил о маленькой квартирке Раи? Это же надо, как пронзила своими родинками. Неужели прогонит, когда узнает, что с гостиницами полный провал? Он бы не стал наглеть, никаких приставаний или даже попыток, он ведь помнит про свое «тропическое» тело. Да и обстановка не та. Просто находиться рядом, знать, что рядом, в одной комнате... А первое, что надо добыть во что бы то ни стало – это взять в ресторане бутылку шампанского и коробку конфет. По-гусарски. Для ужина. И выпить за встречу, знакомство и освобождение Андрея. Завтра он поставит на уши все местные власти, журналистов, депутатов. Засыплет телеграммами Москву, а потребуется – и ООН. И допьют бутылку уже

потом вместе, когда Андрея освободят. Тогда он и скажет, что у него, Тарасевича, очень хорошая соседка.

Червонцами проложил себе путь от швейцара до распорядителя и официанта, остановившегося лишь при виде двух уже купюр. В секунду понял просьбу – никаких проблем, жди у входа.

И точно – через несколько минут, прикрывая подносом пакет, официант подошел к дверям.

– Коля, – позвали его в полуоткрывшуюся перед Михаилом створку. – Повтори мне на дорожку то же самое. Возьми.

Перед Багрянцевым просунулась рука с деньгами, и Михаил замер, увидев на ней татуировку с парусником. Парусник, парусник... Андрей! Это Андрей говорил о паруснике. Это Зита запомнила татуировку, когда ее захватили.

– Проходи, проходи, – подтолкнул его швейцар. – А вы там не напирайте, мест нет и не будет.

Чтобы не выдать себя ни взглядом, ни жестом, выбираясь сквозь небольшую, но настырную толпу у ресторанных дверей, Михаил даже не посмотрел на обладателя татуировки. Потом, потом, со стороны. Мертвая хватка готовится издали. Так надежнее.

В вестибюле занялся пакетом, якобы проверяя полученное... Так, рост – под метр восемьдесят, вес – все девяносто. Весовые категории разные, но это второстепенно... Шампанское «Полусладкое», молодец Коля, не схалтурил... Одет не то чтобы шикарно, но вещички или по блату, или в коммер-

ческом. Не дурак выпить, раз повторяет. Но основное – собирается куда-то уезжать... Коробка конфет красивая, вся в лютиках... Внимание, Коля передает еще два пакета. На улицу выходим первым. Машина! В ней – еще двое. Ждут «парусника»? Черт, уйдут, уедут. Надо цепляться за них, вливаться...

Пока скрипела за спиной входная дверь, а тем более увидев восторг и оживление в машине – решил. Спиной, боком, коряво бросился Мишка вроде бы обратно в гостиницу. Разбега почти не было, но ударил в грудь «паруснику» достаточно, чтобы отбросить его обратно к двери. А теперь падаем сами, да грохнем шампанское о стену. Эх, Рая посидели...

– Идиот, куда zenки подевал? – заорал «парусник», а из машины уже выскочила подмога. Держи морду, Миха.

– Да я тебя сам за бутылку... Я бабе нес, а ты... – опять боком, чтобы не выпускать из виду машину, пошел на цель Багрянцев. – Что же ты, зараза, наделал?

Успел. Успел ухватить за грудки «парусника» раньше, прежде тем его самого схватили сзади.

– Гони бутылку, – орал Мишка, отбиваясь ногами от заднего.

– Гера, врежь его, – попросил «парусник» напарника, и Багрянцев напряжился, сгруппировался, «надевая рубашку»: теперь пусть бьют, не такие удары в спортзале держали. А вот сами получите тоже: он подпрыгнул и поддел головой

Геру.

– Убью! – завопил тот и замотал Мишку, пытаясь отодрать от друга. Хорошо, что тому мешали пакеты, хотя видно, что он на взводе и готов опустить покупки на голову врагу.

Выручил милицейский свисток швейцара. Выглянув на шум, черно-желтое квадратное существо раздуло щеки, и свист неожиданно мгновенно отрезвил противников.

– Уходим, – Гера перестал шпынять ногами и просто дернул Мишку, уже вроде по-хорошему пытаясь оторвать его от приятеля.

Нет, господа-товарищи, ручки слабы. Ручки тренировать надо. Я теперь – репей и только с вами.

Он ввалился вместе с «парусником» на заднее сиденье машины, водитель дал по газам, и за стеклом замелькали фонари. Начало положено. Каким-то будет конец? Теперь – мириться и очухиваться, пока не пырнули чем-нибудь в бок.

– Ну что, выпить до сих пор хочется? – перевалился с переднего сиденья Гера.

– Сейчас подумаю, – искренне признался Мишка, вкладывая в ответ свой смысл. Однако освободившийся от пакетов «парусник» наконец сам дотянулся до Мишки, и перед глазами вновь мелькнули синие мачты, синее море...

– Подумал, – поспешил добавить Багрянцев, но удар в скулу уже получил. – Подумал-подумал. Но вы меня, мужики, тоже поймите. Я беру бабе шампанское, и вдруг оно вдребезги. Вам бы такое.

– У нас такого не бывает, – впервые подал голос водитель. – Мы берем бабу сразу с шампанским. Разница. Но ты мне понравился – за свое впиваешься в глотку.

«Значит, он старший, раз хвалит», – оценил расклад сил Мишка. А сам простодушно – хорошо все-таки, что рязанская морда, надул губы и подсластил:

– Да и вы тоже... свое не отдаете.

Гера хохотнул, «парусник» тоже повел плечами: доброе слово и уркам приятно.

– Ну, и что с бабой теперь? – осторожно вел машину и разговор старший.

– Значит, не повезло ей. А завтра воспользуюсь вашим советом и пойду уже с шампанским.

– Ты всегда такой прилежный в учебе?

– Когда мне это необходимо, – не забыл выгодно преподнести себя Мишка.

– Кем работаешь?

– Пока вольный. А так – достаю и приношу, если грубо говорить.

В спецназе всегда учили говорить как можно ближе к правде, чтобы потом не путаться и не сыпаться на мелочах.

– А если потоньше? – срезал свои пласты старший.

– Обычно ставлю мины во время отхода, – дал совсем тончайший срез Багрянцев. Для спутников, однако, этот ответ оказался еще более неотесанным брусом, и они на время замолчали. Вот это и хорошо, надо попытаться выглядеть

многозначительным пустышкой, к тому же еще чуть хвастливым, но и знающим себе цену. Не дать составить о себе однозначное представление: в этом случае легче лавировать и закрывать промахи.

Однако водитель оказался не меньшим репьем, чем сам Мишка:

– Получалось? Имею в виду мины?

– Орденов пока нет, но доверяли.

– В какой сфере деятельности прикрывал отходы?

– Можно сказать, что в коммерции.

– Чего же сейчас вольный?

– Путч. Начальство посоветовало расползтись, лечь на дно и переждать неизбежные разборки после победы одной из сторон.

– Мудрое у тебя начальство.

– У дураков не служим.

Что дальше? Это же, видимо, решает и водитель. Помочь? Направить составление задачки в своем русле? Эх, сейчас бы какую-нибудь домашнюю заготовочку. Да кто ж знал, что придется брать не технику, а людей. На бандах специализируются всякие там кагебешные геометрические «альфы» да «омеги»...

– Ну, как ты думаешь, что мы с тобой будем делать? – честно поровну поделил решение задачки водитель.

– Только не бить морду. Обычно говорят, что двое одного не бьют, а вас даже трое, – вернул условие на исходный пункт

Багрянцев.

Проехали несколько фонарей, прежде чем впервые водитель обернулся назад:

– Есть предложение пригласить тебя на наш скромный ужин. Может, и поговорим поближе.

Спутники согласно и вынужденно, а Мишка откровенно, но все – улыбнулись.

4

Дверь Мишке, Гере и Моте – «парусник» так и представился: «Мотя», – открыла длинноногая и длиннорукая девица, ухитрившаяся втиснуть свое такое же длинное и гибкое тело в узенький кусочек блестящего зеленого материала.

– Эллочка, это мы, – Мотя поднял над собой пакеты. – И не одни, – он кивнул назад.

Мишка закланялся и протянул свою коробку конфет.

– Лишних не бывает, – неожиданно писклявым для своего роста голосом разрешила хозяйка войти им всем в дом.

Облегающий Эллочку кусок материи оказался еще меньшим, когда она повернулась: глубочайший вырез до поясицы сэкономил минимум еще полметра.

– А где Данилыч? – пропищала уже из кухни хозяйка.

– Скоро будет. Вроде должен с Боксером встретиться, – ответил Гера.

– С Боксером... Сказал бы сразу, что поехал Соньку трахнуть, – не поверила Элла. – Выйдет Козырь, он и им, и нам ребра переломает.

– А по-моему, пусть разбираются сами, – развалившись в кресле, вальяжно проговорил Гера. – В крайнем случае, мы к Моте в Москву смотаем. Приютишь?

– Мотя старых друзей не забывает, – «парусник» умело и сноровисто очищал заставленный грязной посудой стол. –

Давай, приобщайся, минер, – подозвал он Мишку.

Через некоторое время стол был накрыт вновь. Быстро, застоявшись в ожидании, выпили по первой. Эллочка близоруко сверлила взглядом гостя, и Мишка чуть занервничал: женское чутье идет от пяток, а пятки боятся холода.

– Откуда мальчик? – неожиданно спросила она, и Багрянцев понял, что не ошибся в своем предположении.

– С Мотей бабу не поделил, – хихикнул Гера.

– Не бабу, а шампанское, – огрызнулся тот. – Данилыч хочет поговорить, познакомиться, – отмежевался от Мишки «парусник».

Эллочка, прикурив сигарету, протянула пачку гостю.

– Не курю, спасибо. Курить вредно.

– Курить вредно, – согласилась она. – Но не курить – странно.

Выпили по второй. Эллочка, не закусывая, проходила на кухню. За столом разговор не вязался: новый знакомый нужен Данилычу, а шестеркам вылезать поперек туза – быстро в отбой выбросят.

– Гера, – разряжая обстановку, позвала из кухни хозяйка.

Гера, покачнувшись, вылез из-за стола, «парусник» пересел на диван, включил магнитофон. В этой ситуации лучшее – чтобы побыстрее приезжал Данилыч. Переговорить, откланяться – и до новой встречи.

Вместо водителя в дверях показался Гера. Не поднимая взгляд, быстро прошел к столу, и прежде чем Мишка почув-

ствовал опасность, бросился на него, сбил со стула.

– Вяжи, – прокричал он ошалевшему от неожиданности Моте.

Но нельзя отвлекаться во время драки даже за помощью. Багрянцев, ни на мгновение не забывавший, где находится, упустил лишь первый момент – момент удара. На второй уже был собран и крутнулся под Герой всем телом: перво-наперво требовалось разжать у того пальцы. Почувствовав, что удалось, подтянул колени и выпрямил спину – уже не лежащий. Заработал локтями – куда угодно и как угодно, и не для ударов даже – просто чтобы не дать схватить себя за руки. Задергал головой – в драках ее почему-то оберегают, а башкой тоже надо драться. Удалось отпугнуть на секунду Геру и подхватиться. А вот теперь – держись!

Ох, как любо, как приятно драться в комнате, да еще не своей, все, что ни под рукой – во врага. Сам – к стенке, она защитит спину. Ногой в пах ничего не понимающему, но рванувшемуся вперед Моте – получите перед поездкой в Москву. А ты куда, дура длинноногая, здесь же не бальные танцы.

– Уйди от греха, – крикнул ей Мишка, когда она попыталась забросить на него шнур от разлетевшегося по полу телефона.

– Отойди, – крикнул и Гера, бросая одно за другим одеяло, плед, покрывало, еще какие-то тряпки.

Не додумал до конца Мишка предыдущую радость: опасно затевать драку в комнате, где есть чем запутать против-

ника.

Повязали вещи и его, сбили ритм, отобрали внимание, заставили делать много лишних и ненужных движений. На него бросились сразу втроем, сбили общей массой, стали бить, как придется и куда придется. Вот теперь голову надо прятать и беречь...

– Вяжи, – хрипел то ли Гера, то ли Мотя – в злобе все голоса на один лад.

Схватил, соединил ноги шнур. Несмотря на удары и боль – напрячься. Растопыриться, сделаться больше, неуклюжее, чтобы потом расслабиться и выползти из петель. Индийская йога. Руки вперед, только вперед. Пусть вяжут впереди, позволим. На чем же взяли, где он промахнулся?

– Ну что, товарищ капитан, – плюхнувшись на диван, с одышкой проговорил Гера. – Сам все расскажешь или утюжок включим?

Мишка прикрыл глаза: удостоверение. Эллочка пошарила по карманам и нашла удостоверение. Ну да, он вытаскивал его, когда показывал Рае, и оставил в куртке...

– А мы включим его в любом случае, – Мотя, проверив на нем узлы – напряглись! – открыл тумбочку под телевизором, достал утюг. – Ты мне, шкура, сразу не понравился. Но сейчас попляшешь. Эллочка, звони Данилычу. Что-то в последнее время нюх его подводит.

– Позвони сам, – Эллочка смахнула с тумбочки остатки телефона. Подошла к лежащему Багрянцеву, наступила ему

ногой на горло. – Ты мне, пидер, вылижешь всю квартиру. Языком. А потом я изрублю тебя на мелкие кусочки и спущу в унитаз, гавно мильтонское. Гера, мотай за Данилычем.

– Да я же без колес, нас Данилыч и привез.

– Тогда беги звони, телефон у почты. Сразу Соньке звони, у нее он.

Гера, поддев по пути Мишку, вышел.

– Мадам, – прохрипел капитан. – Уберите ногу.

– Ты мне еще, гаденыш, станешь тут указывать, – повозила Эллочка туфлей по горлу.

– Да я бы ничего, мадам... Но трусы ваши... прямо под носом... воняют сильно.

– Ты их еще жевать будешь, – даванула сильнее хозяйка ногой, но что-то стыдливое, видимо, осталось – отошла от Мишки.

Так, это было главное – освободить горло. Теперь расслабляемся, «таем». Покрутим руки. Не торопиться, но и не забывать, что скоро придет подмога. Тогда – каюк. В крайнем случае, он и не станет отрицать, что офицер. Весь предыдущий разговор с Данилычем подводится под его спецназовскую работу. Но лучше, конечно, мотать отсюда. Мотя пробует утюг, отдергивает пальцы – горячо...

– Ну, и где ты ставишь мины, минер? – утюг приблизился к самому лицу, Мишка увидел в нем свое расплывчатое изображение. Подался назад, одновременно вытягиваясь из петель. Раскаленное железо впилося в подбородок, застави-

ло вскрикнуть. – Неужели не любишь? – усмехнулся Мотя. – Но это еще ничего, это цветочки. Элла, для гостя клея у тебя не осталось?

– Для него найдем, – Эллочка сделала несколько торопливых затяжек, затушила сигарету о Мишкин лоб и ушла на кухню.

– Поставим мы тебя раком, капитан, зальем клеем, подержим пока затвердеет, а когда на унитаз напрочишься – посмотрим. На стенку никогда не лез? Полезешь. Не такие лазали. А пока и уютюк неплохо, – он опять стал приближать Мишке его изображение, и Багрянцев, успевший под разглагольствования Моти спустить с локтей два круга опоясывавшей его веревки, поддел снизу горячую ношу. Мотя, оберегая руки, выронил уютюг, отскочил в сторону. Багрянцев же, наоборот, бросился к нему, прижал веревку на руках к его острому, горячему краю. Зверино зарычал – от боли, ярости, для устрашения врага и собственного возбуждения. Ладони жгло, тысячи сил отталкивали их от огня и боли, но рычал Мишка, выпуская боль через этот крик и ожидая, когда пережгутся петли. И когда Мотя, задержанный вначале на миг этим криком, потом появлением Элочки, – когда Мотя аж через эти мгновения снова ринулся на капитана, Мишка уже встречал его прямым коротким под дых. Снизу, точнехонько. Обмяк Мотя сразу всеми парусами, захватал ртом воздух. Завизжала, сменив умолкнувшего Мишку, Эллочка, но убежать не стала, а тоже потянула длинные руки в драку. Ах,

мадам, прилягте в этом случае рядом с дружком.

Сам засучил ногами, освобождаясь теперь от телефонного провода – нельзя вязать проводом, ребята, растягивается он, не держит узлы. «Парусник», набрав воздуха, вновь пошел буром – а зря, к атаке надо готовиться, надо было отбежать, очухаться. Теперь же – хрясь! – мордой на костлявую задницу своей подружки. Вот так работают в спецназе.

Багрянцев набросил провод на шею Элочки, перебросил конец между ног Моти, закрутил край ему через горло. На горло не надо становиться ножкой, мадам, это пижонство, – шею надо воедино связывать с руками и ногами, чтобы меньше трепыхались. Учить вас еще надо, салаг.

– А теперь слушайте меня, – поднял утюг Мишка над связанными вместе, воедино, наспех противниками. – Теперь я повожу им по вашим личикам. Очень красивые личики будут, гарантирую. Но есть вариант. Вы называете мне тех, кто насиловал жену командира ОМОНа. Ну!

Он приблизил утюг к лицу Моти. Тот зарычал, и Мишка, только что через крик сам вылезший из петель, коленом поддел его в промежность – не дергайся.

– Не хочешь? Элочка, давай ты. Извини, но не до джентльменства, – Мишка стал подносить блестящую, жаркую лодочку поверхности утюга к хозяйке.

– Не-ет, – закричала она. Ого, и голосок прорезался. – Я не знаю, меня не было.

– Ребята, вы понимаете, что я не могу с вами долго во-

зиться и упрашивать. На нет – и суда нет. Но я знаю ваши законы и помогу избежать их. Будете говорить по очереди, я вас повязываю одной веревочкой, а дальше как хотите. Итак, Мотя. Ты был? – Мишка ткнул носиком утюга в то же место, куда касался его самого «парусник».

– Да-а, – простонал тот.

– Второй – Гера? – Багрянцев дал посмотретья в пышущее жаром «зеркальце» девице.

– Да!

– Третий – Данилыч?

Только кивнул Мотя, побоявшись про старшего сказать вслух.

– Четвертый?

– Тенгиз.

– Адреса, телефоны, как их можно найти? Быстрее, не нервнируйте, – Мишка поставил горячую ношу на живот Моте. Тот взвился, выгнулся, но захрипела Эллочка, да и сам «парусник» захватал воздух – вот зачем горлышки нужны, чтобы сами себя душили. Так что трусы сами жуйте, если есть охота.

– Адреса, – повторил Мишка, дотягиваясь до книжной полки. Не глядя, нашарил там фломастер, вырвал страницу из какой-то книги: – Пишу.

Когда поставил точку – словно нажал звонок. Но фломастер застыл, а звонок повторился и второй, и третий раз – коротко, условно, и пробежало облегчение по лицам повер-

женных, затаились, притихли они, не желая больше привлекать к себе внимание капитана.

– Пикнете – убью, – предупредил Мишка, но для большей гарантии затолкал в рты валявшийся под ногами плед. Вышел в коридор. Надел свою куртку. Размял для новой драки горящие от боли руки – рано им успокаиваться, любая оплошность опять захлопнет ловушку и тогда...

В дверь вновь трижды позвонили, и на третьем звонке, щелкнув замком, в открывшуюся дверь вlepил открывшемся Данилычу в живот. Это вам не с Зитой воевать. Сбив согнувшегося водителя в угол площадки, помчался вниз по темной узкой лестнице. Запутался немного в дверях – ломанулся было в закрытую половину, но выскочил на простор, на волю, на свежий воздух раньше, чем послышался вдогонку мат Данилыча.

Теперь – ноги в руки.

Однако ударил свет фар, лишь только он выбежал на улицу, взревел за спиной мотор стоявшего у подъезда автомобиля. Гера? Остался сидеть в машине Данилыча?

Гул начал стремительно нарастать, Мишкина тень – укорачиваться и становиться отчетливее, а вдоль тротуара – сплошняком заборные плиты. Черт бы побрал эти новые районы. Но впереди – резкий поворот, надо что-то предпринять там. Гера достаточно выпил, надо использовать его замедленную реакцию. А пока бежать, рвать, как к золотой медали. Ах, спасительные русские дороги – рытвины да камни.

Камни! Надо ухватить камень, и на повороте – в стекло.

Потерял секунду, укоротилась страшно тень, но камень – в руке. Поворот. Быстрее же. Еще чуть. Справа – кусты. Попасть в стекло. Пора.

С разворота (никогда не играл в гандбол), только краем глаза ухватив цель, бросаясь сам за кусты, запустил «подарочек» чуть повыше слепящих глаз машины. Звон стекла, дикий, надрывный скрип тормозов, словно не Гера, а машина спасала свою жизнь. Глухой удар о плиты. Тишина.

Поднявшись, но, не выходя из кустов, Багрянцев оглядел сплюснутый, осевший прямо у забора «жигуленок». Из разбитого окна торчала безжизненная рука Геры. Надо было вроде подойти, помочь, если только он остался жив после такого удара, но на дороге мелькнули фары другого автомобиля, и Багрянцев поспешил в глубь оврага. Он не хотел убивать. Ситуация, бог свидетель, складывалась так, что он или сопротивляется, или летит под колеса «жигулей». С какой стати он должен был отдавать свою жизнь? К тому же Гера – один из тех, кто мучил Зиту, подвел ее к самоубийству. И в честь чего жалеть о смерти убийцы и насильника? Попадись им кто другой, не прошедший школу спецназа, были бы ему и утюги, и клей, и колеса. Нет, в самом деле, каяться не в чем. Все честно. Более чем честно, ведь он был один против трех, не считая Элочки. Хотя эта дамочка сама троих стоит.

Успокаивая себя, обходя освещенные улицы, прохожих, не смея остановить попутку или сесть в последние автобусы,

пробирался на противоположный конец города Мишка. Чертов таксист мотал по достопримечательностям, сбивал из-за пятерки, сам того не желая и не понимая, с ориентиров. Но церквушка, мост и кинотеатр застолбились, и вышел сначала на них, а к трем ночи добрел и до дома Тарасевича.

Еще не уверенный, что позвонит Рае, поднялся на шестой этаж. Присел на ступеньки. Горели лицо и руки, обожженные и исцарапанные, саднили колени и локти. Грязная, рваная куртка, лопнувшие на колене брюки – видок, конечно, до первого милиционера. А вот в милицию сейчас никак нельзя.

Поднялся, подошел к двери. Постоял, уткнувшись лбом в мягкую обивку. Глаза закрылись сами, по телу разлилась теплая усталость. Никуда. Он больше не двинется отсюда никуда.

Легонько, готовый еще раздумать и оторвать руку, нажал звонок. Как же громко он звонит!

В глазке почти сразу вспыхнул свет, и он, чтобы предупредить и успокоить Раю, опять прошептал в замочную скважину:

– Извините, Рая. Это я, Михаил.

Отдвинулся, стал напротив глазка, чтобы она могла убедиться в этом.

– Мы вас очень долго ждали, – наконец после некоторой паузы послышался ответный шепот.

– Я случайно вышел на банду, которая... ну, Зиту...

Уже знакомо и торопливо щелкнул замок. Площадку про-резал луч света, и руки Раи вознеслись, но на этот раз не к халату, а ко рту:

– Господи, что с вами?

– Так, поговорили. Я не хотел вас будить, но в таком виде появляться в городе...

– Да-да. Ой, и здесь, – она увидела руки, которые Михаил, оберегая от прикосновений, держал перед собой. – Что... это?

– Утюг. Горячий.

– Это они... вас?

– Где они, где сам.

– Зачем... сами?

– Чтобы вырваться, дойти до вас и сказать, что у Андрея очень красивая соседка.

Рая замерла, не зная, обидеться или смутиться, и Багрянцев поспешил исправиться, отсесть банальность:

– Простите. Просто загадал: если вырвусь от них, скажу это вам при первой же встрече.

Сочинил на ходу, но и первый же в это поверил.

– Проходите, что же мы стоим, – на этот раз привычно взялась за халатик Рая.

«Я видел парусника».

Записка была без подписи, почерк незнаком, но остановить заколотившееся сердце и спокойно вспомнить, перебрать в памяти каждого бойца отряда Андрей не мог.

«Я видел парусника».

Кто-то из друзей вышел на убийц Зиты. Только бы не спугнули, подождали, когда он выберется отсюда. Выбраться из тюрьмы... Как же она не вовремя!

«Я видел парусника».

Музыка, всколыхнувшая боль. Клочок бумажки, как книга воспоминаний. Записку незаметно передал Арнольд Константинович. Старый капитан, не поднимая глаз, прошел в его камеру, дотронулся до топчана, коснулся стен и молча вышел. «Не стыдись, Арнольд Константинович, ты здесь ни при чем», – понял душевное состояние начальника тюрьмы Тарасевич. Еще вчера были вместе, а сегодня один – враг народа, бандит и террорист, а второй – на его охране. Так скоро и всю страну поделают.

Но вся политика показалась ерундой, когда прочел неизвестно когда оставленную капитаном записку. Он не забудет! Мир не захлопнулся вместе с тюремной дверью, за ней продолжают происходить события, касающиеся непосредственно его, командира ОМОНа. Бывшего командира, но это роли

не играет. Это даже лучше, что он не командир. Погоны не дают, долг службы не требует. Он – свободен. Свободен в выборе своего мщения.

Прилег на топчан, но не лежалось. Замотал круги в четырех углах, потом заштриховал их по диагоналям. Кому повезло? Щеглу? Но брать банду он должен сам. Сам. Но что же ему предъявят в Риге? Обвинить, впрочем, могут в чем угодно. Единственное же отступление от закона, если положить руку на сердце, было у них в самом начале работы отряда. Это когда они взяли перекупщиков водки. Пригнали их «КамАЗ» на Рижское взморье и заставили этой водкой вымыть всю машину. Но на большее, чем превышение полномочий, это не тянет. Откуда взялись бандитизм и убийства? Да, поначалу они, дураки, лихачили, но постепенно реальность заставила блюсти букву закона пуще глаза. Знали, что вся полиция Латвии поставлена на слежку ОМОНа, на контроле каждый шаг и каждое слово. Тогда-то и родилась «Березовая роща» против тех, кто не стал изменять присяге и остался верен Конституции СССР, отменив приказы рижского начальства.

Но при любом раскладе сейчас-то он служит на территории России! Почему она отдает своих офицеров иностранному теперь уже государству? Латышей понять можно, они делают свое дело, но как же нужно не считаться с интересами своего государства, России! Как можно так лебезить и пресмыкаться, неужели Советский Союз стоит уже на таких ко-

лениях, что какая-то Латвия диктует свои условия? И что будет тогда со страной дальше? Заискивающие никогда не станут сильными и самостоятельными. И кого взяли еще, кроме них с Сергеем Парфеновым? А если бы все это легло на плечи Зиты?

Андрей замер посреди камеры, испугавшись собственной мысли: неужели лучше, что Зиту теперь ничего это не потревожит? «Нет-нет», – Андрей сжал голову руками. Тысячу, миллион раз, никогда «нет». Хотя этот арест стал бы для нее большим ударом...

Звякнули ключи. Опытно, без перебора, сразу отыскался нужный. Тарасевич облегченно повернулся к дверям – чей-то приход освободил его от необходимости до конца додумывать ситуацию с Зитой.

Вошел Пшеничный. Как и утром, повторяя себя, прошелся по камере, дотронулся до топчана, провел рукой по стене.

– Кто? – поторопился тихо спросить Андрей, боясь, что капитан также, как накануне, молча выйдет.

– Багрянцев, – поняв, что интересуется Тарасевича, так же тихо и однозначно ответил Пшеничный.

Мишка? Мишка! Мишка, стервец. Победа! Этот не упустит. Он сшибет все паруса и реи. Теперь можно и в тюрьму. Хоть в Моабит. Спасибо, Арнольд Константинович. Радовался ли кто из узников когда-нибудь твоему появлению? Но Мишка, Мишка! Откуда он свалился? И сразу – в десятку!

– Он просил еще передать на словах, что будет ждать тебя у въезда на аэродром. Будь готов.

Андрей, сдерживая волнение, ничего не переспросил и не доуточнил – расспросы ни к чему, капитан и так говорит уже слишком много.

– Да, – Арнольд Константинович задержался у выхода. – Хочу чтобы ты знал: вчера я написал рапорт на увольнение в запас. Я не желаю быть начальником тюрьмы, в которую сажают таких, как ты. Прощай. Удачи вам.

Широки плечи у капитана – чтобы выйти, надо открывать дверь полностью. Поэтому долго смотрел на Пшеничного Андрей, виновато улыбаясь. Рапорт капитана – это поступок. А то, что он сделал сейчас – должностное преступление. Что значит было пойти на него человеку, тридцать лет верно своему долгу и присяге? Вот времена...

А Мишка... Что же он задумал? Капитан сказал: «Удачи вам». Значит, надо выстроить всю цепочку, попробовать предугадать его мысли, возможные действия.

В аэропорт его, конечно, повезут в милицейском «воронке». Там... Нет, надо начинать раньше. С этой камеры. Сюда войдут представители латышской полиции, наденут наручники. Наручники будут, это вне всякого сомнения. В тюремном дворе сажают в «воронок». Один латыш сядет рядом с водителем, двое с ним.

Так, теперь дорога в аэропорт. При въезде на поле постовой из транспортной милиции остановит машину для про-

верки документов. Мишка ждет именно в этом месте. Значит, ему надо, чтобы машина остановилась. Налет? Спокойнее, просчитаем все другое...

А что другое? К тому же Мишка – спецназовец, а не дипломат, он приучен к делу, он нацелен «на взятие», а не «отмывание». А если неудача? Знает ли он, на что идет? Может, остановить его, попытаться самому выбраться? А как самому? Если посадят в самолет, то – все. В лучшем случае вот такая же камера на несколько лет. Но за что? Да еще в то время, когда найден «парусник». Убийцы будут разгуливать на свободе, а он, отдавший родине все, садись на баланду? Чтобы лет через десять-пятнадцать перед ним расшаркивались: ах, извините, время было такое сумбурное, заполитизированное, мы ошиблись.

Не извинит. Если Мишка все просчитал и поможет освободиться – он скажет ему только спасибо. А тот должен просчитать все случайности. Только бы ни в какой степени не вмешивал в это дело ОМОН. Такую жертву он принять не сможет. Отряд – это его жизнь, это и память о Зите. Первые удостоверения омовцев выписаны ее рукой, первый семейный вечер в отряде организовала и провела она – откуда только решимость и способности появились. Просто очень хотела помочь ему поставить отряд на ноги...

– Тарасевич Андрей Леонидович? – наверное, специально с ужасным акцентом спросил у него один из рослых латышей, когда конвойные вывели его к желто-грязному ми-

лицейскому «уазику».

– Старший лейтенант Тарасевич Андрей Леонидович, – презрительно оглядев новоявленного иностранца, поправил Андрей.

Однако латыш не оскорбился, хотя усмешкой дал понять. посмотрим, как станешь себя вести через несколько часов в Риге. Достал из «дипломата» двое наручников.

Теперь Андрею предстояло самое главное: не дать приковать себя к сопровождающему. Быстро, насколько это не могло вызвать подозрений, протянул вперед обе руки. И лишь только щелкнул замок, пошел к машине. Вторые наручники пусть держат для аэродрома. Когда поведут к самолету. Если поведут. И надо сесть на лавку, которая по ходу открытия двери. Сама дверь без ручки, вернее, ручка у старшего, только он может вставлять ее в паз и открывать замок. Мишка достал такую же? Спасибо, Арнольд Константиныч. Не дать приковать себя к охране.

Начал сморкаться, вытирать нос правым рукавом – преступников приковывают за правую руку. Брезгливо морщитесь? Отлично, мне ваше мнение до фени, поморщимся потом вместе. Охрана села: один напротив, второй – рядом. Старший захлопнул дверь, сел в кабину, посмотрел в кузовок через зарешеченное окно. Довольно улыбнулся. Тронулись.

А если у Мишки что-то не получится? Сорвется? Тогда он сам развернется у самолета. Он станет биться насмерть.

Просто так, аккуратноненько, без проблем и синяков им его не увезти. Пусть и стреляют, он готов вызвать на себя огонь и даже погибнуть, чем оказаться на территории суверенной и свободной от совести Латвии. Думал ли когда-нибудь вернуться именно таким образом в родной город? И в страшном сне не могло привидеться подобное. Интересно, а какие сны снятся Горбачеву? Трогает ли его кровь, льющаяся уже по всей стране?..

Зарешеченная дорога спереди, зарешеченная сзади. Но дорога сейчас не нужна. Надо расслабиться, показать, что надломлен, погружен в свои невеселые думы. Смирился. Отдался течению судьбы. Пусть и охрана не волнуется. Но ноги для прыжка или толчка подготовим, подтянем, будто ненароком. Аэропорт недалеко, ехать всего несколько минут. Не смотреть в окно, его цель – дверь. И то только в тот момент, когда остановятся у поста. Он четко представляет это место: деревянная будочка постового около полосатых, кажется, красных ворот. Рядом двухэтажное здание транспортной милиции, затем кафе, цветочный базарчик, автобусные остановки и лес. По другую сторону – сам аэровокзал, стоянка такси, спуск к туалетам и электричке. Куда лучше бежать? В любом случае – в разные стороны с Мишкой. Только бы не попался он.

За размышлениями вроде спокойно и незаметно, а на самом деле до впившихся в ладони ногтей подъехали к аэропорту уже так близко, что гул самолетов начал заглушать ма-

шину. Сбавлена скорость, и вот, неловко дернувшись, «уазик» наконец остановился. Открылась дверца кабины, и в тот же миг среди постороннего уличного гама и шума, сам вроде посторонний, прозвучал сигнал:

– Эй, там, приготовиться.

И в то же мгновение, не давая времени додуматься до смысла или даже просто заволноваться охране, точный удар в скважину для ручки на дверях:

– Пошел!

Ласточкой, локтями вперед, через ничего не понявших сопровождающих бросился Андрей на дверь. А секундой раньше она распахнулась, и ударил свет в глаза, и в этот свет вылетел, ударившись коленями о порожек будки, Тарасевич. И, как учили на физподготовке, повернулся боком к замызганному, в пятнах соляры, асфальту, чтобы смягчить удар. Дверь мгновенно захлопнулась, отрезав охрану. Что-то закричал старший, из-за спешки неловко вываливающийся из кабины.

– Ходу, – подхватил Андрея за шиворот Багрянцев, помогая одновременно и встать, и сразу взять скорость.

– Стой, стреляю, – уже на чисто русском, без картавости, прокричал латыш.

Но он, наверное, заметался, выбирая – бежать за преступниками или сначала открыть застрывших ловушке помощников. По крайней мере выстрелы раздались, когда Мишка и Андрей уже врезались в толпу, хлынувшую к подошедшему

как раз к стоянке автобусу.

– Держи, держи их, – закричало несколько человек, но разве можно давать людям, часами маявшимися в ожидании вожделенного автобуса, право выбора, – бежать неизвестно за кем да еще под грохот пальбы, или наконец-то втиснуться в транспорт. Нет, Мишка не только волкодав-хвататель, он еще и психолог. И в лес друзья вбежали одни, не обращая особого внимания на стрельбу: они-то различают, когда стреляют по цели, а когда от отчаяния.

– Левее, – бросил короткую команду Мишка, и Тарасевич понял, что тот наверняка вчера полазил здесь не один час.

Лес быстро расступился, кланяясь мелкими кустарниками проносающимся по шоссе машинам. Не обращая на них внимания, Мишка нырнул в трубу под полотном дороги, захлюпал по воде. Сгибаясь в три погибели, пропустив схваченные наручниками руки меж ног, рискуя после каждого неловкого шага воткнуться в мутную воду носом, Андрей шел за ним.

– Привет, – после того, как вновь углубились в лес и немного попетляли по нему, остановился наконец Мишка.

– Привет, – устало и счастливо улыбнулся в ответ Андрей, стукнул лбом в плечо капитана.

– Ваши ручки, – спецназовец, фокусничая, вытащил пилку по металлу.

Нашли поваленное дерево, приспособились к работе. В двух словах, торопясь, переговорили свои новости после

путча. Видя нетерпение Андрея, Багрянцев уже подробнее, во всех деталях поведал о своих неожиданных приключениях в банде. И чтобы не дать другу опаливать сердце воспоминаниями о жене, сразу же, добавив, уводя разговор в сторону:

– Ну, и последнее: можешь меня поздравить с новым званием.

– О, товарищ майор. Извините, я встану.

– Да нет, сиди. Старший лейтенант.

– Как? Почему? Да погоди ты, не пили, – Андрей стряхнул металлические опилки с рук, Мишка тоже блаженно вытянул свои перебинтованные, мелко подрагивающие от монотонной и напряженной работы.

– Вчера вечером звонил своим. В нашей конторе работает комиссия по путчу, мальчишки вместе с Лопатиным и типа Лопатина. Помнишь, майор-депутат⁷: форма морская, а не плавает, эмблемы летные – а не летает, апломб как у министра, а уровень начальника Дома офицеров. Такие теперь и решают, каким быть Вооруженным Силам. Первый удар – как раз по нашему управлению – немедленно расформировать: в свободной стране не должно быть боевых отрядов. Все, кто был в патруле во время путча, признаны его участниками или уволены в запас, или понижены в званиях.

⁷ После путча майору Лопатину через ступень присвоят воинское звание «полковник». Однако, в очередной раз на что-то обидевшись, но теперь уже на своих друзей-демократов, новоиспеченный полковник попросит вернуть ему его истинное звание майора – чтобы «с чистой совестью идти опять в народ».

– Но ведь вы, можно сказать, наоборот: смотрели за порядком...

– Кого это волнует? В недрах Генштаба обнаружилась организация с опытом боевой работы – а вдруг она завтра повернет свой опыт против новой власти? У демократов, наверное, и так глаза от страха выпучило. Да ты посмотри и на назначения: думаешь, случайно министрами и их замами ставятся никому не известные, неавторитетные люди? Делается все, чтобы за ними не пошел народ. На всякий случай. Улыбающиеся марионетки: рушится великая страна, а у них все нормально. Как говорит Горбачев, процесс пошел. Ладно, ну ее, политику.

– Куда ж от нее, если она заправляет нашими судьбами, – не согласился Андрей. – Мы обречены на политику. Поэтому слушай меня, Миша: ты сегодня же уезжаешь домой.

– Куда?

– В Москву.

– Да перестань ты. Давай руки.

– Нет, Миша, это серьезно, и это я решил еще вчера. Извини, но здесь тебе не Ирак. Здесь законы. И я не хочу, чтобы из-за меня...

– Какие законы, – перебил Мишка. – Тебя вывозят из страны – это законно? Насилуют, убивают безответно – это тоже по закону? Меня разжаловали, «Белого медведя» отправили на пенсию – «Медведя», который для страны один сделал больше, чем вся эта шелупонь из комиссии – по за-

кону? Кто же их пишет, эти законы.

– Нет, Мишка. Нет. Дальше я – один. Один я буду более свободен и не стану оглядываться на тебя. Не уедешь – я вернусь в тюрьму.

– Ты так говоришь, будто я все делал с бухты-барахты. А я, между прочим, тоже думал и тоже делал выбор, – Мишка обиженно отвернулся.

– И все равно, – чувствуя, что наносит другу обиду, тем не менее не отступал от своего Андрей. – Понимая тебя, прошу, чтобы ты понял и меня. Я перед Зитой до конца своих дней не искуплю вины, а если еще нести и твой крест в случае чего... Давай хоть мы не станем отбирать у себя права на совесть.

– Ладно, потом разберемся, – примиряюще уступил Багрянцев и кивнул на бревно: – Ваши ручки.

Осень оказалась такой же бестолковой и бездарной, как и власть. Утро могло пудрить мозги солнцем и безветрием, а вечер уже рвал недожелтевшие до срока листья, сек землю холодным дождем. Люди шарахались не только в выборе одежды, но и в своем настроении, своих планах, связанных с погодой. Ни «а», ни «б», одни перехлесты.

Вторую неделю Андрей жил у Мишки в Москве. Ни до чего не договорившись тогда в лесу, рассудили по-иному: уезжать все же лучше обоим. Пусть схлынет волна поисков. Лучше переждать ее, пока новые события преподнесут местной милиции такие заботы, когда ей станет не до латышских проблем. К сожалению или счастью, время сейчас только способствует этому: кражи, грабежи, разбои на каждом шагу.

К тому же опасаться стоило уже не так милиции, сколько Данилыча с дружками: попавшись на крючок, они попытаются сделать все, чтобы убрать лишних свидетелей. Да и Геру они не простят, и главаря своего, Козыря, которого, вопреки предупреждениям, взял-таки Тарасевич тогда в камере у заложников голыми руками и которого после этого отравили тянуть новый срок за Уральский хребет.

– И осень на носу, в лесу не заночуешь, – находил все новые и новые доводы Багрянцев.

Видимо, ему тоже было тяжело оставаться одному после всего случившегося – не смея ни перед кем выговориться, поделиться сомнениями, подпитаться уверенностью в правоте своих действий. И к моменту, когда стальные обручи распиленно распахнулись, обоюдное согласие было достигнуто: вдвоем и в Москву.

Потом Мишка, помаявшись, отпросился на два часа и вернулся с сумкой бутербродов и виноватыми глазами. Отводя их, объяснил появление гостинца:

– Соседка твоя собрала. Тоже волновалась. Объяснил вкратце ситуацию. А квартиру твою уже опечатали.

...В Москве мало что изменилось после путча, если не считать более длинных, а потому бросающихся в глаза очередей за хлебом и молоком. Да однажды в переходе на Пушкинской площади увидел Андрей лозунги, выведенные каким-то умельцем черной краской и которыми раньше демократическая столица не славилась: «Ну что, долбанные москвичи: за что боролись, на то и напоролись», а покрупнее и выше: «Мишку – на Север!» Тарасевич вспомнил про листовку, в которой во время путча «росло» количество остановленных танков, решил сходить к ней.

Бумажки, само собой, уже не оказалось, на окне белели лишь пятна после клея. Зато перед зданием напротив, оказавшимся Союзом писателей СССР, митинговало в скверике около ста человек. Подходивших встречал лозунг: «Верному ленинцу, верному сталинцу, верному брежневцу, вер-

ному горбачевцу, верному ельцинцу Евтушенко – позор от русских писателей». На длинном шесте коптело чучело прavitельственного поэта.

– Инженеры человеческих душ, мать вашу, – чертыхнулся Андрей, когда узнал, что элита московских литераторов во главе с Евтушенко под шумок послепутчевской вседозволенности и анархии начала захватывать кабинеты в Союзе писателей. – А еще чему-то поучали других...

Не заметил, как оказался у телеграфа на Арбате. У того, где узнал, что Зиты больше нет. Если войти в стеклянные двери, подняться на второй этаж, то там, справа, в первой кабине... И тогда тоже шел мелкий дождь. С того дня – одни дожди...

– Все, больше не могу, – метался в тот вечер он по комнате в ожидании Мишки. – Еду. Каждый день отсрочки – это предательство Зиты. Смерть. Хочу смерти!

Взведенный, не сразу увидел озабоченность на лице друга. Тот пришел совсем поздно, молча уселся перед телевизором, потом распахнул все шкафы, начал перебирать вещи.

– Чего ты? – отрешился, наконец, от своих мыслей Тарасевич.

– Еду латать валенки. Меня, мастера по хрустальным башмачками – латать валенки. Очень по-государственному и мудро.

– Давай с начала, – дернул друга за рукав Тарасевич, усаживая его рядом с собой на диван.

– Старший лейтенант Багрянцев назначен в оперативный отдел штаба Закавказского военного округа. Рисовать карты и нести дежурство. К новому месту службы убыть завтра.

Переключиться с Зиты на Мишкины проблемы оказалось не так-то и просто. Чтобы не сфальшивить ни в чувствах, ни в словах, Андрей решил вообще пока промолчать. А он сам, конечно, хорош: у живущих рядом дорогих и близких людей миллион своих проблем, а он только о себе. Не забывать, помнить об этом, помнить об этом, помнить об этом...

– Рае что-нибудь хочешь передать? – избежав сюсюканья, охов и ахов, по мужски и офицерски доверительно, сразу – конкретно, спросил Андрей. А чтобы избавить Мишку от смущения, пояснил: – Ты знаешь, а я только что перед твоим приходом принял решение возвращаться к себе. Подчинимся обстоятельствам и желаниям?

– А там посмотрим, – согласился не мусолить ситуацию и Мишка. – А Рае... – он встал, подошел к стенке. Из хозяйственного отделения достал чашку, расписанную розовыми цветами. – Китайская. Их две осталось. Так и скажи. Одна – ей.

– Добро. Давай собирать тебя.

А к вечеру следующего дня Андрей – в кепи, прикрывающем глаза, с аккуратной маленькой бородкой, сошел с поезда в своем городе. Оставив сумку в камере хранения, стал звонить по телефонам, заглядывая в листок с записями. Не получив ответов, впрыгнул в автобус, проехал несколько оста-

новок, отвернувшись от всех и глядя в окно. Замешался в толпе вечерних прохожих.

После безрезультатных звонков теперь уже в квартиры Данилыча и Тенгиза, переехал на другой конец города. По бетонному забору вдоль тротуара к дому Элочки. Трижды коротко нажал на звонок. Тишина. А что же он хотел: сошел с поезда – и сразу решил все дела?

Вообще-то его тянуло в другие места – на кладбище, к дому и на базу отряда. Но еще в поезде решил для себя однозначно: к Зите он придет только тогда, когда она будет отомщена. Чтобы не опускать взгляд перед ее плачущими глазами. В квартиру тоже зайдет только для того, чтобы взять фотографии, некоторые зимние вещи и уйти навсегда. Спасибо, Россия, за приют. А куда дальше? Это менее всего важно. Это – потом. никоим образом он не станет давать знать о себе и Щеглову. В день побега тот, умница, устроил строевой смотр отряда, поставил в строй до последнего человека и продержал на плацу весь день, тем самым сняв с ОМОНа и малейшие подозрения в соучастии к случившемуся. Раю, чтобы передать Мишкин подарок, он тоже отыщет перед самым отъездом – ни один человек не будет больше втянут в это дело. То ли преступное, то ли...

А какое еще? И почему преступное? Для кого преступное? Зло должно, обязано караться. Не пресеченное сегодня, оно заставит завтра плакать других невинных. Он берет на себя роль палача. Нет, в нашем обществе палач воспринима-

ется как человек, лишаящий жизнью невинных и мучеников. А он – просто возмездие. Неотвратимое. Неизбежное. Иначе сотни новых Зит будут лежать в могилах, общество – разглагольствовать о гуманности к преступникам, а «парусники» нагло посмеиваться, плевать на всех и наслаждаться жизнью. Хватит. Суды пусть разбираются в спорных и запутанных делах. Здесь же все ясно до последней слезинки Зиты.

Может быть, странно, но ни сомнений, ни угрызений совести Андрей не испытывал. Жажда мщения была подогрета, конечно же, и его собственным арестом, выдачей латвийским властям: загнанному в угол будет не до любезностей. Но и не будь этого, решение иным бы, наверное, не стало.

Дважды еще объехал свои «точки», прежде чем после полуночи за дверью Элочки не послышался ее писклявый пьяньский голосок:

– Ну, кто там еще?

– Привет, Элла. Слушай, срочно нужен Данилыч, а ни дома, ни у Соньки, ни у Боксера нету, – небрежно проговорил давно отработанное Андрей. – До тебя тоже целый вечер не дозвониться.

Элочка затихла, пытаясь угадать голос.

– Слушай, может, Мотя знает? Но его тоже что-то давно не видно. Или уже ускакал в свою первопрестольную? – продолжал шиковать тремя известными именами и двумя фактами Андрей.

– Они вчера как раз поехали к нему в Москву, – наконец, хоть и неуверенно, сообщила Эллочка.

– А что же меня не прихватили? – успокоил ее беззаботным голосом Тарасевич. – Вернуться-то когда грозились?

– Завтра.

– А, тогда все нормально. Спокойной ночи. Не забывай старых знакомых.

Небрежно протопал по лестнице. Но на тротуар выходить не стал – вдоль стеночки и за угол. Пусть поломают голову Эллочка о ночном визитере. А Данилыч с Тенгизом, значит, в Москве. Разошлись, разлетелись на каком-то перегоне их поезда. Но ничего, он сам перейдет на их рельсы, параллельных прямых для них не будет. И они сшибутся. И встанет после этой сшибки только кто-нибудь один. Или никто.

Своей смерти Андрей не боялся – притупилось это чувство, пока служил в ОМОНе. А после смерти Зиты что жизнь? Шептались ведь старушки на похоронах: ох, велик оказался гроб для одной, знать, место припасено еще для кого-то из родных. Осеклись, когда увидели его.

Припасено так припасено. Он с детдома о смерти знает, в детдоме они почему-то часто о ней говорили.

Вроде никуда конкретно теперь не шел Андрей, на ночь он облюбовал себе строительный домик, в котором однажды брали одного бомжа: ничего уголок, перекантоваться день-два можно. Но оказалось, что крутится он вокруг да около дороги, ведущей на кладбище. И, устав делать вид, что

это случайность, устав отгонять мысли о Зите, остановился и признался себе: да, он хочет идти на могилу жены.

– Но не пойду, – вслух проговорил он. Даже повернулся спиной к окраине города. – Только после. Все.

Ночь проворочался на узкой лавке среди тряпья, пустых бутылок, мотков проволоки – в воспоминаниях, думах о завтрашнем дне, в боязни проспять утро. Днем еще по нескольку минут забывался в залах ожидания аэропорта, автовокзала и железнодорожной станции. Поезд и самолет из Москвы прибывали почти одновременно, и, чтобы не дергаться, поехал сразу к дому Данилыча. Устроился в подъезде напротив, через несколько минут впервые в жизни уже завидуя курящим – тем есть хоть чем заняться. Прутиком вычистил весь подоконник на лестничном пролете, а похожих на Данилыча все не появлялось. Не вытерпел, позвонил из ближайшего телефона в справочное: рейсы из Москвы прибыли без опозданий. То есть давно. Подумав, набрал телефон. Тишина. Перезвонил Тенгизу. А вот там мгновенно подняли трубку.

– Да-а, слушаю, говорите, – пропищал голос Элочки. Нет, не дурочка она, и пьянка из колеи не выбила. Наверняка встретила дружков, рассказала про гостя и какие-то варианты в группе уже просчитаны.

– Да-а, слушаю, – опять отозвалась, напомнила о себе девица.

– Извините, мне бы Тенгиза, – не стал изменять голос Ан-

дрей. В ситуацию надо внедряться, и чем решительнее, тем меньше времени останется на подготовку у той, другой стороны. – Кажется, это я с вами вчера разговаривал?

– Да-да, здравствуйте, – заторопилась залюбезничать Эллочка. Не надо спешить выражать восторги, девочка. Еще неизвестно, что на вашем крючке. – Вы знаете, а они... – она непроизвольно сделала секундную паузу, видимо, оглядываясь как раз на «них», – они ушли в гараж. Знаете, где новые гаражи вдоль железной дороги? Если считать от станции, то двенадцатый. Алло, вы слышите?

Он слышит. И прекрасно ее понимает.

– Да, конечно. А я застану их там? – «заглатывал» все глубже крючок Тарасевич.

– Конечно, – опять не смогла скрыть ноток удовлетворения собеседница. – Они привезли из Москвы новую резину, собираются менять скаты. Завтра утром собираются куда-то уезжать, чуть ли не на всю неделю. Так что если хотите увидеть... – подбивала она Тарасевича на решительные действия.

Так и сделаем.

Бегом, через оградки и песочницы, кусты и разрытую теплотрассу – к улице. Такси, частник – стой. Стой кто угодно, хоть самосвал. Четвертной – к вокзалу. За скорость – еще столько же: невеста уезжает, Данилыч с Тенгизом сейчас тоже рвут к гаражам. Тот, кто прибудет первым, станет охотником. Гаражи – это блеск, это уже твердый почерк в работе.

Молодец, Данилыч: вдали от домов, рядом лесок, а главное – железная дорога. В случае чего – выпал человек из поезда или бросился сам под колеса от несчастной любви. Ах, Данилыч, умница. Только вот все будет наоборот.

– Туда, поближе к гаражам, – попросил Андрей.

Частник подозрительно глянул на возбужденного пассажира, глухой закуток и тормознул на привокзальной площади:

– Договаривались к вокзалу.

Деньги уже в руке, спорить некогда. По грязи, склизи, зловонию пристанционных посадок – к гаражам. Возникшие стихийно, самостроем, сотворенные из кирпича, плит, листов железа, каких-то полувагончиков, разномастные и разнокалиберные, они мертвой хваткой осели между железнодорожным полотном и лесопосадкой. Главное – выбрать место. Двенадцатый гараж. Скорее всего число названо от балды, чтобы заманить его поглубже и иметь время осмотреть и проверить его, кто такой. Очень хороша для такого наблюдения крыша первого гаража, вся дорога с нее – как на ладони. Хотя какая ладонь – темнеет на глазах, новая власть даже декретное время отменила, действовавшее со времен революции, и тем самым выбросив целый световой час: лишь бы ничего не напоминало о советской власти⁸. Но крыша наверняка приманка Данилыча, поэтому... поэтому...

⁸ Через три месяца, поняв несуразность своего решения, новое правительство «вернет» декретный час обратно.

То ли уже померещилось, то ли в самом деле обостренный слух уловил скрип тормозов у станции. Затем среди голых деревьев засемафорил свет подфарников. Времени на раздумья больше не оставалось, и Андрей, подпрыгнув, оказался на крыше второго гаража. Залег за ветки кустарника, неизвестно как сохранившегося в бардаке самостроя и дотянувшегося верхушкой до крыши.

На дороге показался «жигуль». Перед строениями затормозил, из него выскочило сразу трое человек, еще один остался в кабине. Ничего себе поворот! Четверо – это не двое, молодцы, ребята, соображают и собираются быстро.

– Тенгиз, на крышу, – скомандовал крепыш с короткой прической. Это не Данилыч, значит, Данилыч сам пешка.

Над крышей показался обрез, затем перевалилась тучная фигура. Андрей сжался, перестал дышать.

– Смотри в оба, – предупредили Тенгиза снизу. – Я понимаю, что Кавказ, в отличие от Востока, дело грубое, но если это Тарасевич – стреляй в упор и без всяких предупреждений. Это не жену его драть, понял? Степа, рысью – на тот край, – отослал крепыш еще одного сообщника. – Так, а ты, Данилыч, дуй к своему гаражу. И не ссы, я тебя прикрываю.

Машина сделала еще один рывок, и под ее шум Андрей перевел дыхание. Вот и сошлись. Ну что же, здравствуй, Тенгизик. Кавказ, говоришь, дело грубое? А ласки и не жди. Полежи пока, понервничай. И мы заодно успокоимся. Четверо – это не смертельно, это ерунда, когда все в разных местах да

еще в темноте. Значит, на охоту вышли, пострелять? Что же тогда медленно ехали? Машину берегли? А Тенгиз, значит, точно был, когда они над Зитой измывались. Был. Полежи, полежи, уж ты-то не уйдешь теперь в любом случае.

Стало прохладно лбу. Значит, все же выступил пот. От напряжения? Волнения? Ладно, разберемся потом, главное, что остывает. Хорошо, значит, успокаиваемся. Успокаиваемся. Успокаиваемся...

Приподнял голову повыше: Тенгиз лежал на самом краю крыши, направив обрез в сторону дороги. Жди-жди, ждать хорошо, когда есть кого.

Перед лицом оказались обломки кирпичей. Может, тогда не стоит доставать нож, а выбрать обломочек покрупнее и им прихлопнуть эту мразь? Да-да, не человека, а мразь, которая лежит в пяти метрах с обрезом наизготовку. Но – убить... Нет, к черту философию, надо помнить, на кого направлен обрез и что они сделали с Зитой. Приговор подписан. Только и в самом деле лучше кирпичом...

Гуднул, натужно зашумел вдали поезд. Судя по всему, товарняк. Хорошо. Отлично. Вы надеялись на шум поездов? Сделаем то же самое. Сначала Тенгиз оглянется на поезд, но потом привыкнет, опять возьмет под прицел дорогу. Вот тогда и...

Загрохотали, забили стыками рельсов цистерны. Подергался за ними взглядами грузин, отвернулся. Выждать. Еще секунду. Пора.

Приподнявшись, перешагнул Андрей на соседнюю крышу. Замирая, не слыша, но, чувствуя каждый свой шорох, подкрался к лежащему Тенгизу. Начал приседать над ним. Белый кирпич – черная голова. Но в кирпиче совсем нет веса. Жаль, надо было доставать нож. Все надо делать так, как задумано заранее, всякие изменения – только хуже. Но – поздно, поздно что-то менять. Состав кончается, на последний вагон грузин тоже может оглянуться. Чисто психологически. Ну?!

Тенгиз оглянулся, и в его блеснувшие глаза, большой нос, белые зубы вбил, вмял Андрей кирпич. Свою боль и гнев. И брызнула кровь. Андрей отдернул руку, оставляя на дернувшейся черно-красной голове осколки раскрошившегося кирпича. Тело умирающего тоже несколько раз сжалось в конвульсиях, но, как удаляющийся перестук товарняка, постепенно затихло под крепкими руками Тарасевича.

– Собаке – собачья смерть, – не свое, где-то слышанное ранее проговорил Андрей. Стараясь не смотреть на разбитую голову, дотянулся до обреза.

Оказалось ни много, ни мало, а двустволка с вертикальными стволами. Аккуратно переломил ее – патроны уже в стволе. Небось, и жаканами заряжены, как на дикого зверя? Но командир ОМОНа вам не зверь, и все, что готовилось для него, вернется бумерангом своим хозяевам. Крути колеса, Данилыч, делай вид. Чуть-чуть осталось. Остальных он трогать не станет, хотя это и одна шайка. Ими потом Щег-

лов займется, а он же дал слово отомстить только за Зиту. Первый готов. Нет, это уже второй, Гера давно заждался своих сотоварищей, надо помочь ему ускорить встречу. На том свете. Сейчас – Данилыч, потом – Мотя. На него выведет Эллочка, им все же придется познакомиться не только по телефону. Но пока испробуем ружьишко, посмотрим, с чем вышли на него.

Лег тут же, на крыше. Данилыч, слабо освещенный подфарниками, в самом деле крутился около передних колес, изредка постукивая ключами: я здесь, я здесь.

– А я здесь, – прошептал Андрей и, словно на тренировке, изготовился к выстрелу: ноги вразброс, щеку плотнее к прикладу, левую ладонь под цевье. Холодная сталь курка. Не рвануть, быть готовым, что пружина может оказаться тугой. Стрелять лучше из одного ствола, второй надо приберечь, на случай промаха или, в случае чего, чтобы отстреливаться. И подождем поезд, опять какой-то гремит на перегоне. Ну что ж, Данилыч, получай заработанное.

Выстрел перекрыл шум поезда, вырвался из него в темноту, в лес, к небу. Не распрямившись, но, что-то вскрикнув, ткнулся головой под капот своей машины Данилыч. Подождав целую секунду и убедившись, что выстрел оказался точен, Тарасевич выстрелил из второго ствола по машине и спрыгнул с крыши. Теперь – к станции. Пока те, двое, придут в себя, пока сообразят, что произошло, он должен лететь к Эллочке. Эллочке-людоедочке. Неужели все-таки имена да-

ются людям не случайно?

На дорогу не выбежал, мчался между деревьями, поминутно оглядываясь. Вроде никого. Да и не должны оставшиеся в живых тронуться с места. Страх за собственную жизнь заставит замереть, долго вслушиваться и всматриваться в темноту, перебирать тысячи вариантов. Но это – их дело. А ему – срочно к Эллочке. Четвертной – в город, еще один – за скорость: забыл дома билет на поезд. Жми, дядя. Кто жалеет деньги, начав крутить лотерею, тот никогда не выиграет.

У знакомых уже дверей Тенгиза перевел дух, затем задергал ручкой, стал всовывать в замок свои ключи, потом позвонил и опять задергал ручкой: мы вернулись, быстрее, торопимся, помогай открывать. Ну же, людоедочка, ты же сама маешься неизвестностью и ждешь результата. Мы их принесли, открывай.

Подбежала, открыла. И сразу ее – за горло. Длинное, белое, удобное для таких захватов. Упредил: не пикнула. Прижал к стене:

– Адрес Моти в Москве. Раз...

Эллочка скосила глаза на руки и тут же вздернула их вверх: рука Андрея была в крови.

– Два, – нажал сильнее Андрей.

– Метро... метро «Новослободская»... Адрес... в сумочке...

Тарасевич сорвал с вешалки сумочку, вытряхнул на пол вещи, подал записную книжку. Эллочка дрожащими пальца-

ми пролистая страницы, нашла неряшливую запись карандашом.

– Передай всем: станете дергаться – доберусь до каждого, – отпустив горло, спокойно проговорил хватаящей ртом воздух девице Андрей. – А сейчас... – он вырвал телефонный провод из трубки, – ты тихо сидишь и ждешь, когда за тобой придут. Пикнешь что в дверь или окно – вернусь и отрежу твой каркающий язычок, мне терять нечего. И последнее: вздумаешь предупредить Мотю – за него расквитаешься сама. Думай и садись.

Элочка плюхнулась под его рукой на пол.

И вновь Москва – кем только не клятая и как только не проклятая. Но что делать, коли в ней находится метро «Новослободская». А потому вынужден был опять ступить на заплеванный, в окурках и грязных листьях столичный асфальт Андрей Тарасевич.

Добирался до Москвы на попутках и электричках, поэтому сразу направился на квартиру Багрянцева. Отмыться, отоспаться, теперь уже сбрить ненавистную бороду – и к Моте. Что дальше – до сих пор еще не решил. Настоящее и прошлое перебивали все мысли, к тому же, если откровенно, Андрей и не желал их. Сначала надо оставить за спиной настоящее. Доиграть лотерею. Докрутить офицерскую рулетку.

Вставил ключ в замок, но дверь под его напором отворилась, и Андрей обрадованно толкнул ее: Мишка вернулся?

Однако увиденное заставило отшатнуться. Сорванные обои, поваленная вешалка, залитая краской одежда – это только в прихожей. Далее – вспоротая мебель, разгромленная стенка, сорванная люстра, расплосованные шторы. Прямо посреди комнаты – битая посуда. Дыра вместо экрана телевизора. В столе торчал нож, и, подойдя к нему, Андрей увидел, что воткнул он в Мишкино офицерское удостоверение.

Так вот зачем ездили в Москву Данилыч с Тенгизом! Су-

мели-таки по удостоверению отыскать адрес. И теперь неизвестно, надо ли благодарить Бога, что разогнали спецназ и Мишка попал в ЗакВО. Будь он дома, этот нож, надо думать, торчал бы не в удостоверении. Или нет бы им приехать на сутки раньше, когда они с Багрянцевым были вдвоем...

Присел, стал собирать розовые осколки от китайской чашки. Попытался соединить их. У скольких людей вот так же разлетелась жизнь после августа? Собирай, склеивай – бесполезно. В квартире разгром – в стране подобное же. Но, если сюда вошли убийцы и грабители, то, как назвать тех, кто перевернул вверх дном, подпалил со всех сторон Родину? Здесь нож в удостоверении офицера, а какой удар, если и дальше идти по аналогии, ожидает страну? Дано ли ей будет выдержать? Ведь все подобное происходит подло, предательски.

А чашка... Точно такая же лежит в камере хранения для Раи. Значит, не все в этой квартире пошло на слом, уцелела, может быть, самая дорогая теперь для Михаила вещь. Она сможет возродить эту квартиру. Надо срочно заказать переговоры с Раей. Соединение дали только на семь вечера.

– Алло, Миша, – услышал Андрей взволнованный голос соседки, как только на линии все защелкнулось и соединилось.

– Рая, это я, Андрей. Ты одна?

– Андрей? Это ты, Андрей? – не поверила Рая.

– Я, я. Можешь говорить?

– Могу.

– Я был в городе.

– Я знаю. Здесь только о тебе и говорят. Ну, про гаражи.

Говорят, что это ты.

– Пусть говорят.

– Нет-нет, практически все оправдывают тебя.

– Ты сама-то как? Достался тебе сосед...

– Перестань, я вчера как раз ходила к Зите, убралась там.

– Спасибо. Спасибо, Рая. Если не трудно, приглядывай за ней.

– А ты? Как теперь ты?

– Ничего не знаю... Да, чтобы опять не забыл: Мишка передал тебе подарок, но я так и не смог заехать к тебе. Нельзя было...

– Я понимаю.

– Зайди на вокзал, в камеру хранения. Есть чем записать? Ячейка номер: квартира Щегла плюс три. Понимаешь? Шифр: буква – начало имени твоей сестры, что приезжала на Новый год. Далее: твой месяц и день рождения. Разберешься?

– Разберусь. Спасибо. А... Миша где?

– Получил назначение в Тбилиси. Думаю, что скоро даст о себе знать. Береги подарок – он теперь у вас один на двоих.

– Не поняла.

– Ваше время истекло, – вошел в разговор голос телефонистки.

– Все нормально, Рая. Присматривай, пожалуйста, за Зитой.

– Береги себя. А Мише скажи, что... что его ждут его звезды. Он поймет⁹.

– Прощай, – в уже гудящую трубку проговорил Андрей.

И только тут почувствовал, что его глаза полны слез, что если моргнет сейчас, то прорвутся, побегут они. Вот никогда не думал, что они так близко у него находятся. Это после смерти Зиты. И сейчас он, кажется, прощался с ней. Видимо, надолго. И не только с ней. С прошлой жизнью тоже – не очень сладкой и не очень спокойной, но честной и нужной другим людям. А что теперь...

Андрей опять споткнулся о свое будущее. Жизнь же имела пока смысл до того момента, как он найдет Мотю. Дальше – пропасть и черная дыра. Зато долг свой на земле можно будет считать выполненным. Вчера такое признание было бы страшным, сегодня – нет. Лишать жизни других – не страшно! Страшно пусть будет стране, что ее люди – не воры, не преступники, не нахлебники, а государственные люди, стоявшие на страже ее интересов, сегодня низводятся на эту роль. Страшно, что Мишка, ювелир-профессионал в военной разведке, становится не нужен, и засылается в дыру

⁹ К сожалению, Мишке и Рае не суждено будет скоро увидеться. Старший лейтенант Багрянцев будет ранен в самом начале 1992 года от случайной пули в Нагорном Карабахе. Только после этого, а также распада СССР и реформирования спецназа, чьим секретом являлась вылазка группы «Белого медведя» в Ираке, стало возможным открыть эту страницу недавней истории.

«латать валенки». Кому от этого выгода? Только не Родине и не армии. А он, «черный берет», ходивший под заточки, пули, ножи преступников, – во что превращен он? Кому польза, что он сам стал убийцей? Что ушел из ОМОНа – преданный и проданный? От этого уменьшится количество преступлений? Спокойнее станет вечерами на улицах наших городов? На его место толпами ломанутся брокеры, маклеры? Неужели в Кремле и Белом доме до сих пор верят, что Запад хочет видеть Советский Союз или Россию сильной державой? Неужели те же Соединенные Штаты радуются конкуренции со стороны Германии, Японии, Южной Кореи? И ждут, не дождутся, когда еще и Советский Союз наступит на пятки?..

«Опять политика», – тряхнул головой Андрей. Если будет жив и вдруг, если спросят лет через пятьдесят пионеры, – какое было время, о чем думали советские люди в начале девяностых годов? О политике! К несчастью, только о ней. Хотя, если посмотреть, она здесь ни при чем. Политику делают люди. К тому же конкретные люди. Лично он готов стать рядом с ними и исповедаться: я сделал то-то и то-то потому-то. Казните или милуйте. Но станут ли перед историей другие? Что они, кроме общих слов о свободе и гласности, смогут сказать? Кому нужна такая цена их – в слезах, крови, обнищании, распрях, выстрелах, переделах? Будто только и ждали мы такого освобождения, каждый день молились... Кому же стало легче, лучше и спокойнее жить в этом мире? Где

те счастливицы, покажите. Или опять ждать светлого будущего, но уже в новой грязи, поломав ради принципов даже то, что построено ранее. Но даже если произойдет невероятное чудо и это самое счастье опустится на землю, то все равно оно уже изначально замешано на крови и слезах. Такое вот счастье у нас впереди...

– Осторожнее, – специально грубо толкнули его в метро: не раскрывай варежку, деревня...

«Новослободская». Нога сами несут его к Моте. Тем лучше. Ноги – не голова, они менее рациональны, но более честны. Каким ты был по счету, Мотя, когда терзали Зиту? Первым? Последним? Но это роли не играет. Просто судьба дала тебе возможность прожить на один день дольше своих дружков. Однако это не значит, что она должна быть и дальше милостива к тебе. Жил бы спокойно – долго бы жил. Не захотел...

Андрею показалось, что он специально вызывает в себе воспоминания о Зите. Так было и перед встречей с бандой у гаражей, и сейчас. Что это? Неужели он боится, что дрогнет рука? Никогда в жизни. Вон впереди идет женщина с поднятыми плечами – почти как у той, которая сидела на кладбище. Потом, в камере, он вспомнил, где уже видел эту «подсадную утку». В приемной у Карповского. Так что новой власти он нужен только в тюрьме. И никогда такая власть не станет думать о других. Это он понял еще, когда шел брат Козыря...

Дом отыскался быстро – хороший дом, из кирпича, с огромными лоджиями. И как это люди ухитряются проворачивать такие махинации: из провинции – и сразу в центр столицы, в собственную кооперативную квартиру? Выходит, умеют. Свет еще не во всех окнах, от подъезда не вывезен мусор – значит, заселение еще идет. Тем лучше. Новый дом – сотни проблем. А фирма «Заря» готова предложить любые услуги. Да снимем кепочку, чтобы не пугала изначально.

На площадке прислушался. За дверью голоса: работает телевизор. Значит, телевизионный мастер не нужен. Зато дверь не обита. И небось, не закреплена...

– Хозяин, – постучал Андрей по двери. Надо сразу, как Эллочку, брать за горло. А еще лучше – бить в морду. Нож в кармане, но лучше без него...

– Хозяин, фирма «Заря», – вновь постучал Тарасевич и чуть отступил: для хорошего удара нужен замах.

А москвичи всегда славились своей беспечностью. Думают что если в столице, если их комнаты залиты светом, то и всюду светло. А в новых домах дверь вообще открывается всякому: один сосед стамеску просит, другой – помочь переставить мебель, а кооператоры-шабашники готовы хоть новый узор выложить из паркета, не говоря уже о всяких там кранах, плитках, карнизах и тому подобное. Имей деньги, и пусть руки хоть из одного места растут – квартиру можно сделать игрушкой.

– Чего? – открыл дверь Мотя.

Хозяином не только квартиры, но и жизни показался Мотя – с презрительной усмешкой, с махровым полотенцем на шее, в тапочках, расстегнутом спортивном костюме. И мгновенно передумав, ногой в живот, а не кулаком в лицо, свалил и отбросил обратно в квартиру «парусника» Андрей. Вбежал следом сам, готовый к борьбе, но в однокомнатной квартире больше никого не оказалось. Захлопнул дверь.

– Я – старший лейтенант Тарасевич, командир ОМОНа, – чтобы быстрее привести в чувство хрипящего врага, сообщил он.

Мотя перестал хрипеть и обреченно заскулил, теперь уже и не пытаясь встать.

– Ты – последний. Мог бы и не переезжать.

– Я не хотел... Это они...

– Никто не виновен, когда приходит расплата.

– Я правда... – Мотя привстал, и Андрей ударом ноги опять отбросил его к стене, заставив хлебать воздух. Надо вообще-то было сразу кончать, не заводить разговоров. В схватке убивать, выходит, в самом деле, легче. А теперь надо сделать усилие над собой. Достать нож. Нет, ножом он не сможет. Еще Тенгиза не смог, а теперь тем более. Лучше подождать, когда Мотя бросится на него сам. Защищаться. Спасать свою шкуру. Да, все правильно. Лучше так, в схватке. Пусть отдышится и встанет. Ну, давай...

Но преданно, готовый по-собачьи служить, глядел на него Мотя, предсмертным чутьем, видимо, почувствовав надлом,

борьбу в душе человека, который пришел его убивать. И, боясь спугнуть, прервать это зарождающееся сомнение, и переиграть боясь, и искренне веря сам, и донося эту веру взглядом, позой, что после сегодняшнего дня он возьмется за ум и остановит колесо своих преступлений – глядел и умолял, глядел и умолял Мотя.

«А может, пусть живет? Черт с ним?» – впервые равнодушно, ничем не выдавая своего решения, подумал Тарасевич.

Может, и ему самому надо остановиться, чтобы не превратиться в такого же подонка, как эти твари. Нет, это не станет предательством Зиты, просто, если, в самом деле, он сам не остановится, то... то потеряет в себе что-то человеческое. Сострадание? Жалость? Хотя кому они сейчас нужны? Но обстоятельства хотят сделать из него убийцу, он ложится в эту канаву, в представление некоторых людей о «черных берегах» именно как об убийцах. Ох, как они будут этому рады. Но ведь он может и не дать им такой возможности порадоваться, он может разочаровать их...

Усмехнувшись, прошел в комнату. В углу на полу стояло несколько бутылок водки, и он свернул у одной пробку, опрокинул в себя забулькавшую жидкость. Он даже согласен теперь на то, чтобы Мотя вышел победителем. Пусть умрет он, Тарасевич. Бывший офицер, бывший омоновец, несостоявшийся отец, потерявший любимую жену, ставший убийцей человек. Это было бы просто честнее перед Зитой, чем

оставлять тебя в живых. Ну!

Мотя продолжал преданно поскуливать, и Андрей, прерывая этот скулеж, запустил недопитую бутылку в стену. Усыпанный осколками и брызгами спиртного, Мотя умолк, прикрыл голову руками. Наконец-то Андрей увидел и парусник. Дряблый, дрожащий, сморщенный...

«Черт с тобою. Живи», – подтвердил свое решение Андрей и, перешагнув через Мотю, вышел из квартиры.

...До чего же, в самом деле, суматошна и безразлична ко всему Москва. Особенно вечером, после рабочего дня, когда стало ясно, что прошедший день не стал лучше предыдущего. Когда нет веселых лиц, когда все думают только о своем завтрашнем дне.

И шел в этой московской толпе Андрей Тарасевич, изгой в собственном Отечестве, служивший ему каждой клеточкой тела, но выброшенный новыми порядками на самое дно общества. Жалел, что поддался минутной слабости и оставил жить убийцу своей жены. Не имеющий сил, чтобы вернуться обратно. Желаящий смерти теперь самому себе.

Шел мимо афиш, сплошь не русских. Мимо роскошно-однообразных витрин коммерческих магазинов. Нищих старушек с протянутыми дрожащими ладошками. Самодельных лотков с порнографическими газетами и журналами. Шел против течения, против потока, идущего навстречу.

И сам не знал, куда шел. И не ведал, где окажется...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

**Яд подают в хрустальных
бокалах. Сговор в Беловежской
Пуще. «Выпивка не есть
блудство...» Что связывает
наших президентов с Мальтой?
Кооперативное кладбище – удел
бедных. Россия торгует собой.**

1

...Танцовщица легко скользила среди столиков, откупаясь от тянущихся к ней рук своей одеждой. К Андрею приблизилась, когда на лоснящемся, гибком теле остались две узенькие серебристые полоски – лифчика и трусиков. Приблизилась настолько, что он разглядел наполненные потом морщинки на ее животе. А тело извивалось в танце, раскрывалось перед ним, притягивая своей гибкостью так, что Тарасевич не заметил, когда Нина сняла лифчик. Увидел только, как серебристой подстреленной птицей он плавно опустился

ему на плечо.

Поднял голову.

За упругими, острыми пирамидками груди грустно и виновато улыбалась Нина. И то, что она так смотрела и что остановилась перед ним, обнаженная, он понял: сегодня – его очередь выходить на ринг. А Нина, ее извивающееся в танце тело как ритуальное заклинание: побеждай, иначе можешь лишиться всего этого.

Сзади нетерпеливо положили на плечо руку: ты не ошибся, настал твой черед. Андрей даже не стал оглядываться, чтобы увидеть понукателя. Какая разница, кто сообщает ему это известие.

Снял с другого плеча лифчик, перебрал пальцами кружева шелка. Чуть приподнял его, пытаясь уловить запах Нины – он так и не успел узнать, какой он. Но сигаретный дым, разлитое море пива на каждом столике не давали сосредоточиться, отыскать то, что было Ниной. И она сама, постукивая каблучками, уже уплывала от него в сизоватый полумрак зала. Он знал – теперь к столику, за которым сидит Исполнитель. Она станцует и перед ним, вызывая на ковер и тоже показывая: смотри, чего лишишься, если проиграешь.

А проиграть кто-то должен – бои гладиаторов сострадания не ведают. Вернее, сострадания не ведают его устроители, выбрасывая бешеные деньги в тотализатор и требуя в ответ зрелища. Так что сегодня или он, Андрей Тарасевич, или капитан милиции, исполнитель смертных приговоров, упа-

дет посреди арены. Второй завоюет жизнь, пятьдесят, или, сколько там наберется, тысяч долларов, а в придачу еще хоть Нину, хоть любую другую танцовщицу.

Вот и весь расклад, весь выбор. С единственной оговоркой – если не вмешается Багрянцев. А он, скорее всего не вмешается. Ему просто нельзя. На милицию же и госбезопасность надежды нет. Август 91-го, к сожалению, подмял их. Вообще, август растоптал многое. И еще раз, теперь уже на бедной России, доказал, яд неизменно подают в хрустальных бокалах.

А ведь каким все виделось вначале красивым и чинным, когда под красивые сказочки демократов о свободе, суверенитетах и независимости 7 декабря 1991 года на секретный аэродром Засимовочи под Брестом тайно приземлились на своих самолетах президенты России и Украины. Принимал Ельцина и Кравчука их белорусский собрат Станислав Шушкевич. 45 километров отмерили чуткие спидометры машин, доставившие бывших партийных секретарей к вальяжному особняку, искусно упрятанному в Беловежской Пуще.

Что и сколько ели и пили на тайной вечере – про то неведомо и неинтересно: как застольничают бывшие секретари, мы знаем. Ближе к ночи в российской небольшой делегации задергался плоский, как собственная фамилия, госсекретарь Бурбулис, всовывая свое мертворожденное носатое лицо в доброе застолье:

– Что вы тянете, подписывайте быстрее. Вернется Хасбу-

латов, он быстро пришлет батальон десантников и прикажет арестовать всех¹⁰. Это вам не Горбачев. Подписывайте!

Окружившие стол оглядывались на двери и окна, то ли ожидая десантников, то ли примеряясь, как бежать, в случае чего, до польской границы, находившейся рядом. А за окном – партизанская темень да что-то напоминающий поскрип осин. У славян осина – дерево особое: на ней всегда вешали предателей. Осиновый кол забивали и на могилах ведьм, чтобы они больше никогда не встали.

Чур, чур не их!

– Ну же, подписывайте!..

И в конце концов, дрогнув, подписали трое заговорщиков расстрельный приговор своей – и не только своей! – матери-Родине:

«Мы, руководители Республики Беларусь, РСФСР, Украины, отмечая, что переговоры о подготовке нового Союзного договора зашли в тупик...»

Среди порядочных людей, вообще-то, водится так: не нравится тебе общество в доме – уйди сам. Если есть хоть частичку совести, скажи перед этим «спасибо» за приют.

Но не нашлось у новых Геростратов ни ума, ни терпения, ни желания искать выход из ситуации. Рубанули вроде бы сразу по всем проблемам, заявив о роспуске СССР, – а на самом деле по миллионам судеб и жизней вчера еще дружных и спокойных соседей. Подписались – и, как нашкодившие

¹⁰ Р. Хасбулатов находился в это время в Южной Корее.

котят, испугавшись содеянного и уже один другого, шмыгнули в свои самолеты. И вместо совместной пресс-конференции, которую планировали провести в Минске, рванули к своим креслам, своим телефонам, своей охране. И только после, уверовав в недостижимость друг друга, заспешили. Кравчук и Шушкевич оправдываться на своих самостоятельных пресс-конференциях, Ельцин – звонить в Америку и докладывать президенту Бушу о свершившемся.

Горбачев, как в спектакле, в которых он, кстати, с неизменным успехом играл все студенческие годы, хлопал глазами и был похож на ребенка, у которого отобрали забавную игрушку. И если о чем сожалел, то о том, что первому о перевороте сообщили не ему, а Бушу. Точно также, во время событий в августе 1991 года он сетовал не о происшедшем в Москве, а о внучке, которая не могла во время форосского фарса ежедневно купаться в море. Тогда он так и не понял, что из Крыма его доставила в Кремль под своим конвоем команда Ельцина, не позволив больше принять ни одного серьезного решения.

12 декабря парламент России, опьяненный собственным величием и одновременно затюканный прессой, подкупленный как поездками за границу, так и ложью о быстром демократическом рае в отдельно взятой республике, под сладостный вой врагов Советского Союза и демократов (что оказалось в конечном итоге одним, и тем же) большинством голосов ратифицировал Беловежский сговор, сняв тем самым

с Ельцина вину за содеянное¹¹. Мужества и мудрости заглянуть хотя бы на один день вперед хватило только у шести депутатов, сказавших «нет»¹².

Много месяцев спустя, когда на одном из собраний присутствующие встали перед депутатом Сергеем Бабуриным, он остановил их:

– Ни в коем случае! Перед депутатами России народ еще долго не должен вставать. Мы столько бед натворили, что попадем только в ад и будем вариться в одном котле всем парламентом. Мы были безотчетно смелы.

Воистину: страшны политики, не знающие страха. Такие не оглядываются назад и не слышат проклятий, не видят крови, льющейся после их деяний. Они устремлены лишь вперед, где пока все тихо и спокойно. И врываются в это безмолвие с шумом и гамом, заставляя всех радоваться своему грубому пришествию.

Такие желают нам счастья на наших же слезах и горе. Их отвага – от бессилия, от нехватки мудрости и терпения, от страха отвечать за содеянное.

Есть, конечно, и иные политики. В конце декабря все того же перевернутого 1991 года Горбачев, пока еще Президент Советского Союза, вместо ареста заговорщиков доброволь-

¹¹ В октябре 93-го Ельцин прикажет расстрелять этот самый парламент из танков.

¹² По итогам голосования «за» высказалось 188 депутатов, 7 – воздержались, 6 – проголосовало «против» (Н. Павлов, С. Бабурин, И. Константинов, В. Исаков, П. Лысов, С. Полозков).

но и раболепски подписал один из последних своих Указов – о спуске Государственного флага над Кремлем. До этого случая мы могли гордиться тем, что во всей нашей истории наши корабли предпочитали лучше пойти на дно, сохранив честь и достоинство, чем спустить свой стяг перед неприятелем. Правда, говорить о чести и достоинстве Горбачева – все равно что толочь воду в ступе. А он, вроде русский мужик, к этому времени получивший уже звания и лучшего американца, и лучшего немца¹³, и друга Израиля, он, в то же время, не сумевший у собственного народа заслужить ни одного уважительного титула, – Горби, тем не менее, не мог не знать, что для советских людей флаг означает больше, чем просто полотнище. Это – символ, это последнее, что еще способно было остановить безумие всеобщей вражды, сплотить вокруг себя людей, верных идеям братства и дружбы.

Но оказался слаб капитан огромного корабля, дрогнула его мелкая душонка. Перепутал в очередной раз, где жизнь, а где сцены из спектакля – не застрелился, не остался навек на союзном корабле, ушедшем под воду с им же спущенным стягом. Неужели думал опять отсидеться, переждать события, как делал сотни раз до этого?

Но уже стояли за его спиной люди Ельцина. Не успели просохнуть чернила на этом Указе, как другой и единствен-

¹³ М. Горбачев произведен также в почетные жители города Берлина, что дает ему право бесплатного проезда в городском транспорте и право быть похороненным на берлинском кладбище.

ный теперь в стране и Кремле – золотая мечта! – Президент России подмахнул свой Указ.

И сырой, промозглой ночью 25 декабря подленько, без хотя бы какого-то почтения к истории и народу спустила дежурная смена Хозяйственного управления правительства флаг великой державы. Вместо него под свист и крики редких посетителей Красной площади вползло на флагшток бело-сине-красное коммерческо-власовское полотнище¹⁴. Словно над штабом генерала-предателя. Символ? Мистика? Случайность? Недоразумение? Или чтобы все-таки больнее ударить и ущемить тех, кто не вошел в стадо, плетущееся под досмотром чужих советников к хрустальной чаше с ядом?

Из всех многочисленных партий и партиек, фондов и движений, сосущих, теребящих и разрывающих больную страну, только Российская коммунистическая рабочая партия нашла в себе мужество заявить и обоим президентам, и Верховному Совету СССР:

«В связи с заявлением группы лиц, именующих себя президентами независимых государств, о роспуске СССР и спуске его Государственного флага, ЦК РКРП, считая комментарии излишними, предлагает передать Красный флаг СССР на хранение РКРП.

Мы обязуемся в скором будущем вновь поднять его

¹⁴ С 1705 по 1883 г. это был торгово-коммерческий флаг России. Генерал Власов использовал его в борьбе против Красной Армии. Национальным гербовым флагом России изначально был черно-золотисто-белый стяг.

над Кремлем.

В.А. Тюлькин, Ю.Г. Терентьев (Санкт-Петербург),
В.И. Анпилов (Москва)»¹⁵.

Флаг, конечно, не дали. И уже под новым стягом на святой для страны праздник 23 февраля 1992 года новые власовцы – московские омовцы – окружали, расчленяли, теснили и избивали людей, которые шли возложить цветы на могилу Неизвестного солдата. Что там нагайки казаков и жандармов в далекой истории 1905 года! Семечки! Железными щитами, резиновыми дубинками (сила удара – 100 кг на 1 см тела) – да по седым головам, по орденам и медалям на распахнутой груди.

А на совершенно пустой, оцепленной тремя кольцами из грузовиков, тюремных «воронков» и милиции Манежной площади стоял военный оркестр и играл марш для ельцинской делегации, возлагавшей свои цветы и свои венки к Вечному огню. И больше никого не было вокруг, словно происходило все в мертвом городе. Уже тогда эта власть боялась своего народа. Лишь в злом карканье заходило воронье над Кремлем, заглушая проклятия на окровавленной, растерзанной Пушкинской площади, где продолжалось избивание фронтовиков:

– Ельцин – иуда!

¹⁵ Красный флаг СССР остался только в Потсдаме, в зале, где проходило совещание глав правительств великих держав-победительниц во II мировой войне.

– Банду Ельцина – под суд!

– Всенародно избранного – во всенародно изгнанного!

– Да здравствует Советский Союз!

Тогда, 23 февраля 1992 года, это были пока еще одинокие, немощные и слабые крики. Но уже были!

Зато по первым весенним денечкам, не таясь, под телекамерами прошел по Красной площади директор американского ЦРУ Роберт Гейтс. И сказал корреспонденту Би-би-си с чувством исполненного долга:

– Тут, на Красной площади, подле Кремля и Мавзолея, совершаю я одиночный парад победы своей.

А демократы продолжали вопить на всех углах, что это они совершили Великую Демократическую революцию. Впрочем, о том, враги СССР и демократы – одно и то же, уже говорилось...

Начальник нашего Главного разведывательного управления генерал-полковник Леонид Шебаршин, узнав о демарше директора ЦРУ, тут же подает в отставку. Ему уже идти было некуда: Ельцин пожелал принять для встречи не его, а довольного Гейтса; руководитель госбезопасности нашей страны Вадим Бакатин подсуетился еще раньше, выдав американцам технологию секретнейших производств¹⁶.

¹⁶ В. Бакатин передал американскому послу схему подслушивающих устройств, наивно полагая, что ЦРУ последует этому глупому примеру и сделает то же самое. Так что американцы приобрели не только уникальную технологию, над которой работали долгие годы целые институты, но заодно и просчитали, кто и где изготовлял для советской разведки аппаратуру.

Впрочем, первый Президент России всегда имел удивительную способность подбирать себе отталкивающее окружение и странных (на первый взгляд) друзей.

И не приведи Господь ни одному народу мира испытать подобные унижения и позор, обрушившиеся на советских людей из-за политических амбиций беспринципных, двуличных, готовых миллион раз перекрашиваться и переворачиваться предателей-руководителей. А если окружение Горбачева и Ельцина, двух близнецов-братьев, по своей наивности все еще думает, что они вошли в историю, то есть для них более точное и отрезвляющее определение – они влипли в нее. И выковыривать для суда из этой истории будет их тот народ, от чьего имени они клялись и чьим доверием злоупотребили.

Как ни грустно и ни прискорбно сознавать, но конец XX столетия для Руси – это, к сожалению, бледные имена, бледные лица и еще более бледные дела во имя Отечества тех, кто оказался на престоле. В свою очередь, это должно было породить и породило не только несметную свору чванливых, беспринципных и бездарных чиновников, но и целые кланы мафиозных структур, управляющих этой камарильей столь легко и искусно, что те по-настоящему уверовали, будто это они правят демократический бал «от Москвы до самых до окраин».

И выпало Андрею Тарасевичу вновь влезть в самое пекло этих разборок, хотя, казалось бы, после всего пережитого

сам Бог обязан был взять его под свое крыло, уберечь от новых страданий и напастей.

Впрочем, так оно поначалу и казалось, когда он отыскал в госпитале Мишку Багрянцева.

2

– Здорово.

– Привет.

Мишка еще не вставал, и они лишь подались навстречу один другому. Смутились этого порыва нежности и, сглаживая его, стыдясь сентиментальности, Тарасевич грубовато поинтересовался, осторожно присев на край кровати:

– Чего это вздумал подставляться под пули? Да еще шальные.

– Да вот полюбили они меня.

– Это ты, брат, оставь. Тебя любят другие. И не шальные. И не пули.

Багрянцев замер, медленно заливаясь краской. Андрей мог говорить такое только про Раю...

– Так вот я и спрашиваю, – продолжал издеваться сладостными для Мишки намеками Тарасевич. – Жив останешься, если рядом разорвется снаряд?

– Рая? – с пугливой надеждой произнес тот и сделал попытку заглянуть за спину друга.

– Рая, Рая, – уложил его мягким нажимом руки Андрей. Вышел в коридор, где томилась у двери, отщипывая ногтями корешки гвоздик, его соседка: – Тебя ждут. Но только ненадолго.

Кому говорил и о чем просил! Рая не вышла из палаты,

пока Мишка не стал на ноги...

На тихую, скромную их свадьбу Андрей на последние деньги взамен расколошмаченной купил новую люстру – света вам в жизни! Незаметно пропуская тосты, наелся поплотнее, чтобы хоть на день-два вперед, и незаметно, по-английски, вышел.

Все. Пора определяться в этой жизни самому. Вешать свои проблемы на Мишку и Раю, тем более в медовый месяц – просто не по-товарищески.

И вновь он одиноко бродил по московским улицам, и каждый раз оказывалось, что возвращался к тем местам, которые так или иначе были связаны с его первой поездкой в столицу и смертью Зиты. Междугородный на Новом Арбате, Союз писателей – теперь уже неизвестно чего, Белый дом с вычищенными после путча площадями и газонами. Только был ли мальчик, был ли путч? Не точнее ли сказать, что произошла контрреволюция, раз поменяли героев и идеалы? И что теперь делать ему: приспособливаться к новым законам или противостоять им? А если противостоять, то как? Идти войной?

Если верить газетам, Млынник с ушедшим из Риги отрядом то ли в Приднестровье, то ли в Абхазии. В одном из газетных интервью Чеслав сказал, что рижский ОМОН не признает новых границ внутри государства и считает своим долгом быть в той точке Советского Союза, где необходима их помощь. Значит, его друзья там, где стреляют. Где за-

зглись войны. И поэтому надо просто ехать на войну. Любую. Там он найдет своих ребят. Он тоже не признает ликвидации СССР, а значит, вправе выступить в его защиту.

Поэтому он снова надевает свой черный берет. Пусть даже и мысленно. Свой он сжег 23 февраля, когда правительство Москвы, уничтожая все советское, запретило ветеранам прийти в этот праздничный день к могиле Неизвестного солдата. А когда те все-таки решили донести цветы к своему собрату, выставило на их пути омонцовцев. И те подняли дубинки против фронтовиков. И Ельцин – какая гнусность! – вручил им потом за избивание стариков ордена «За личное мужество». И, что самое в конечном итоге постыдное, омонцовцы – нет ниже падения! – эти ордена с благодарностью приняли¹⁷.

Едва узнав эти новости, Андрей купил бутылку водки, сел в электричку и выехал за город.

Он не помнил, сколько ехал и где вышел. В редкой лесопосадочке недалеко от платформы разложил костерок и, когда пламя устоялось, окрепло, медленно опустил в него свой омонцовский берет. Хотел отвернуться, уйти от огня и боли, но переборол себя, дождался, когда придавленный огонь выберется из-под черного круга, лизнет, обжигаясь, суконный ворс. Пища оказалась съедобной, пламя впилося в берет и

¹⁷ Потом Ельцин будет вручать звания Героя России офицерам, расстрелявшим в октябре 1993 года парламент страны и безоружных защитников Дома Советов. Так что в этом плане Президент всегда был последователен.

ненасытно, не дожевывая до конца куски, проглотило с огненного стола щедрый подарок.

Андрей понимал, что это сгорал не просто берет: он подводил черту под своим прошлым. А точнее, перечеркивал свое будущее, если оно каким-то образом свяжется с ОМО-Ном. В свое время в Риге их отряд выбрал идеалом службы не деньги, а долг. Они могли получить золотые горы за одно только послушание латвийским властям, призывавшим их к жестокости по отношению к инакомыслящим. Случись так, Прибалтика первой бы захлебнулась русской кровью еще в самом начале перестройки. Но их ОМОН выстоял против такого соблазна и, хотя сам в конечном итоге оказался обогатившимся Ригой и преданным Москвой, перед историей что рижский, что вильнюсский отряды остались чисты. Московские же омовцы 23 февраля показали, что можно служить и за деньги...

Поэтому с милицией у него ничего общего больше не будет. Никогда. Скорее он сам окажется среди тех, кого избивают дубинками...

Лишь угасло пламя костра, зубами сорвал пробку со «Столичной». Выпил, сколько хватило духу, прямо из горлышка. В голову и ноги ударило мгновенно, но, передохнув, зачерпнув горстью снега, вновь опрокинул в себя водку.

И заныло в груди, и не заметил, как завыл от безысходности и одиночества. И чтобы выплеснуть боль, не умереть от ее тисков, пошел крушить, ломать, топтать кусты и деревья.

Человек, превратившийся в медведя-шатуна и по-волчьи завывающий – это всего-навсего рижский омоновец...

Воспоминание прервалось неожиданным озарением: а ведь он не снял тогда с берета звездочку. Зачем же он бросил ее в огонь! Она-то здесь при чем! Может, еще цела? Может, надо съездить и посмотреть? Времени-то у него теперь – море, а в том лесочке, как ни крути, горела его судьба...

Место отыскал быстро. Присев на колени, бережно раздвинул траву. Черная, обуглившаяся звездочка посмотрела на него серпом и молотом, и он, спасаясь от этого немого укора, торопливо зажал ее в руке. Звезда кольнула острыми краями, но не сильно, не до крови, словно и прощая, и в то же время желая, чтобы он помнил и о ее боли.

И вновь завыл Андрей, выплескивая боль через этот стон, и пошел крушить, ломать все на своем пути. И рвался, бежал куда-то, не отворачиваясь от веток, и спотыкался, и был бы, наверное, рад, если бы разверзлась под ним земля или прилетела из чащи выпущенная кем-нибудь пуля. И сразу бы все успокоилось. Как хочется успокоиться...

Очнулся посреди огромной лесной поляны, узеньким коридорчиком примыкающей к шоссеной дороге. На ее обочине стояли машины, а толстенький, похожий на Карповского, мужичок увлеченно показывал руками на поляну. Четыре не то чтобы дюжих, но молодца, выставив на капот белой «волги» банки с пивом, сосредоточенно слушали, время от времени сверяя рассказ Карповского с записями на большом

листе ватмана. Затем толстячка увезла «волга», а четверка открыла банки с пивом.

В это время Андрей и вышел в центр площадки. Боль требовала, искала выхода, он с удовольствием набил бы сейчас кому-нибудь физиономию и теперь всем своим видом зазывал подвернувшуюся компанию на драку. Даже, аккуратно повесив на куст рубашку, стал спиной к замершей четверке: пренебрежение должно быстрее подогреть их. Тем более что приехавшие – наверняка какие-нибудь кооператоры, раз делят землю. А он тогда – частник. Фермер. Он сажает здесь петрушку, редиску, морковку, горох, картошку и свеклу – ох! – все, что помнит из детской песенки. Только бы подражаться. Ну же, ну! Обгоревшая звезда жжет ладонь и грудь. Больно! Дайте выход!

Сзади подошли профессионально, сразу полукругом – он и не оборачивался, чтобы удостовериться в этом. Пусть порезвятся пока. А он успокоится. Эх, жизнь-нескладуха...

– И чем занимаемся? – не выдержали первыми они. На этот раз Андрей с улыбкой обернулся. Все четверо – поджарые, спортивного вида, с короткими прическами, с банками пива в руках. Хозяева жизни. Этой поляны. Он им сейчас покажет, кто хозяин на этой земле.

– Так чем занимаемся? – повторился вопрос.

– Строю Эйфелеву башню, – выделив гостя пожиже, ответил ему Андрей. В начальниках, как показывает его омовский опыт, почему-то чаще всего ходят те, кто помельче.

Синдром Наполеона?

Он не ошибся: спрашивал и командовал здесь именно Наполеон.

– Получается?

– Если всякая сволота не будет шляться вокруг и задавать глупые вопросы, то получится.

– Ты, Зин, на грубость нарываешься, – голосом Высоцкого вдруг пропел один из охранников и бросил под ноги Андрею банку. Наверное, это была его любимая фраза перед дракой, потому что он вышел вперед и демонстративно засучил рукава. Вздыхнул, оглядев свой кулак – извини, мол, дружище, но придется тебе поработать, – и подошел.

Но по тому, что он не напряжился перед ударом, как долго и откровенно замахивался, – уже по этим первым штрихам стало ясно, что он и умеет только одно – бить морды. Бедный парень. Руками можно махать на дискотеках. А рукопашный бой – это искусство. Это то же оружие, которое должно быть невидимо до тех пор, пока ты его не применил. Так что не надо так нагло откровенничать.

Андрей без труда перехватил руку и, уклонившись в сторону, легонько подпернул парня в том же направлении, куда тот наносил удар. Этого оказалось достаточно, чтобы, потеряв равновесие, чуть подбитый под ноги, он улетел за несколько метров. Без всяких «дзя», звериного оскала, прыжков и прочей каратистской атрибутики.

Похоже, эта простота больше всего и сбивала с толку осталь-

ных. Под ноги Андрею, столкнувшись в воздухе, теперь упали сразу две банки. И хотя на этот раз рукава не закатывались, Тарасевич опять спокойно перехватил удары и, чуть осадив нападавших, резко дернул их по кругу. Чем же вы занимались в школе, господа хорошие, если не знаете, что никогда нельзя перекрещивать ноги: устойчивость-то после этого нулевая.

И кувыркнулись еще двое, распахав носом землю. И вновь все показалось слишком просто и не эффектно, а значит, случайно – то ли споткнулись нечаянно, то ли помешали друг другу сами. Да нет, братцы-кролики, это всего лишь элементарное знание законов физики, геометрии да биологии, когда враг выводится из равновесия смещением центра тяжести. Старо, как мир.

Освободившись от нападавших, Андрей шагнул было к Наполеону, но вынужден был замереть на месте: тот держал у груди пистолет. Настоящий ли, газовый или муляж – поди разбери, но рисковать не было никакого смысла.

– Против лома нет приема, – поднял руки Тарасевич, прекрасно зная приемы и против лома, и против пистолета. Только в драке верх берут не наглые, а расчетливые. И слово последнее не сказано. А оно будет за ним.

– Скажи друзьям, чтобы не дергались, иначе переломаю ненароком им ручки да ножки, вот неудобства-то будут, – кивнул назад Тарасевич, не сводя взгляда со старшего.

Кажется, предупредил вовремя – за спиной замерли.

– Ну, так и чем занимаемся? – попытался поставить старую пластинку Наполеон.

– Строю Эйфелеву башню, – не уступил и Андрей.

Давно, наверное, не отвечали четверке наглостью на наглость. И то, что Эйфелева башня станет для них красным платком, Андрей знал, еще не повторив этой непонятно откуда родившейся у него в голове фразы. Поэтому резко обернулся, собрался, взмахнул руками. Нападавшие, не успев дотронуться, рухнули у его ног, как подстреленные. Наполеон, забыв про оружие, ошарашенно глядел на схватившихся за головы, безуспешно пытающихся встать напарников¹⁸.

– Ты, что ль, интересовался, чем занимаюсь? – переспросил его Тарасевич. – Огородик думаю разбить. Да посадить лучок, укропчик, огурчики. А пивка не осталось? – переключив внимание противника на левую руку, в которой тот все еще держал банку, Андрей подошел к нему. Стал сбоку. – А теперь убери пушку.

Наполеон торопливо повиновался – отдал пиво, засунул в пиджак пистолет.

– А что вы здесь собираетесь делать? – опустошив банку, окончательно взял инициативу в свои руки Андрей.

Собеседник почувствовал это, может, хотел даже, подобно Андрею, ответить про Эйфелеву башню, но, глянув на все

¹⁸ Тарасевич в этом случае применил биоэнергетику. К сожалению (а может, и к счастью), про этот вид боевого искусства мало кто знает. Овладевают им лишь в некоторых разведывательных и диверсионных подразделениях. Поэтому описывать приемы и методы этого вида борьбы лучше не стоит.

еще «плывающих», шатающихся даже на карачках сотоварищей, благоразумно передумал.

– Да все дело в том, что эту землю купила наша фирма, – охотно сообщил он. – Завтра здесь начнутся работы, так что огород, к сожалению, придется перенести в другое место. А они... – кивнул на своих подручных. – Что с ними?

– А черт их знает, – пожал плечами Андрей. – Подбежали и рухнули ни с того ни с сего. Наверное, съели что-нибудь.

Демонстративно подчеркивая полную свою непричастность к происшедшему, сорвал одуванчик. Примерился, дунул на него, пытаясь с первого раза сорвать все пушинки. Получилось: голый цветок стыдливо замер в его пальцах.

С цветком и кооператорами все ясно, а что делать ему самому? Прожита уже достаточная жизнь, чтобы понять: ничто в ней не случайно. Если ему начертано на роду жить рядом с опасностью, то спокойствие испытываешь именно на краю пропасти. Он понял, от чего устал, что его погнало из Мишкиного дома, толкнуло на драку – он устал ждать опасности. И сейчас, нутром почуяв холодок, нервно успокоился: наконец-то. Жизнь зацепила его вновь не лучшей своей стороной, но иного просто не могло быть. Теперь надо просто посмотреть, что из этого получится.

– А теперь – до свидания. Мне хочется побыть одному, – отправил Андрей гостей с поляны.

– Так ведь фирма... – начал старший, но Андрей перебил его:

– Полян в Подмоскowie много. Я со своей уходить не собираюсь...

3

Китайцы уверяют, что самый легкий день – это прожитый. Правильно уверяют, ибо будущим своим Андрей не обольщался. Люди, покупающие землю под Москвой и спокойно разъезжающие с оружием – братия еще та. Завтра, без сомнения, они придут с начальством и подкреплением: или наказать наглеца, или посмотреть его в деле. Тут все зависит от того, как преподнесет встречу своим хозяевам четверка.

Открытого боя или драки он не боялся: встреча на поляне сошла за тренировку и показала, что еще ничего не забыто из тех приемов, которым обучался их отряд в Риге. Свадилась им тогда удача – тренера по рукопашному бою отыскали среди офицеров-ракетчиков, выпускников Краснодарского училища. А уж про то, что там творил чудеса в секции рукопашного боя некий полковник Кадочников – про то молва доходила до любого, кто хоть мало-мальски интересовался борьбой.

– Мы не японцы и не китайцы, и никогда ими не станем, – надо полагать, словами Кадочникова начал свои занятия ракетчик. – Поэтому все эти карате, у-шу, восточные единоборства, хотим мы того или нет, нам, славянам, чужды и противоестественны даже просто по движениям, по ритму дыхания. Не говоря уже о психологии души. Если мы, русские, пойдем по их пути, то навсегда останемся вторыми: копии

никогда не бывали лучше оригиналов. Утверждаю: лучшая борьба – это русский стиль. Прошу любого, – вызвал он на ковер помериться силой.

И когда один за другим весь отряд, а в конце и сам Млынник, оказались на полу, созрели последние скептики.

– В русской борьбе нет приемов, в ней существуют только принципы этих приемов. Интуиция, – влюбленно говорил лейтенант. – Вспомните детство. Если вас когда-нибудь били по голове или просто замахивались, вы ведь, ничего не зная из борьбы, тем не менее, выставляли над ней домик, и удар скользил по рукам, уходил в сторону. Силу нужно не встречать жестким блоком, как учат во всех секциях, а обходить ее. Затрата энергии – минимальная. Тогда вы можете драться хоть целый день и даже не вспотеть. Кто готов меня ударить?

Вышел Андрей, долго примерялся и ударил сбоку левой. Однако рука соскользнула вниз, увлекая за собой, закручивая – и, не устояв, он оказался на матах.

– Видите, я работал только мизинцем, отводил удар. И сила нападающего сработала против него самого – увлекла, закрутила. Все согласно законам физики и геометрии. Я не смогу повторить этот прием, потому что его нет, Я его придумал именно для этой ситуации. Но я хорошо знаю механические законы. И даже если буду ранен в руку или ногу, удержу двух-трех нападающих. Прошу еще.

Неизвестно по какой системе, но ракетчик выделил в конце тренировки нескольких человек, обучил и показал неко-

торые приемы и с биоэнергетикой. Оказался среди избранных и Андрей.

– Теперь у тебя в руках страшное оружие, – перед отъездом Андрея из Риги напомнил лейтенант. – Дай себе слово никогда не применять его без особой нужды.

Дал. И честно держал его. Даже у могилы Зиты, когда латыши взяли его голыми руками. Впрочем, там, на кладбище, он и не вспомнил об этом. Да и не смог бы он у могилы жены устраивать потасовку.

А вот после вчерашнего пришла уверенность, что вся эта шелупонь с пистолетами не так страшна, как кажется. Ему же надо настраиваться на встречу с их хозяином. А хозяева сами кулаками не машут...

Его уже ждали. «Тойота» и две «девятки» стояли у обочины шоссе с распахнутыми дверцами, но Андрей приглашение проигнорировал. Подобрал по пути подвернувшийся осколок кирпича, прошел к прежнему своему месту, присел на кочку. Очистил от земли кирпич, сбил острые края и опустил его в карман пиджака: пригодится. Сорвал несколько листочков щавеля, росшего вокруг кочки. Кислотища, а жевать хочется. Как в детстве в детдоме...

Хлопнувшие дверцы закончили воспоминания. По пять человек из трех машин – это пятнадцать. Многовато. Значит, глаза у четверки были перепуганные, если прикатили такой сворой. Лезть сегодня на рожон нет смысла, но и бухаться в ножки – исключено. На того, кто у ног, очень просто на-

ступить сапогом. Ему же надо попытаться заработать у них денег. Быстро и много.

Впереди толпы крутился Наполеон, явно гордясь своим знакомством с Тарасевичем и подчеркивая этим свою значимость. В центре шел еще более меньший Наполеончик – аккуратненький, в кожаной куртке, с лоснящейся прической, усиками. Но даже со стороны видно, что уверенный в себе и в своем окружении. Хотя остановился почти на том же самом месте, где и вчерашние его нукеры: видимо, есть какая-то чисто психологическая безопасность расстояния именно в три метра: для одного прыжка много, а выражение глаз видишь и голос в разговоре не повышаешь.

Наверное, Наполеон-1 рассказал о встрече весьма подробно, потому что Наполеон-2 спросил с ходу:

– И чем занимаемся?

Эх, как красиво было бы опять загнуть про Эйфелеву башню, но... три на пять – это пятнадцать. Скопом навалятся – можно не управиться. А в «тойотах» шалава не ездит...

– А вот он знает, – кивнул Андрей на вчерашнего знакомого. Тот согласно закивал, потом, правда, поумерил свой пыл: дошло, что и такой ответ – все равно, что про долбаную башню. Замер под взглядом меньшего своего двойника: простите, понял, что прикажете – сделаю и исправлюсь.

Приказал показать «фермера» в работе.

– А может, не стоит? – спросил Андрей, поняв его желание и увидев, что из толпы выступил, играя бицепсами, самый

накачанный парень. – Ведь и так все ясно.

– Здесь команду я, – улыбнулся Наполеон-2.

– Тогда – ко мне! – резко приказал Андрей смельчаку, сбрасывая с одной руки пиджак.

Вышедший, видимо, привык к резким командам: чисто механически повинувшись, принял стойку. Тарасевич тоже сделал легкий выпад, но только для того, чтобы взмахнуть пиджаком и по широкой дуге припечатать лежавший в кармане кирпич в спину нападавшему. Тот замер от неожиданной и непонятной боли, но затем разъяренно повернулся боком и резко выбросил вверх ногу, стремясь попасть Андрею в челюсть. Но мгновением раньше Тарасевич присел, поймал ногу на плечо и резко выпрямился. Боль в раздираемой промежности на этот раз оказалась намного сильнее, потому что парень, взвыв, уже скрюченным повалился на землю. Андрей, вновь перехватывая инициативу в свои руки, указал вчерашним бедолагам.

– Теперь ты, ты и ты.

С уже заранее обреченными лицами, но так же послушно, те вышли вперед.

– Назад, – отдал им новую команду, дурачась, Андрей, и они не сообразив, что подставляют шефа, охотно повиновались.

– Ох, извините. Здесь, кажется, командуете вы, – по-детски невинно сложил на груди руки Тарасевич и чуть поклонился старшему.

Тот, покусывая кончики усов, переживал в себе гнев. Но когда троица, поняв свою промашку; рванулась в драку – лечь костями, но заслужить прощение, он сам остановил их резким криком:

– Назад! Все – назад. К машинам.

Похоже, о лучшем подарке его подчиненные не мечтали – сдуло ветром. Страшен и непонятен враг, который не боится превосходящего количеством противника. Но еще страшнее и беспощаднее главарь, проигрывающий на твоих глазах. Поэтому – хоть к машине, хоть за нее. Хоть метеоритом, хоть ползком...

– Выпить хочешь? – не трогаясь с места, спросил окончательно определившийся Наполеон.

– Не пью. – Андрей тоже не тронулся с места.

– Похвально. Хотя выпивка не есть блудство, а есть лакомство, богом данное. Так говорил один знакомый поп. Где служил? – вдруг без всякого перехода спросил он.

– В ОМОНе... Рижском, – после некоторой паузы добавил Андрей, чтобы с самого начала расставить все на свои места.

– Даже так? Уважаю. Но, насколько я слышал, вас тут ищут по стране.

– И еще долго будут искать¹⁹. Так что пить или заводить знакомства со мной опасно, – прощупывал хозяина Андрей.

¹⁹ После октябрьских 1993 года событий в Москве Ельцин подтвердил, что готов содействовать латвийской полиции в аресте всех 30 рижских омонцев, скрывающихся на территории России.

Если и после такого сообщения он не побоится вести знакомство, значит, не все чисто у ребяташек в отношениях с государством.

– Это не опасность, – спокойно отреагировал Наполеон. – Я не из тех, кто после любого чиха правительства желает ему здоровья и подносит сопливчик.

– Смело вы.

– Отнюдь, для этого смелости не требуется. Наше правительство давно уже, выпучив глаза, рулит в одну сторону, а страна несется совершенно в другую. Поэтому остаюсь при своем мнении и приглашаю тебя на рюмку чая. Поехали, – на этот раз потребовал он и направился к «тойоте».

Надо полагать, он тоже прекрасно понимал, что Андрей пришел на встречу не для того, чтобы лишний раз подраться. Появился – значит, готов выставить себя на смотрины. И не без личной выгоды, надо полагать. Вот только какой?

В машине указал место рядом с собой. Андрей утонул в мягком, удобном сиденье, но это не помешало ему заметить, как Наполеон через пульт на своей дверце повернул зеркальце так, чтобы видеть соседа. Так же с пульта приоткрыл задние стекла. Из охранников никого не пригласил и, оглянувшись, Андрей увидел, как они суетятся, заталкиваясь в «девятки». Не сдержавшись, оценил:

– Одну половину надо гнать в шею, а вторую – дрючить.

Замечание хозяину «тойоты» не понравилось, и он упреждающе поднял руку:

– Давай сначала о тебе.

Машина взяла с места мощно, и Андрей услышал, как автоматически заблокировались дверцы. Запикал маячок-предупреждение – значит, стрелка спидометра перевалила за сто десять километров. Да, это не их отрядный «уазик»...

– Сто семьдесят девять лошадей, – с любовью похлопал по коричневой баранке руля и водитель. Включил магнитофон, но музыка зашипела, и он, приноровившись, поджал тумблер спичкой. – Техника японская, а кассеты наши, – оправдался он за маленькую оплошность в комфорте. – Ну, и где ты? Что ты? Могу представить твое положение, но, наверное, не до конца.

Он чуть повернул голову – в приготовленное для этой цели зеркало, где Андрей встретил его внимательные глаза. Да, этот кулаками не машет. Но что благополучный среди всеенского хаоса, и благодаря именно этому хаосу, сможет понять в жизни отверженного? Что он, в конечном счете, может почувствовать в такой ранимой душе, какая была у его Зиты? Поверит ли, что сердце разрывается и за страну, выталкиваемую на помойку?

Сосед ненавязчиво ждал, и постепенно Андрей разговорился. И вновь заперезживал, и сжимали горло спазмы, и замолкал, чтобы не сорваться на крик или мат, – и хозяин машины тоже на удивление чутко убрал газ, и умолк даже сигнальчик скорости, словно подчеркивая соучастие в событиях.

Но, возвращаясь к реальности, Андрей чувствовал чудовищную ненормальность такого своего откровения. Кому он рассказывает? И, презирая себя, из последних сил сдерживался, чтобы не взять за грудки садящую рядом прилизанную куклу и не рвануть в сторону руль, чтобы загреметь под откос и тем самым раз и навсегда прервать свою боль и страдания...

– Да-а, не позавидуешь, – вполне искренне посочувствовал хозяин, когда Андрей смолк. – Чем теперь думаешь заняться?

– До женитьбы Мишки было еще ничего, а теперь надо и совесть иметь. Наверное, поеду в Приднестровье или каким-нибудь образом в Югославию.

– Повоевать хочется?

– Лучше воевать, чем сидеть в ларьках и торговать жвачкой. Честнее.

– Воевать интересно до тридцати лет, – со знанием дела сообщил собеседник. – А если я предложу тебе что-нибудь близкое по профилю здесь?

– Что?

– Я – майор запаса Кот Николай Тимофеевич, начальник службы безопасности.

– Чьей – безопасности?

– Кто наймет и заплатит. Охрана коммерческих банков, вечеринок разных, банкетов, других мероприятий. А главное, – опередил он следующий вопрос, – все законно. Мы

зарегистрированы как охранный фирм «Стрелец», так что с юридической точки зрения к нам не подкопаться.

– Чем же тогда занимается милиция?

– Милиция не просчитала время. Она думала, что сможет накручивать взятки только за то, что греет пузо у какой-нибудь двери. А тут появляемся мы – более тренированные, культурные, официальные. Оплату запрашиваем повыше, но уже ни копейки сверх. И все постепенно начинают поворачиваться к нам и фирмам подобного типа. Милиции в охране скоро места не останется, помяни мое слово.

Поминать не хотелось – не было смысла. «Стрелец» его мог интересовать только как объект, где он сможет, видимо, подзаработать. А дальше будет видно.

– Ну, так каковы намерения? – опять глянул в зеркальце Наполеон.

– Пока – выпить предложенную рюмку чая, – решил Андрей, отдавая себя случаю.

– Рисковый ты парень, – после небольшой паузы проговорил Кот и пригладил языком и без того аккуратные кончики усов. – Не боишься нарваться?

Он имел в виду все встречи, и Андрей понял его.

– Я свое отбоялся.

– Мне нужны такие люди.

– Когда выходить на службу? – мгновенно перевел разговор на практические рельсы Тарасевич.

Хозяин «тойоты» ответил не сразу: закончилась кассета,

и он перевернул ее, словно судьбу своего попутчика, на другую сторону. Спичка выпала, и раздалось что-то шипящее, суматошное, невнятное...

«Стрелец» занимал двухэтажный особнячок, снаружи и изнутри, как мухами, облепленный строителями-армяками.

По вскрытым полам, через груды кирпичей, заготовленных для камина, через десятки подобострастных «здравствуйте, уважаемый», прошли в дальний, уже отреставрированный угол здания. За высокой, еще не покрашенной дверью оказался просторный кабинет, весь в люстрах и мягкой мебели.

– Здесь разместится наша бухгалтерия, – небрежно махнул рукой по стенам Кот, давая понять, насколько они богаты, если могут министерский кабинет отдать какой-то бухгалтерии. Не присаживаясь, наклонился к селектору: – Нина, у меня гость. Чай, лимон, кекс.

– Садись, – он в самом деле умел и любил командовать. И не успел Андрей устроиться на небольшом диванчике, как хозяин вновь надавил своей властью. – Условия таковы: дежурства – сутки через двое. Бывшим разведчикам, десантникам, морским пехотинцам – плюс десять процентов к окладу. За каждый спортивный разряд – еще плюс пятнадцать. Но за первое появление на службе в нетрезвом виде – пятьдесят процентов долой, а на второй раз – расчет и до свидания. За первое опоздание – минус пятнадцать процентов, за второе – уже пятьдесят, а на третий раз – тоже до сви-

дания, мы с вами незнакомы. Устраивает?

– Без проблем.

– Все, что видится и слышится у нас или в обслуживаемых фирмах, – тут же и умирает.

– Это само собой.

– Физподготовка два раза в неделю, независимо от дежурств или отдыха...

...Похоже, «Стрелец» – в самом деле не шарашкина контора. Здесь – военная дисциплина, помноженная на зарплату кооператора. Орешек...

– Спортом меня запугать тоже достаточно сложно.

– А я и не пугаю, – усмехнулся майор, и Андрей внутренне собрался: все, хватит. Контракт заключен, и его дело – слушать и выполнять команды. Без комментариев.

– Прошу прощения, – извиняясь, торопливо вставил он реплику, но начальник продолжил;

– Я не пугаю. Я никогда никого не пугаю. Я обозначаю круг прав и обязанностей, а потом только действую – без слов и уговоров.

– Я понял, – еще раз извинился Андрей.

Скрипнула дверь, прервав разговор. В проеме показался вначале расписной поднос с чашками, а потом, заставив Тарасевича вздрогнуть – Нина: на ней оказалось почти такое же сиреневое платье, как у Зиты. Сходство на этом заканчивалось, но, по мере приближения сиреневого пятна, сердце колотилось все учащеннее, на лбу выступил пот: боль по же-

не никуда не исчезала, она просто чуть притаилась до первого импульса. От майора, видимо, не ускользнуло его волнение, потому что, когда Нина вышла, он вопросительно замер, требуя объяснений.

– Жену напомнила, – не стал скрывать Андрей.

На этот раз, в отличие от поездки в машине, Кот сочувствовать не стал, дав Андрею пометить для себя еще один пунктик: личное в «Стрельце» – до фени. Служба – и только она. Платится только за это. Есть спортивный разряд – плюс пятнадцать процентов, опоздал на развод – минус пятнадцать. Рынок. Даже в отношениях между людьми – рынок. А когда-то за границу больше всего бесила именно открытость советских людей, их готовность идти за чувством, а не расчетом. Рациональный Запад прекрасно понимал, что отношения между людьми на одной шестой части суши, окрашиваемой на всех картах в красный цвет, сохранились без учета шелеста купюр и предварительно просчитанной выгоды. Это был им немой укор, который они всячески замалчивали и не желали вытаскивать наружу даже в своих внутренних спорах. Советский строй сумел каким-то образом устоять перед лозунгом «Делать деньги – чтобы ими делать новые деньги». Он доказал, что не все решают деньги.

И вот это нравственное преимущество стало, видать, разрушаться с приходом рынка. Почему же все хотят подсчитывать только плюсы, кто займется минусами?

Отхлебнув несколько глотков чая, Андрей встал.

– Спасибо за угощение и доверие. Но, поскольку я теперь подчиненный, позвольте перейти на «вы» и приступить к своим обязанностям.

– Прекрасно, – оценил Кот. – Сейчас тебя проведут по нашему офису, познакомят с теми, кто на месте. А завтра в девять утра – на развод. Сергей, – опять наклонился он к селектору. – Зайди.

Сергей оказался охранником, которого Андрей припечатал кирпичом на поле. Выслушав инструктаж начальника, он без особого дружелюбия провел нового «стрельца» по двору, подсобкам. В дежурке указал на один из диванов – можешь ночевать пока здесь. Но Андрей ждал и готовился к другому. И когда, наконец, Сергей ввел его в комнату, где сидела Нина, он признался самому себе: его тянуло именно к этому сиреневому пятну. К памяти о Зите.

– Андрей, – представился Тарасевич, надеясь уловить хотя бы еще какие-нибудь штрихи, жесты от Зиты.

Но ничего не было даже близкого: в сиреновом ореоле – не Зитина мягкость в движениях, не ее улыбка. А то, что в небрежно откинутой руке дымит дешевая сигаретка – вообще никак не вяжется с образом жены...

Казалось, разочарование погасит сравнения, воспоминания, но почему-то случилось обратное. Серега, оказавшийся бывшим морским спецназовцем, к полуночи понемногу разговорился, поведав о своей службе и даже о том, как трое суток просидел под днищем корабля на Мальте, охраняя встре-

чу Горбачева и Буша. А у Андрея стояло перед глазами сиреневое пятно.

– ...Ливийцы поклялись взорвать Буша, и на нас, охрану, должны были вначале пустить акул, а потом пошли бы подрывники. Гиблое место – Мальта. Хорошо, начался шторм...

А черт его знает, хорошо или нет. Пойди тогда Горбачев на корм рыбам, не было бы, вероятно, той чудовищной серии предательств собственного народа, которая в конце концов погубила страну и Зиту. Теперь уже десятки тысяч зит.

Впрочем, следом шел, топыря глазки, Борис Николаевич, который, в отличие от предшественника, не только смотрел, как губят страну, но и возглавил этот погром. Нет, не было спасения стране, обложили ее, как раненого медведя. И не допотопные дробовички оказались в руках у вышедших на охоту – автоматы²⁰...

– ...А год назад огляделся вокруг: черт возьми, а что я имею, кроме раскрошившихся от аквалангов зубов, на которые нельзя поставить ни одной пломбы, да выскакивающих через каждые двадцать километров бега коленных чашечек...

Но коленные чашечки ерунда по сравнению с потерей любимого человека. Завтра он зайдет в кабинет к Нине, чтобы вновь испытать резкую боль. Он желает, жаждет этой боли...

²⁰ Почему Горбачева потянуло именно на Мальту, пока остается тайной. Ельцин туда не ездил, но 16 ноября 1991 года ему в Кремле был вручен крест рыцаря-командора Мальтийского ордена, который с незапамятных времен известен как опорный элемент структуры международной масонской организации.

Однако на следующий день Нины на работе не оказалось. Сидевшие за пишущими машинками две другие девицы на его путаный вопрос переглянулись и, видимо, не доверившись новенькому, молча пожали плечами. Зато ушедший домой с дежурства Сергей хлопнул его мимоходом по плечу:

– В Новосибирске. Или в Сочи. Где затребовалась.

– Как это – где затребовалась? Объясни.

Спецназовец назидательно поднял вверх палец:

– Совет и, между прочим, бесплатный: не лезь туда, где нас не ждут.

Это означало одно: Нина в опасности. Когда-то и с Зитой он познакомился, когда та оказалась беззащитной перед наглостью и силой...

Вновь сравнение. Зачем? Он не желает знать никаких нин, а тем паче дел, которыми она занимается или в которых участвует. Ему заработать денег – и на войну. Туда, где гибнут, стараясь остановить страну от сползания во всеобщую бойню, а не продаются. Где его друзья.

...Нина появилась на третий день. На тихое «здравствуйте» Андрея, за очередные пятнадцать процентов и бесплатный ночлег взявшегося нести дежурства в офисе, кивнула неузнаваемо и отрешенно. Медленно поднялась на второй этаж. Слышно было, что пошла к начальству – докладывать о поездке. И тут Андрей, еще не придумав повода, пошел туда же.

Перед высоченной дверью, однако, замер, вновь задав-

шись вопросом: ну зачем это все ему? Зачем влезать в непонятное, изначально не его? Здесь варятся свои дела, никоим образом его не касающиеся – и в честь чего он должен за кого-то переживать или о ком-то заботиться. Хватит, назаботился по горло!

Торопливо отошел от двери – и вовремя. Появилась Нина на этот раз словно споткнулась о взгляд Андрея, еще не успевший перемениться с озабоченного на равнодушный. И торопливо усмехнулась, попыталась даже гордо и независимо тряхнуть головой равнодушно-медленно дойти до своего кабинета. Так ходят, когда боятся осмеяния или плевка вслед. Когда душа рыдает, но понимаешь: сдаваться нельзя. Потому что, если уронишь хоть одну слезинку, потом утонешь в море слез.

– Да перевели ее в разряд гейш, – отмахнулся Серега, когда Андрей достал-таки его расспросами. – Раньше считалась прямой здесь, около начальства, а теперь клиент заказывает – она летит.

– И мы... мы этим занимаемся?

– Мы – нет, а про начальство не знаю, у него свои игры. Но еще раз советую тебе – не лезь. Этот мир не переделаешь.

Спецназовец отвернулся, считая разговор законченным, но вдруг, не поворачиваясь, с грустью добавил:

– Знаешь, последняя гармония в природе и мире, на мой взгляд, осталась только в океанских глубинах. Я это понял, только сняв акваланг и сдав старшине светящийся под во-

дой компас. Представляешь, выбрасывают тебя из самолета на воду и ты уходишь в глубину. Парашют растворяется в соленой воде, и о тебе больше ничто не напоминает. У тебя только планшет с четким заданием и маршрутом да верный компас...

Глубоко вздохнув, с ожесточением закончил:

– Если бы можно было не выныривать на поверхность, где ни квартиры, ни зарплаты за несколько месяцев, ни уважения к твоей форме и работе. Зато есть восемнадцатилетние сосунки на «мерседесах», с миллионами в карманах и с нашими бабами в ресторанах. Почему так?

«Почему? – мучился над словами Сергея и Тарасевич. – Во что же превращается оборона страны, если из армии уходят такие солдаты? Кто же остается? Генералы, вместе с Шапошниковым и Грачевым побоявшиеся потерять свои лампасы после августа 1991 года и подобострастно уверившие демократов, что они тоже поддерживают развал СССР? Но ведь армия, влезшая в политические разборки внутри страны и доказывающая преданность какому-то одному или даже группе политиков, – такая армия будет теперь вытаскиваться на свет столько раз, сколько этим политикам будет угрожать потеря власти. Такой армии и таким генералам отдадут любой приказ. И генералитет, однажды смалодушничавший, предавший Конституцию и нарушивший собственную присягу, вынужден будет выполнить любой, даже преступный, приказ. Такая армия страшна и опасна в первую очередь не

для врагов, а для собственного народа»²¹.

Думал когда-то Тарасевич, что уйдет от политики, но она догоняла его даже здесь, в коммерции. Или надо занять другое сердце, чтобы махнуть на все рукой и делать вид, что ничего не происходит?

²¹ В октябре 1993 года Коллегия Министерства обороны хотя и не приняла решения на ввод войск в Москву, но и не воспротивилась, когда этот приказ отдал лично Б. Ельцин. И армия пролила кровь собственного народа. Министр обороны П. Грачев с гордостью принял из рук Президента орден «За личное мужество».

Служба в «Стрельце» оказалась не обременительной. Постоять восемь-десять часов около дверей какого-нибудь коммерческого банка, сопроводить груз, побыть охранником-вышибалой на вечеринке – и за это иметь столько, что можно облагодетельствовать всех нищих старушек в метро. Где-то в подсознании сидело, бесплатный сыр бывает только в мышеловке, но даже настороженное отношение к происходящему не давало пока Андрею тревожных импульсов. Видать, в самом деле Россия усиленно делится на две части – богатую и нищую.

Здесь поневоле задумаешься: зачем нужно было за гроши лезть под пули, попадать в тюрьмы, служа государству? Когда правительство научится ценить самых преданных и верных своих служаек? Или для них, всех этих сытых, самодовольных, лоснящихся министров, самые милые и желанные сейчас – это засевшие в коммерции родственнички да собственные детишки, укатившие учиться, работать и жить за границу? А от Ельцина уже поползло, побежало его окружение, чуя кожей сползание вчерашнего бога и кумира к нулевому уровню популярности и авторитета. Конечно, зачем им оказываться в одной упряжке на краю краха. А новые не идут, новым грехи старой команды не нужны. Показатель нравственного климата в правительстве.

Это как в басне о бревне на субботнике, которое с Лениным с каждым годом несло все больше народу. Защитников же Белого дома, а значит, и ярых приверженцев Ельцина, почему-то не прибавляется. А те, кто есть и хоть чуточку честен, как от клейма, отказываются от начеканенных на скорую руку медалей защитников демократии. Интересно, а хватит ли всем билетов на самолет, когда придет время отвечать за развал страны? Коротичи, евтушенки, хазановы, рыбаковы, громче всех оравшие о демократии, сами ужаснулись той пропасти, в которую толкнули народ. И, вместо покаяния, первыми же и рванули в Америку и Израиль, оставив расхлебывать сотворенное другим. Господи, когда же поумнеем, когда научимся жить своим умом, а не американских поджидков, как «ласково» зовут в народе подобных певцов и творцов.

На некоторое время забывался Андрей только в спортзале, на борцовском ковре. Слух о драке в поле обошел, видимо, всех «стрельцов», и за ним наблюдали особенно пристально. А может, это было указание Кота, который и сам не пропускал ни одного занятия и внимательно следил за новеньким. И Андрей творил. Он укладывал на пол всех, кто приближался к нему, делая это незатейливо, скромно, но неизбежно и неотвратимо.

Что удивило – так это большое количество молодежи среди охранников. Ставка Котом сделана, конечно, верная: вкусив шальных денег, почувствовав власть над другими, эти ре-

бятя теперь перегрызут горло любому, кто встанет на их пути.

– Сейчас все делают деньги, – ответил один из «качков», когда Андрей поинтересовался причиной его прихода в «Стрелец».

– А кому делать товары?

На него глянули, как на придурковатого: если тебя интересует, ты и вкальвай. Но что же тогда страна? Это же ненормально, когда в день закрывается до ста заводов, фабрик и цехов, но зато открывается такое же количество банков, занятых только перекачиванием денег.

Один из вариантов, когда «Стрелец» получал ни за что деньги, Андрею удалось раскрутить. Все оказалось гениально просто. Настолько, что он сам улыбнулся и развел руками.

В банке заводят своего человека, осведомителя, который сообщает, на счета каких кооперативов поступили деньги. Дается наводка ложным рэкетирам. Те – сигнал в кооператив: ребята, давайте жить дружно. «Ребята» мчатся за охраной к «Стрельцу». Все. И овцы целы, и волки сыты, и с законом в ладах. Так, игра в испорченный телефон.

Но всей сети, раскинутой «Стрельцом», Андрей еще не уловил. Хотя и чувствовал с каждым днем все большую ауру таинственности вокруг выставленного вроде бы напоказ кооператива. И уже это удерживало его в Москве, несмотря на то, что денег и после первого месяца работы хватило бы на билет до какой-нибудь войны. Натура его, почувствовав

опасность, начала беспокойно метаться, помимо воли выискивая пути, которые привели бы его в самое пекло «Стрельца».

И еще – Нина. Может быть, в первую очередь она. Здесь Андрей не понимал самого себя. Дважды за это время она исчезала «то ли в Новосибирск, то ли в Сочи» и хотя возвращалась уже более спокойная, его по-прежнему избегала или демонстративно не замечала. С каждой новой встречей Андрей в сотый и тысячный раз убеждался, что в секретарше нет даже малейшей похожести на Зиту, но первое впечатление, когда сиреневое пятно резануло яркой болезненной вспышкой, оказалось слишком памятным.

– Девочки, есть кофе, – искал он повод и заходил в министерскую бухгалтерию уже своим парнем.

– Мы только что пили, спасибо, – мгновенно отрезала за всех Нина и тянулась к пачке «Мальборо».

– Дурочка ты, Нинка, – услышал он, однажды специально задержавшись около неприкрытой двери. – Ты что, не видишь, что он по тебе сохнет?

– Не вижу!

«И не увидишь», – решительно и окончательно пошел от двери Тарасевич.

Воистину – было бы из-за чего. И вновь задал себе вопрос: так же держит его в «Стрельце»? Нина? После услышанного теперь уже однозначно нет. Деньги? Отнюдь – в любую точку Советского Союза если не долететь, то доехать хватит. А

может, убаюкивает некая определенность в жизни, чего не хватало в последние годы? Нет-нет, даже если в этом есть хоть малая толика истины, то он завтра же все рвет и бросает. Ибо тихая заводь и успокоение тем, что есть где прислонить к подушке голову – это предательство. Мелкое и подлое. Своей прошлой жизни. Отряда. Зиты. Это значит, что его купили. Что победили карповские.

От размышлений – нерадостных, нервных, безысходных, отвлек Серега.

– Готовься к выезду, – радостно щелкнул он над головой пальцами. – В «Европу».

«Европа» на «стрелецком» жаргоне – аэропорт Шереметьево-2. Мечта каждого, потому как сразу по возвращении оттуда Кот выдавал запечатанные конверты с премией. И хотя о зарплате каждого в фирме никто не знал, по довольным лицам счастливицков виделось: «Европа» есть «Европа»!

Однако в аэропорт ездили лишь избранные, Андрей пока мог только из окна наблюдать, как подъезжала к офису «санитарка», охрана рассаживалась в двух машинах сопровождения, и кавалькада брала курс на Шереметьево. А вот теперь позвали и его. Значит, курс проверки закончился и ему начинают доверять более серьезные дела? Интересно посмотреть, что все-таки за подкладкой у благочестивых и уважающих якобы закон...

На этот раз вместо «санитарки» у подъезда стоял фургон с затемненными стеклами. Двое «жигулей» – спереди и сзади.

– Мы сзади, – удобнее пристраивая под пиджаком кобуру с пистолетом, сообщил Сергей.

Сзади – так сзади. Хоть на крыше или в багажнике: пока ситуация не ясна, выбирать и выгадывать себе место бессмысленно. Но и то, что за темными окнами фургона – не крупа перловая и даже не «сникерс», тоже ясно.

Задать хотя бы наводящие вопросы расположившемуся впереди спецназовцу в присутствии незнакомого водителя исключалось, и Андрей просто притих в уголке заднего сиденья. Плываем по воле волн, а там посмотрим.

Однако волны и у аэропорта не особо вздыбились: двух мужичков с саквояжами из фургона в аэропорт сопроводили охранники из первой машины. Там они пробыли около получаса и все вместе вернулись обратно. Правда, уже без баулов. Вот и вся тайна, за приобщение к которой, тем не менее, Кот вручил ему конверт с деньгами.

– Как работается? – дождавшись, когда Андрей, повертев в раздумье презент, все же положил его в карман, спросил майор.

Это не было дежурной фразой: судя по разрешению на поездку в «Европу», Кот ждал если не благодарности, то хотя бы большей откровенности в их отношениях. И Тарасевич с удовольствием задержался.

– Все нормально, спасибо. Единственное – мало движений. Непривычно для меня, – вполне искренне посетовал Андрей.

Сказанное, однако, удовлетворило начальника, он словно утвердился в очередной раз в той характеристике, которую определил для новенького. Покрутившись в кресле, он еще некоторое время в упор рассматривал Андрея. Наконец решился:

– Здесь нас пригласили пооберечь одну развлекаловочку богатых людишек. Я вот сейчас набираю команду...

– Вы платите, я служу. Власть меня ловит – я от нее бегаяю, – разложил свой небогатый пасьянс Тарасевич. Его карты открыты, выбирать все равно начальнику. Хотя, если уж решил мотать отсюда, можно было и промолчать...

– Мы немного прозондировали МВД, особого рвеня в поиске вашего отряда там нет. Но при определенных условиях, сам понимаешь, они выполняют свой долг, и Рижский централ как тебе, так и другим омоновцам, обеспечен.

– Я это знаю, – собрался Тарасевич. Напоминание про центральную Рижскую тюрьму, где до сих пор томится Сережа Парфенов, – это что, запугивание? Или его просто хотят понадежнее посадить на крючок, покрепче привязать к себе? Показать, что он от них в полной зависимости: захотят – сдадут, захотят – помилуют. А проверяют его достаточно серьезно... – Если это предупреждение для меня, если я в чем-то вас не устраиваю, я готов уйти, испариться.

– И не будет жалко?

– Будет.

– Вот и я думаю, что в этом нет никакой необходимо-

сти, – вновь закутился в кресле Кот, излюбленно разглаживая языком усики. – Куда тебе сейчас идти? Квартира твоя опечатана, Рая в положении, там не до тебя. Даже Мотя переехал на новую квартиру, – вроде бы безразлично сообщил он последние новости.

Обложили. Проверили все, что возможно. Фирма веников не вяжет.

– Да уж, некуда, – подыграл роль бедного родственничка и Тарасевич. И сам же чертыхнулся: ну зачем ему втягиваться еще в какую-то игру, тем более при таком надзоре? Нет, пора вырываться, эта жизнь соблазняет, затягивает. Его затягивают.

– Мы тут думали, как помочь тебе. И, кажется, кое-что получается. Единственное, надо прикинуться беженцем и, может быть, немного изменить фамилию. Но это решать тебе, – тут же торопливо добавил майор, словно отрекаясь от сказанного.

Уж что-что, а чужой паспорт, особенно перед уходом, Андрею был бы крайне необходим. А если это сделают люди Кота, то ради Бога. За это он в самом деле был бы очень им благодарен.

– Я был бы очень благодарен, – вслух повторил Тарасевич. – В этом случае вы бы могли положиться на меня полностью во всем.

– Время сейчас такое, что мы обязаны помогать друг другу, – в раздумье проговорил начальник. – Да, я начал с того,

что подбираю нескольких человек для охраны очень богатых людей. Что поделаться, если они есть, что у них свои причуды. Твоя кандидатура – одна из немногих. Там, кстати, и действий побольше.

– Доверите – выполню, – как можно будничней пожал плечами Андрей. И все-таки зря, зря он лезет на рожон. Лучше бы Кот не говорил про паспорт...

– Это не срочно, я еще подумаю, – отпустил Тарасевича начальник.

«Думай», – разрешил ему Андрей, выходя из кабинета.

В конверте оказалось тридцать долларов. Да, вот уж точно не перловку и не «сникерсы» провожали они в Шереметьево. Что же было в тех баулах, которые остались в здании? Наркотик? Ценные документы? Но почему тогда в первый раз туда ездила санитарная машина?

Из своего кабинета вышла Нина. Увидев его, подалась было назад, но потом, нарочито выставив вперед пустой чайник, направилась мимо в туалет за водой.

– Я подожду, когда пойдете назад с полным, – прислонился к стене Андрей. И когда секретарша поравнялась с ним на обратном пути, предложил: – Я приглашаю вас в ресторан, обмыть поездку в «Европу».

– Извините, я занята сегодня вечером, – не задержавшись ни на мгновение, отклонила предложение Нина.

«И чем же ты занята, голуба? Вызвал очередной клиент?» – усмехнулся ей вслед Андрей, скрывая, в общем-то, за этой

грубостью свое разочарование.

А мысль про ресторан засела, и он решился: а почему бы и не сходить? Попросил официанта никого не подсаживать за его столик, заказал сто граммов водки. А вокруг шумело и вертелось ресторанное буйство: произносились тосты, целовались, отплясывали, мелькали бутылки «от нашего стола – вашему столу», громко для трезвого человека смеялись женщины. Одиночество, неприкаянность надавили, Андрей стал искать выхода из-под этого пресса, внутренне напрягаясь. Водка не взяла, не расслабила, и тут вдруг подумалось о Мишке и Рае. Вернее, о них напомнил Кот, майор прервал табу, которое Андрей наложил на продолжение отношений с ними: их нельзя вмешивать в его сегодняшнюю, непонятную даже для него самого, жизнь. Но он не станет их вмешивать. Он просто позвонит. Чтобы услышать их голоса. Чтобы самому знать, что он еще может кому-то позвонить и на другом конце телефона обрадуются его голосу. Тому, что жив.

Убедившись, что возле телефона никого нет, Андрей набрал номер.

– Алло, я слушаю. Говорите. Рая!

– Привет, соседка.

– Андрей.

Тарасевич мог поклясться, что ни одной нотки радости не прозвучало в голосе Раи. Наоборот, она произнесла его имя словно обреченная, как будто она со страхом ждала этого звонка, и вот он прозвучал. Андрей слишком уверовал

в радость друзей, чтобы, не уловив ее, не почувствовать обратного.

– Да, это я, – поубавил он свой пыл. – Я на минуту, узнать, как вы.

– Нормально. Миша служит, перешел в милицию, я – дома.

– Ну и молодцы. У меня тоже все в порядке. Извините, что не мог позвонить раньше, я просто далеко от вас. Сейчас тоже проездом, звоню с вокзала. Так что заехать не смогу.

– Жалко, – теперь уже со вздохом облегчения произнесла Рая. – Миша обрадуется, что ты звонил.

– Привет ему.

– Конечно, тебе удачи.

– Спасибо. Все, подали поезд, бегу. Пока.

Повесив трубку, мысленно добавил: «Прощай». А чего он, собственно, хотел? Чтобы Рая, тем более в положении, обрадовалась его появлению? Слишком рядом, на глазах, из-за него сотворили страшное с Зитой, поэтому... Поэтому все нормально, он не должен никоим образом обижаться. И вообще, зря он звонил. Выпить можно и одному.

– Еще бутылочку коньяка, – попросил официанта.

Шесть тостов – насколько хватило бутылки, поднял за Зиту...

6

Насчет того, посылать Андрея на охрану богатых людей или нет, Кот думал недолго. Андрей тоже не сомневался, что это не станет решаться неделями: у этих ребят уж если разговор зашел, то решение, считай, принято. Интересно только, кто эти «мы», которые думали о нем, предлагая новый паспорт. Выходит, нужен он кому-то. Ладно, посмотрим, куда ветер дует, чьи паруса наполняет. Майор вызвал его дня через два. В кабинете уже сидела Нина, как всегда, демонстративно отвернувшаяся и равнодушная. Ну-ну, давай, целомудренно смотришься...

– Сегодня вечером сходишь с Ниной отдохнуть, – не обращая внимания на секретаршу, сообщил Кот. – И доведешь обратно до дома.

– Есть.

Нина, словно ожидавшая услышать иной ответ, фыркнула, резко встала и вышла из кабинета.

– Не обращай внимания на ее капризы, – вернул к себе внимание начальник. – Она неплохо получает за свою работу, поэтому не позволит себе большего, чем просто на секунду взбрыкнуть. Удачного вечера.

– Я свою задачу пойму там?

– Это было бы неплохо. До встречи.

– Разрешите идти? – вытянулся Андрей.

Не надо было быть психологом, чтобы видеть, как майору нравится армейский порядок: в эти мгновения он словно возвращался в былые времена, в свою армейскую молодость. С Сергеем ясно, почему он ушел из армии, а почему Кот снял погоны, если так влюблен в нее?

Майор отрешенно, не возвращаясь из своих воспоминаний, покачал головой, и Тарасевич вышел.

Нина ждала его у окна. Точнее, она курила у окна, пуская дым в мелкий, ситечком, дождик в приоткрытой створке. На него не обернулась, но пальчик, стряхивающий пепел, замер над тонкой коричневой сигареткой.

– Мне где вас ждать? – подчеркивая, что сегодня они только деловые партнеры, спросил официально Андрей. Пальчик постучал по коричневой ножке сигареты:

– В девять часов вечера я буду проходить мимо офиса.

Посчитав деловую часть их отношений решенной, Нина, не посмотрев в его сторону, вышла.

«И что же нам уготовил товарищ Кот?» – Андрея больше занимало задание начальника охраны, чем поведение Нины. Между ними ничего не было и, даст Бог, не будет. А нравится ей глядеть волком – пусть смотрит, от него не убудет. Интересно – что вечер ожидает их впереди? Куда их пригласили? Что и кто там будет? И кто станет наблюдать за ним? Да-да, наблюдать. Было бы наивно полагать, что его оставят в покое, да еще на новом витке доверия. Помнить надо об этом, а не о поведении Нины. С ней, в конечном счете, легче.

Коту же он открыл все, кроме души и своего отношения к делам, которые крутятся вокруг «Стрельца». Поэтому ни в коем случае не сорваться, не выдать себя. Словом, так: что бы ни происходило на этой вечеринке – его ничто не касается. Он только охраняет Нину, как и предписано Котом.

Она не опоздала – ровно в девять показалась на углу улицы. Убедившись, что ее заметили, пошла дальше, и Андрею пришлось догонять ее. Пристроившись рядом, прошел несколько метров молча, но потом не выдержал:

– Если можно, в двух словах о сегодняшнем вечере.

Нина долго, целый квартал, ничего не отвечала, потом с затаенным сожалением и неохотой махнула рукой:

– Что говорить, сами все увидите.

Снова, как при первой встрече, от нее дохнуло безысходностью. Подтвердилась догадка, что вся эта ее показная независимость и бравада – от невозможности что-либо изменить в своей жизни. Андрей давно это распознал, но вот утвердиться в предположении мешала обида на выходки Нины. Господи, как мальчишка. На нее не обижаться надо, а попытаться понять. Может, в чем-то помочь. Или хотя бы морально поддержать...

– Сегодня я во всем буду слушаться тебя, – Андрей впервые и твердо, а не ошибившись, назвал ее на «ты». Нина это уловила, чуть склонила голову, но шаг не уменьшила.

– Я не знаю, что там будет, – продолжил Андрей, – но что бы ни было – я пойму ситуацию. Пойму как надо. А ты верь

мне.

– Почему это я должна верить... вам?

– Потому что я искренен. А ты беззащитна. Одинока. Ты одна в «Стрельце», несмотря на всю массу народа.

– Я боюсь вас, – после некоторого молчания призналась, наконец, Нина. – Я все время боялась вас, и не зря. Вы заглядываете в душу, лезете в нее, бередите, хотя никто вас не просит об этом. Будьте со мной как все, прошу вас. Мне так легче.

– Ты боишься не меня, а себя, – не согласился Андрей. – Вернее, ты боишься оглянуться и посмотреть на себя моими глазами. Ты и сейчас просишь одно, а мысленно желала бы другого. Я не прав?

Никогда прежде Андрей не позволял себе обнажать вслух души других людей, хотя видел иных насквозь. Но сегодня... сегодня помощь нужна Нине. Ей надо услышать правду о себе. А потом пусть решает, как быть.

– Давайте больше не будем об этом, – попросила она почти с мольбой.

– Давайте больше не будем об этом сегодня, – уточнил Андрей, нажимая на последнее слово.

Замолчали. Андрей не мог не видеть, что разговор состоялся неприятный для его спутницы – Нина летит, не обходя луж, еще более замкнувшаяся и ошетилившаяся. Еще бы с ее-то характером увидеть себя беззащитной. Но ведь придет однажды день, минута, когда от одиночества, тоски и созна-

ния того, что рядом нет никого настоящего и верного, захочется завывать, полезть на стену или в петлю. Вот как раз ради этой минуты разговор. Больно и неприятно сейчас, но авось скажется «спасибо» в будущем...

После двух остановок на метро и пятиминутной давки в автобусе оказались перед дверьми полуподвального кафе с табличкой «Просим не беспокоить. Мест нет». У входа покуривали спортивного вида парни – кажется, он видел их однажды в спортзале. Они узнали гостей тоже, кивком головы разрешили поднырнуть под запретную табличку.

В увешанном зеркалами холле в глубоких креслах, попивая «фанту», сидели еще трое охранников, которые опять-таки узнаваемо и дружелюбно подняли в приветствии бутылки. Нина, глянув на себя в зеркало, торопливо объяснила:

– Вы проходите в зал, – она указала на зашторенную бамбуковой занавеской арку, – а мне сюда.

Она скрылась в узенькой двери рядом с туалетной комнатой так быстро, что Андрей не успел спросить, ждать ее в зале или нет. Зато один из охранников уже раздвинул побрякивающую штору, приглашая гостя в зал, и он ступил на мягкий ковер.

На маленькой, словно подиум, сценке настраивали свои инструменты саксофонист, пианист и гитарист. А пока меж столиков уютно обставленного, притемненного кафе ходил скрипач,нося с собой легкую, нежную мелодию. Он не позволил себе пройти мимо ни одного столика, он даже под-

плыл, душечка, со своей музыкой к стоявшему в раздумье Андрею. «Все хорошо, все прекрасно, все спокойно, ты расслабься», – уговаривала скрипка, и, послушавшись ее, Андрей прошел к одному из пустующих столиков. На нем уже стояли спиртное, закуски, но все равно появилась официантка в коротенькой – короче некуда – юбчонке и блузке, застегнутой всего на одну пуговичку. Из крохотного, словно снятого с куклы фартучка достала блокнотик, приготовилась слушать.

– Спасибо, немного позже, – отпустил ее Андрей.

Публика сплошь состояла из мужчин – вальяжных, даже в какой-то степени жеманных и кокетливых. Скорее всего тут вершились какие-то дела: мелькали списки, их размашисто и великодушно подписывали, тут же поднимая бокалы. Считали что-то, привычно и безошибочно тыкая толстыми пьяненькими пальцами в маленькие кнопки калькуляторов. Рисовали планы и схемы, заранее довольно улыбаясь предстоящим выгодам. Просто пили, полуприкрыв глаза под теплый наплыв скрипичного напева. «Все хорошо, все прекрасно, все спокойно...»

Но уже через минуту, перебрав кнопки, потребовал к себе внимания короткими громкими звуками саксофонист. Его поддержали напарники по сцене. Видимо, для присутствующих это оказалось знакомым сигналом – они захлопали в ладоши, начали грузно, с шумом поворачиваться к сцене. А на нее, по-цыгански рьяно размахивая длинной темно-зеленой

юбкой, стремительно вышла... Нина. Андрей даже головой мотнул – она, точно она. Отчаянно застучавшая каблучками, изгибающаяся во все убыстряющемся ритме – она, секретарша из их «Стрельца».

Музыка вдруг резко оборвалась, Нина застыла с возведенными вверх руками, и кто-то по-казачьи авторитетно воскликнул:

– Любо!

«Сюрприз», – приятно восхитился мастерству Нины и Тарасевич, хотя и приготовившийся ничему не удивляться.

Опять тихо зазвучали аккорды, сплетаясь в мелодию и раскручивая новый танец. Нина плавно и медленно вошла в музыку, и, то ли по сюжету танца, то ли просто по своему состоянию вдруг обреченно начала расстегивать блузку. В зале раздались ободряющие хлопки, музыканты убыстрили темп, и Нина, повинувшись общему настрою похотливых посетителей, торопливо закончила работу: блузка, взмахнув цветными рукавами-крыльями, подстреленно упала на сцену. Танцовщица стыдливо отвернулась – по интриге или все-таки от совестливости? – танцуя только плечами, а в зале нарастал гул, умоляющий ее повернуться.

Повернулась – стыдливо-лукаво, раздражающе медленно. Как хорошая актриса, выждала наивысшего накала томительности и отбросила от груди руки.

– Любо! – поддержат все тот же голос.

Андрей сорвал пробку с бутылки водки. Вроде готов был

ко всему, но чтобы Нина вот так... А впрочем, ему-то что? Холодно, жарко? Она ему жена, сестра или подруга? Пусть хоть догола раздевается.

– Любо! – заходилась сексуально озабоченный «казак», отметив еще какое-то действие.

Сбросила юбку?

Сбросила. Зеленовато-темным озером замерла она рядом с подстреленной птицей-кофтой. А Нина, в блестящих полосках лифчика и трусиков, гибкая, стройная, но сама похожая на подраненную лебедь, словно пыталась оторваться и улететь с гиблого места. Ее тело притягивало взгляд, но Андрей все же пересилил желание и отвернулся. Танцуйте, господа хорошие. Раздевайтесь. Веселитесь. К счастью, он никогда не станет вашего поля ягодой. А Нина – дура. Неужели не могла заработать на кусок хлеба другим способом? Или страстно захотелось еще и масла с икрой? Даже такой ценой?

Выпил стопку. Водка не взяла, налил снова. И скорее почувствовал, чем услышал, что танцовщица – рядом. Обернулся, но успел только увидеть упорхнувшие за соседний столик ее сильные, крепкие ноги. Ходи-ходи, ублажай пьяные деловые рожи. А вот Коту надо отдать должное – вмиг отрезвил, расставил все на свои места. За тебя, Кот, хоть ты еще большая сволочь, чем предполагалось, если заставляешь людей идти на этот позор. Охрана, видите ли, Нине нужна. Да это тебе нужно, чтобы в «Стрельце» все презирали или боялись друг друга. Быдлом легче управлять. Да и с ним он

тоже не промахнулся: теперь и в страшном сне не привидится, что Нина хоть чем-то похожа на Зиту.

А он поднимает тост за Зиту. За нее он будет поднимать бокал столько, сколько раз в него нальется спиртное. Зита – это однажды и на всю жизнь...

Рядом подвинули стул. Очнувшись, увидел Нину. Уже одетую в свое повседневное платье, но еще тяжело дышащую после танца, с мелко подрагивающими пальцами, вертящими сигарету. Она устало присела за столик, подвинула к себе рюмку. Не дождавшись, когда Андрей наполнит ее, сама плеснула себе чуть-чуть.

– Презираешь? – не глядя на него, неожиданно спросила она.

И тут, перед прямым ответом, Андрей смалодушничал. А может, и не смалодушничал, а сказал о сидевшем более глубоко, под коркой мозга:

– Жалею.

– Ты один отвернулся, все остальные готовы были снять с меня последнее.

Андрей неопределенно пожал плечами: да, отвернулся. Не гордиться же.

– Я хочу выпить с тобой, – попросила Нина. Только тут Андрей заметил, что она тоже называет его на «ты». Неужели для этого нужно было станцевать перед ним обнаженной?

– Мне почему-то очень хочется, чтобы ты меня понял. Очень хочется, – повторила Нина и, не чокаясь, выпила.

– Наша миссия закончилась? – Андрей тоже в одиночку выпил свою рюмку. Достал бумажник рассчитаться.

– Здесь за все уже заплачено, – остановила его Нина. И повторила в задумчивости: – За все заплачено... А миссия наша только начинается. Это только цветочки.

– Не хочу, – Андрей поставил на стол кулаки. Оперся на них. – Уходим.

– Куда-а? – грустно протянула Нина. – Когда начинаешь выпутываться из уже наброшенных сетей, запутываешься еще больше.

– Но неужели ты сама не видишь, что...

– Не надо, – на этот раз достаточно резко оборвала танцовщица. – Толку-то оттого, что вижу.

– Но это же...

– Жизнь, – перебила опять собеседница. – Это жизнь, Андрей, – впервые она назвала его и по имени. – Выпавшая на мою долю именно такая жизнь. Которую ты, может быть, не знал до этого, но которая, тем не менее, существует. И в которой ты, между прочим, уже тоже участвуешь. И с каждым днем тебя затягивают в нее все глубже и глубже. Сам-то ты хоть чувствуешь это? – Роль судьи перешла теперь к Нине, и уже Андрею впору было подивиться ее прозорливости: все она видит и понимает. Даже в отношении его.

– Что дальше на сегодня? – сдавшись, спросил Андрей.

– Подойдет машина и поедем. В баню.

– Куда?

– В баню. Вернее, в сауну.

– И ты там тоже... – Андрей кивнул на сцену.

– И там я тоже буду танцевать. Чтобы заплатить за музыкальную школу дочери, чтобы можно было купить ей фрукты и новое платье. Чтобы достать лекарства матери. Чтобы самой, наконец, не ходить в стоптанных туфлях. Все, за нами приехали. Идем, – увидев кого-то в дверях, встала она.

Под рукоплескания зала, расточая улыбки и поклоны, она вышла.

В машине, забившись в угол, молчала всю дорогу. «Девятка» вырвалась за кольцевую дорогу, и по некоторым названиям улиц и магазинов Андрей отметил, что они едут в сторону Химок, на север Москвы. Хотя тут езжай хоть на юг, хоть на восток, разницы никакой. А город втягивался, закупоривался в огромные дома-коробки, находя успокоение в своих родных стенах и среди родных и близких людей. На остановках пассажиры высматривали автобусы, самые нетерпеливые выходили на шоссе или шли пешком, а они ехали, везли себя на утеху и усладу «богатеньким буратинам». С доставкой на дом. Точнее, в сауну. А сауна – это не кафе, там запросы, требования и желания, конечно, иные...

Притормозили около ворот краснокирпичного, разлапистого особнячка, вцепившегося в землю непонятными коридорами-ответвлениями. Водитель дважды включил дальний свет, створки ограды разъехались, и машина мимо парадного подъезда подкатила к узеньким дверцам неприметного кры-

лечка.

Их так же заботливо, как в кафе, встретили, и Нина привычно, со знанием дела распорядилась:

– Тебе – сюда. До встречи.

Андрея принял худенький, суетливый старичок. Он провел его узеньким коридорчиком в раздевалку, показал шкафчик, в котором можно было повесить одежду. Судя по всему, народу предполагалось быть поменьше, чем в кафе. Значит, здесь собирают более элитное общество. Интересно, Нина здесь одна из женщин?

– Парилочка – туточки, – охотно пояснил расположение старик. – Отсюда вход в бильярдную, эта дверка – в бар, эта – на арену. В бассейн – через парную. Туточки – простынки, тапочки, плавки. Приятного вам вечера.

В парной кряхтел, обдавая себя веником, огромного роста парень, и Андрей прошел сразу в бассейн. В нем плавали, не сдерживая возгласов наслаждения, двое мужчин и женщина в цветастом купальнике. На противоположной стороне дверь оказалась приоткрытой, и Андрей, стараясь не поскользнуться на мокром полу, прошел туда.

Надо полагать, перед ним открылась арена. Внизу были аккуратно уложены борцовские ковры, а над ними, как в амфитеатре, приподнимались лавки-сиденья. Некоторые были уже заняты: на них группками сидели укрытые простынями зрители и потягивали пиво из больших, скорее всего по заказу сделанных кружек.

Андрей пристроился на третьем, самом верхнем ярусе, приготовился ждать. Зал медленно заполнялся. Появился парень, которого Тарасевич видел в парной – сел в первый ряд, где находились столики. Зазвучавшая музыка заставила поторопиться остальных, но, как и в кафе, Андрей не увидел вокруг ни одной женщины.

Зато появилась Нина, почти в таком же костюме, что и в кафе. Она сразу вошла в ритм льющейся из-под потолка музыки, попросила поддержать ее хлопками. Если бы сейчас кто-то крикнул «Любо!», Андрей бы не удивился. Но публика, несмотря на то, что сидела полуобнаженной, по респектабельности, видимо, числилась повыше, и до рукоплесканий не снизошла, наблюдала за движениями танцовщицы с вынужденным снисхождением.

И то ли Нина тоже почувствовала эту неприветливость, то ли просто зацепилась своей туфелькой за маты, но споткнулась, чуть не упав на ковер. И мгновенно переменилась, с лица слетела дежурная улыбка, она буквально взлетела на первый ярус, завихрилась меж столиков. Потом одним рывком, а не как перед этим стыдливо-играючи, распахнула блузку. Не успела та опуститься на ковер, как следом полетел лифчик. Небольшие грудки с темными сосками завдрагивали под перестук каблучков, а Нина уже распахивала полы широченной юбки. Не обращая больше внимания на оживившихся зрителей, юлой повертелась к знакомому Андрею парню, пританцевалась вплотную к нему, играя бедра

ми. Но когда тот попытался протянуть руку, ускользнула, но не ушла, извиваясь в миллиметре от вытянутой руки. Зрители, наконец, снизошли, захлопали, и парень встал, пошел вслед за танцовщицей-поводырем на ковер.

А Нина уже спешила к другому, так же сидевшему в первом ряду, темноволосому парню. И перед ним заиграла, раскрываясь и ускользя, и, как перед этим русоволосого, приглашая на ковер.

Но покрытие арены, видимо, в самом деле оказалось с изъяном, потому что Нина опять споткнулась на старом месте. Однако погрешности, кроме Андрея, никто, кажется, и не увидел или не отметил для себя – танцовщицу приветствовали бурно, не давая ей уйти из зала. И тогда внезапно погас свет. Затем яркий узкий луч высветил Нину, а после этого замельтешил, запрыгал. И где-то там, в этой светопляске, она сбросила с себя последнюю полоску. Зал и магнитофон взяли самую высокую ноту...

Когда вновь зажегся свет, ее на арене уже не было. И если бы не разбросанная по матам одежда, можно было бы подумать, что все привиделось.

Оставшиеся на ковре парни, поглядывая один на другого, медленно собирали одежду Нины. Ритуально приложились к ней, то ли целуя, то ли вдыхая запах. Потом разом отбросили ее вон, заорали и бросились друг на друга.

Дальнейшее Андрей отказывался понимать. Нападавшие бились головой, ногами, кулаками. Отскакивали, отплевыва-

ьясь кровью, глотали воздух и снова бросались в бой. Правил не было, судейства тоже, а о джентльменстве вообще говорить не приходилось. У Андрея создалось такое впечатление, что Нина вызвала их на ковер для того, чтобы они убили один другого.

А зал гудел, хлопал, неистовствовал, показывая пальцем вниз: смерти, смерти!

– Так происходят гладиаторские бои, – вдруг раздалось рядом, и Андрей резко повернулся.

Оперевшись на колено, рядом стоял Кот. Традиционно поглаживая языком усики, он внимательно наблюдал за схваткой. Черноволосый, несмотря на то, что выглядел менее представительно, брал верх: его удары не встречали защиты соперника, русоволосый с каждым мгновением шатался все больше и больше, пытаясь из последних сил устоять, не пасть на колени. Крики зрителей нарастали, словно шла игра в тотализатор и перед финалом они уже кричали помимо воли: одни – предчувствуя проигрыш, другие – в ожидании победы и крупного выигрыша.

Черноволосый закончил схватку резким ударом ногой в шею. Его противник рухнул как подкошенный, без каких-либо признаков жизни. Естественным желанием Андрея было подхватиться и выбежать на помощь, но Кот сверху надавил на плечо: сиди, не наше дело.

И вправду, тело из зала вынесли двое других парней. Тут же появился со шваброй старичок-банщик, суетливо, но

быстренько протер от крови маты и исчез. Победитель, заплетаясь на полусогнутых, прошел круг почета, не имея даже сил поднять в приветствии руки. Но, как в хорошей постановке – а это, конечно, была прекрасно продуманная режиссура, навстречу победителю выбежало с десятков девиц в купальниках. В отличие от Нины, не дававшей до себя прикоснуться, эти сами ласкали и целовали черноволосого. В новом купальнике вышла к триумфатору под музыку и Нина, и опять с ходу взяла высокий ритм, словно смывая, стирая из памяти присутствующих только что свершившееся.

– Больше здесь ничего интересного не будет, пойдем-ка лучше попаримся, – опять положил руку на плечо Кот.

В парилке он залез на самый высокий полоч, начал стирать ребром ладони мгновенно выступивший пот:

– Хорошо-о-о! Плесни-ка чуток.

Переждав новую волну горячего пара, спустился ниже.

– Ну, и как тебе развлечения богатых? – Однако ответить не дал, продолжил сам: – Первый раз про подобные гладиаторские бои я слышал в конце семидесятых, а тут вот сам столкнулся.

– Но это же подсудное дело! – перед глазами Андрея все еще стояло красивое лицо парня. Кстати, он и сидел на этом же месте, где сейчас оправдывает происшедшее Кот.

– Наверное, – неожиданно согласился начальник охраны. – Только кто заявлять станет? Каждый выходящий на

бой знает, на что идет. Победит – обеспечит себе безбедную жизнь на некоторое время, проиграл – что ж, никто за руку не тащил, а подписка о добровольном участии в бою имеется.

– А если все-таки смерть?

– Похоронят красиво и с достоинством.

– На нашем кладбище? – вдруг осенила Андрея мысль.

Что-то неясное пока, но уже тревожное выстроилось у него в мозгу: кладбище, гладиаторские бои, «санитарка» в аэропорт...

– Это нас тоже не касается, – вновь открестился от всего Кот. – Нас ничего не касается, мы – только охрана. Плесни-ка еще чуток.

Кладбище, «санитарка», смерть на ринге... Кладбище, «санитарка», смерть на ринге...

– Не залей, – вернул его к реальности майор.

– А кто эти парни? – не мог уйти от происшедшего Тарасевич,

– Русоволосый появился у них, – Кот специально выделил слово «у них», – месяца два назад. Имел одну победу – насколько я знаю. Черноволосый – милиционер. Капитан. Пока всегда побеждает. А ты? Ты бы смог его победить?

– Я? Я не собираюсь участвовать в этом.

– Я спрашиваю только ради интереса. Теоретически, так сказать – мог бы?

– Самое уязвимое у него место – его прямолинейность, он работает одними и теми же приемами. Хотя очень цепок

и точен. Достаточно серьезный противник, – сказал Тарасевич.

– Ну, а если применить твою биоэнергетику?

Никогда прежде Кот не пытался выяснить у него, каким образом Андрей уложил троицу у кладбища в первый день знакомства. Никогда больше не применял этот прием Тарасевич на тренировках. Но, выходит, майор все помнил и знал. И, если смотреть его глазами на гладиаторские бои, Тарасевич – просто сушая находка, клад для таких игрищ, не говоря уже о других разборках. Да, можно было начинать новую жизнь, она – красивая, денежная, предлагается пока намеками, его втягивают в нее через бешеные «европейские» деньги и приобщение к сомнительным аферам. И согласись он сейчас на нее, просто кивни головой, тут же исчезнут десятки проблем. Правда, неизбежно возникнут новые, без этого нет жизни, но как хочется отбросить именно старые...

– Пойдем окунемся? – не дождавшись скорого ответа, прервал разговор начальник. Может, давая время подумать еще. Спустился вниз. – Авось какую рыбешку в бассейне и мы поймаем.

В бассейне плавали целых три цветастых игривых рыбешки. Они со смехом бросились в брызги, поднятые мужчинами, обвинили их, словно водорослями, руками и ногами. От неожиданности Андрей пошел ко дну, с усилием дернулся, освобождаясь от пут, вынырнул на поверхность. И только проморгался – увидел Нину. Она входила в воду по ступень-

кам, глядя на него и кружащихся вокруг девиц. Не успел он еще что-либо предпринять, как его опередил Кот: мощными гребками майор бросил свое тело к секретарше, замер рядом, ожидая, когда Нина привыкнет к воде и окунется.

– Как сегодняшняя охрана? – кивнул он на подплывающего Андрея. – Не подводит?

– Не подводит, – ответила Нина и оттолкнулась от стены. Получилось, что отплыла от начальника к Андрею.

– Значит, утверждаем такой расклад и на будущее, – не стал плыть вслед за подчиненной майор.

«Нет уж, будущего у меня с вами не будет», – окончательно решил для себя Тарасевич.

Теперь он ждал только одного – обещанного паспорта. Кот молчал, и Андрей вынужден был томиться этим ожиданием. Единственное, что утешало – Нина теперь охотно отзывалась на приглашение попить кофе, и он все чаще проводил свободное время в «министерском» кабинете.

О проведенном на загородной даче вечере не говорили, словно его не было вовсе, но цепочка, которая выстроилась у Андрея в сознании с кладбищем, санитарной машиной и гладиаторским боем, не давала покоя. И он бы не был, наверное, омовцем, если бы не начал осторожно проверять эту связь самостоятельно.

Первое, что сделал – съездил однажды к кладбищу. И хотя строители еще ковырялись с установкой общего забора, за те месяцы, которые прошли после знакомства с Котом, там уже вырос целый участок надгробий. Андрей прошелся вдоль ровных рядков крестов и памятников, перечитал все фамилии, словно они могли подтолкнуть его к разгадке тайны. Если, конечно, она существует, а не плод его воображения.

Фамилии, конечно, ничего не объяснили. Судя по датам рождения и смерти – здесь покоились, по большей части, старики и старухи. Ничего особого не сказали и могильщики, с которыми Андрей присел покурить как один из поминальщиков.

Однако на третий раз, кажется, промелькнуло что-то подозрительное. В тот день состоялось сразу четверо похорон, и Андрею неожиданно бросилось в глаза малолюдые при погребении.

– Жил один, как перст, вот и проводить до могилы даже некому, – охотно пояснила одна из старушек, с которой Андрей подгадал уйти с кладбища. – А Степка знал, когда умирать: как все пропил, так и преставился.

– А вы соседка?

– Соседка. Хоть и помучил он меня своими выходками, да ж мы люди. Умершему да родившемуся нельзя без внимания, не по-христиански.

Эта загадка закручивалась поострее: на кооперативном кладбище с удовольствием хоронят одиноких и пьяниц? Откуда такая щедрость у людей, готовых перегрызть друг другу глотку ради выгоды или потехи?

Однако дальше удивления дело долго не продвигалось, тем более, что действовал Андрей более чем осторожно: узнай Кот его внимания к похоронным делам, восторга, надо полагать, не высказал бы. Но однажды промелькнула в разговоре уже с другой старушкой еще одна любопытная фраза:

– Хоть перед смертью-то Гришка пожил немного в свое удовольствие. Говорил, что застраховался, мол, ради нужд медицины, ему за это деньги и договор, что похоронят по-человечески. Не обманули, сама вижу, что не обманули. А нынче-то верить никому нельзя, особенно всяким фирмам.

– А кто застраховал-то? И от чего? На каких условиях? – сразу почувствовал легкое волнение Андрей.

– А кто ж его знает, поди, спроси у него, у Гришки-то. Ежели повстречаю на том свете, могу и поинтересоваться, коль снадобится. Ну, наверное, разрешил себя разрезать. Что им, ученым-то медикам, еще надо? Им лишь бы резать.

– А в какой морг забирали соседа-то вашего? – Андрей и не заметил, как подстроился под говор старухи. – Кто забирал?

– «Скорая» приехала и увезла. Мне-то откудаво знать, чьи мы становимся, когда помрем. Хорошо, что еще забирают. Аль не так?

«Так-так, все так», – согласился Андрей.

Разговор с бабулей выводил его на какую-то новую орбиту, в совершенно незнакомую сферу. Полученные сведения пока еще ничего не объясняли, не приблизили его к разгадке тайны ни на йоту, но все равно это была та ступенька, с которой более широко открывался горизонт. И первое, что осозналось – ответы нужно искать в области медицины. Если еще точнее – то в морге, куда поступают умершие. Что за договора они заключали? И с кем? Чтобы молодые врачи получили практику по разделыванию трупов? Но что тогда возят в Шереметьево? Аэропорт – международный, значит, товар поставляется за границу. Чего не хватает за границей? Уж не человеческих ли запчастей?

Догадка, страшная по своей сути и неправдоподобная хо-

тя бы потому, что он, Андрей Тарасевич, находится рядом со всем этим, и пока ничего не знает. Однако мелькнувшая мысль о продаже человеческих органов засела намертво. Да так вписалась в ситуацию, что, казалось, лежала на поверхности, стоило только выстроить логическую цепочку и усомниться в благородстве коммерсантов. Но неужели правда?

С каждым днем сомнения таяли, как дым от легких сигарет Нины. Чем больше хоронили народу, тем чаще требовались охранные поездки «в Европу». И однажды, дождавшись, когда ему выпадет ехать в аэропорт не со словоохотливым, но тем не менее бдительным Серегой, а с другим охранником, Андрей сразу после отъезда от офиса «замаялся» животом.

– Потерпи уж, нельзя отставать, – глядя на его «мучения», умолял напарник. Еще бы, кому охота пролетать мимо заветного конвертика!

– Сам знаю, – мужественно постанывал Андрей.

Зато в аэропорту, не дождавшись, когда вытащат свои вещи врачи, сосед сам распахнул дверцу перед Андреем и кивнул на здание:

– Давай мухой, туалет справа – вниз.

Мухой, дорогой друг – это слишком медленно. Андрей влетел в щелку самооткрывающихся дверей, нырнул внутрь какой-то делегации, притих среди толпы. Незаметно стащил с себя куртку.

В это время вошли в зал и парни, которых он сопровож-

дал, и уверенно направились к одной из таможенных стоек. Подали в окошко документы, ответили на какие-то вопросы.

– Извините, здесь не проходила делегация из Мюнхена? – оттолкнув врачей, влез, насколько позволило окошко, прямо к таможеннику Андрей.

– Какая еще делегация? – возмущился бесцеремонностью таможенник, выдавливая голову Андрея назад.

Поднадавили с двух сторон и пришедшие в себя врачи, но Андрей успел ухватить круглые цифры кодового обозначения товара – 300 190 100. Отскочив от стойки, начал метаться взглядом по залу, отыскивая клочок бумаги. Черт, как чисто вокруг, и хотя цифры легкие, записать на всякий случай надо бы – 300 190 100. Наконец увидел валявшуюся около урны пачку из-под сигарет – 300 190 100. Не забыть, пока ищет ручку. Но откуда ей взяться у него, она ему сто лет уже не требовалась – 300 190 100.

– Извините, у вас случайно ручки нет? – попросил у respectableного господина, для гарантии указав на кармашек его пиджака, из которого торчал зажим авторучки.

Джентльмен закивал, с улыбкой протянул серебристый тонкий карандаш. От волнения и спешки Андрей сломал гриф, нацарапал оставшиеся цифры обломком и с извинениями протянул остатки озадаченному иностранцу:

– Извините, спасибо.

Врачей у стойки уже не было, и Андрей, облачившись снова в куртку, с видом величайшего облегчения вышел на пло-

щадь.

– Все в порядке, – сообщил он напарнику, вкладывая в эти слова свой смысл.

– Ну и хорошо, – похвалил тот.

Теперь оставалось выяснить, что означает код товара. Но где? У медиков? Таможенников? Здесь гарантия стопроцентная, что дадут от ворот поворот: мало ли кому что интересно знать. А кто вы такой вообще, гражданин интересующийся? А покажите-ка ваш паспорт!

Паспорт. Нужен срочно паспорт. Сдержит ли Кот обещание?

И как же плохо, оказывается, Андрей узнал своего начальника! Не успел он сбегать за тортом в честь поездки «в Европу» и торжественно выложить под всеобщее женское одобрение его перед Ниной, из динамика только что оборудованной общей связи послышалась команда Кота:

– Тарасевич, зайдите.

Команда транслировалась по каждой комнате и коридорам, ее звук еще пугал служащих «Стрельца», а Андрею напоминал казарму, но сейчас Тарасевич отметил другое: Кот назвал его на «вы». Правда, он не помнил, как начальник обращался к нему при посторонних, но к майору шел, внутренне собравшись.

Он не ошибся в своем предчувствии: Кот не пригласил его присесть. И целую минуту молча рассматривал, давая Андрею время понервничать. Наконец в упор поинтересовался:

– Вы встретили группу из Мюнхена?

Вот оно что! Андрей от неожиданности прикрыл глаза: какой же он мальчишка, сосунок в подобных делах. Затеял шашни-машни с профессионалами. Ведь сам же еще при первой встрече, во время драки отметил, что Наполеон-2 кулаками не машет. Конечно же, надо было предполагать: у него все под двойной, тройной защитой. А что теперь? Руки майор держит под столом, а уж что там у него – «кольт» или просто «Макаров», узнать не придется. Окна зарешечены, в приемной наверняка сидит группа захвата. Церемониться с ним здесь не станут, он уже слишком много знает. Недооценил он степенного «Стрельца», потерял нюх...

– А на кладбище похаживали, чтобы отыскать себе местечко получше? – спросил Кот, словно заранее отрезая ему путь к отступлению.

И это знает. Все знает. Не зря казалось, что слишком уж спокойная жизнь началась, что все вокруг чуть ли не братья, а если и не братья, то так, мелкие шалунишки из детского садика. А ведь там, где шальные деньги, говорить о нравственности наивно. В нулях здесь ходит и человеческая жизнь. Наверное, после всего пережитого он просто не хотел в это верить, думал, пронесет...

– Так будут какие-то объяснения, или... – майор не закончил, словно не желая лично определять крайние точки, а давая Андрею шанс попытаться самому найти выход из ситуации, предложить свой вариант.

– Объяснение одно, – развел руками Тарасевич, одновременно наблюдая за Котом. Тот четко среагировал на этот размах рук, и стало окончательно ясно: дурочку здесь не поваляешь. Или, наоборот, надо валять только ее. И, странное дело, вместе с осознанием глубокой опасности к нему начали приходить спокойствие и уверенность в своих силах. Ясны враги, четки границы... – Я всегда занимался тем делом, которое знал досконально. Плохо это или хорошо, но когда возникают вопросы, а ответов нет, я их добываю сам. Все.

– Добыл? Ответы эти?

– Почти. Осталось узнать, что означает на таможне код 300 190 100.

– И что будет дальше? Вернее, и что было бы дальше, если бы узнал?

– Пока не знаю. Все зависело от того, что кроется за этими цифрами. А потом бы принимал решение – оставаться или уйти.

– Не успел, – Кот вытащил из-под стола левую руку. Значит, оружие в правой. – Теперь мы будем принимать решение за тебя.

– Я в вашей воле, – подтвердил свое незавидное положение и Тарасевич. Теперь надо изо всех сил строить из себя виноватого и несчастного – это притупляет бдительность врага.

И Кот озадаченно посмотрел на него: видать, прибавил Андрей ему непредвиденных забот. Только вот чего они вы-

жидали, раз обо всем знали? Отчего сразу не прихлопнули?

– С кем делился, советовался своей любознательностью? – задал еще один вопрос начальник.

– Если вы настолько тонко отслеживали меня, то должны знать, что ни с кем. Это было нужно только для меня. Если мне не доверяли, но заставляли участвовать в каких-то делах, я обязан был расставить все акценты сам.

– Тебя смутил гладиаторский бой? – Кот перешел на «ты», и это не осталось незамеченным для Андрея. Значит, не все потеряно?

– Меньше всего. Самым непонятным оказалась санитарная машина, следующая «в Европу».

– Спасибо за совет. Учтем.

Андрей вновь развел руками: чем могу. И на этот раз Кот никак не отреагировал на его жест. Может, все же попробовать взять его? Но кто за дверь? Или все-таки дождаться, посмотреть, какое решение примет майор? Вроде он в чем-то сомневается, колеблется, пытается разобраться...

– Жалеешь о свершившемся?

– В какой-то степени, да,

– Если прокрутить пластинку назад – пошел бы на то, на что пошел?

– Наверное, да.

– Что бы ты предпринял, будь на моем месте?

– Это сложно, – искренне признался Тарасевич. – Наверное, перестал бы доверять – это во-первых. Во-вторых, по-

пытался бы определить для себя, насколько необходим мне этот человек.

– А если необходим? Или, скажем так, желателен?

– Привязал бы его к себе чем-нибудь покрепче.

– Чем, например?

– Лучше всего общим делом.

Наверное, блиц-опрос удовлетворил в чем-то майора, и он даже несколько раз покрутился в кресле, раздумывая над ответами.

– Хорошо, – наконец произнес он. – Из офиса пока никуда не выходить. По телефонам не звонить. Любая попытка уйти... – Начальник выложил на стол пистолет, и Андрей согласно кивнул. – Сами мы трогать тебя не станем, а вот латвийская полиция, думаю, скажет спасибо за такой подарок. Да и Нину пожалей.

– А при чем здесь Нина? – впервые не сдержался Тарасевич, и то больше от удивления. – Она-то при чем?

– Совершенно ни при чем. Но вот поэтому, прежде чем что-то предпринять, думай. Иди.

Иди... Куда? Куда можно выйти из угла? Но зачем они Нину-то впутывают в его судьбу? Уверены, что из-за нее он ничего не станет предпринимать? А если все-таки станет? Что ему Нина? Неожиданное сиреневое пятно, единичное напоминание о Зите. Не более. Так что она – ваша, господа коммерсанты и телохранители. Она существовала до его прихода, останется и после. К сожалению, ему платить ей

нечем...

– Что-то случилось?

Андрей не заметил, что прошел мимо двери, у которой стояла в ожидании танцовщица.

– Нет, ничего, – постарался быстро сбросить озабоченность Андрей. – Как наш чай?

– Тебя ждали. Но что случилось?

– Абсолютно ничего.

Однако в немых перекрестных взглядах-вопросах он читал ее озабоченность и все возрастающую тревогу. Как ни странно, оказалось неожиданно приятно осознавать, что о тебе кто-то волнуется, замечает твое состояние. Если бы по другому какому поводу...

«Что-то неприятное?» – продолжала мысленно допытываться Нина.

«Говорю тебе – нет».

«Я не верю».

«Все уладится».

– Нина, зайдите ко мне, – послышалась новая команда Кота.

Да, общая трансляция – не для оперативности, это – чисто психологическое оружие. Чтобы держать всех в напряжении, в ожидании команды.

Девушка в последний раз бросила умоляющий, полный растерянности взгляд на Тарасевича: что происходит? Что меня ждет? Так кролики идут, ползут в пасть к удаву – загни-

нотизированные, понимающие неизбежность худшего, но не имеющие сил сопротивляться.

Нинины подружки, защебетав, сгрудились у зеркала – ничего не заметив и не поняв. Нет, не зря Кот берет в заложники именно Нину: что-то уже пролегло между нею и Андреем, завязалось в узелок. Может, даже неосознанно, вопреки их воле и желаниям, но так отыскиваются те самые половинки, которые вдруг оказываются одним целым. Зита здесь опять не в счет, Нина и Андрей одно целое или наиболее близкое друг другу именно здесь, в «Стрельце». Завтра, случись иное окружение и иная работа, все изменится, но пока...

«Что у тебя?» – теперь уже Андрей спросил взглядом у танцовщицы, лишь она возвратилась назад.

«Все нормально», – отрешенно ответила та.

«Не верю. Что?» – умолял Андрей.

«Плохо», – пожаловалась Нина, обреченно глядя на него.

В комнату вошел Серега, потом еще двое «стрельцов» – вроде просто так, побазарить и попить чайку. Но по тому, с каким страхом отнеслась к их появлению Нина, Андрею стало ясно: пришла охрана. Точнее, охранники. Что же Кот сказал Нине?

Андрей попытался поймать взгляд Сергея – тщетно. Крутится, улыбается, острит, ухаживает за девушками, в его сторону не то что не смотрит, а даже не поворачивает головы. Вырубить бы их здесь всех троих, забрать Нину – и ищи ветра в поле. Но захочет ли этого Нина? Стоит ли ее впутывать

в непонятную авантюру? Зита, по существу, погибла из-за него. Да что там «по существу» – он, и только он виновен в ее гибели. Теперь к какой-то опасной черте подводят Нину. Неужели это он несет на себе печать несчастий для тех, кто оказывается рядом?

Но Кот-то, Кот! Хитер и предусмотрителен более, чем можно даже было предположить.

Легко на помине, майор сам заглянул в комнату, цепко оценил настрой в ней и кивнул Тарасевичу – пойдем.

У себя в кабинете, став у окна, скрестил руки на груди.

– Ответь мне на один вопрос: чем лучше наших гладиаторов те же музыканты, собирающиеся узким кругом послушать божественную музыку, а перед этим переспавшие с женами своих друзей?

– Они не убивают, – ответил Андрей первое, что лежало на поверхности.

– А тебя жизнь еще не научила, что подлость порой страшнее смерти?

– И, тем не менее, – согласившись с начальником, все же остался при своем мнении Тарасевич.

– У гладиаторов тот же любительский кружок профессионалов: они умеют и хотят драться. Кто за деньги, а кто... Помнишь черноволосого милиционера?

– Победитель?

– Нет, он не победитель. Он просто ищет своей смерти. Упорно ищет.

– Не понимаю.

– Он – капитан милиции. Исполнитель смертных приговоров в тюрьме. Общество – все эти нежные музыкантики и иже с ними, выставило его на самую грязную работу – убирать тех, кто мешает спокойно жить и творить свои мелкие подлости. И теперь с презрением смотрит на него, согласившегося, – само оставаясь якобы в белых перчатках. Исполнитель появляется среди гладиаторов после каждого расстрела. Скорее всего, специально подставляя себя, оправдываясь перед собой – я тоже хожу под Богом, я так же смертен.

Помолчали. Кот перешел к столу, сел в кресло, на глазах Андрея поправив кобуру с пистолетом под пиджаком.

– А у нас сейчас вся страна превращена в гладиаторскую арену, – вдруг озабоченно, уставившись в одну точку, продолжил майор. – И весь мир, кто в ужасе, а кто в злорадстве, наблюдает, как половина россиян уже сцепились в мертвой схватке друг с другом, вторая – готовится к этому. И подзуживают ведь, накручивают, а наши ельциноиды все орут, что это гуманитарная помощь. Идиотство! – ударил кулаком по столу Кот.

Более чем странно было слышать Андрею эти слова в этом кабинете. Как может быть Коту больно за страну и терзаемую Россию, если он лично охраняет как раз тех, кто пьет ненасытно ее кровь. И спокойно берет за это деньги. Скорее всего, играет майор, он прекрасный артист...

– Но разговор, я понимаю, обо мне, – сузил тему Тарасе-

вич. – Я жду своей участи.

– Ты настолько безропотен? Не верю, – с сомнением покачал головой майор. – Или я совсем разучился разбираться в людях.

– Нет, я не безропотен. Я сначала узнаю свою участь, а потом начну действовать.

– Ох, зря ты начал копать там, где тебя не просили, – в голосе Кота вновь слышались нотки сожаления. – Ты нам во многом подходишь, и я бы не хотел терять тебя. Не хотел бы терять, – повторил он. – К тому же у тебя открывалась хорошая перспектива стать одним из моих заместителей. А теперь... Уж и не знаю. Все будет зависеть от тебя. Иди. А вечером съездим попаримся.

«На гладиаторский бой?» – хотел спросить Андрей, но сдержался. Судя по всему, ему дают возможность отыграть-ся...

...И вот Нина танцует перед ним и Исполнителем. Гладиаторский бой – вот то самое «общее дело», которым решил связать его с собой Кот. Только убийством другого человека Андрей докажет теперь свою надежность и преданность «Стрельцу». Подняв руку на милиционера, отрежет себе любой путь назад. И получит паспорт. И, может быть, когда-нибудь даже станет одним из заместителей начальника охраны. А пока с него даже не потребовали расписки о добровольном выходе на ринг: он – никто, ни один человек в мире не станет искать его в случае победы Исполнителя. И это итог жизни?

Замельтешил прожектор, заставляя Нину обнажиться полностью. А это ее итог и удел? И не Нина это раздевается, если судить по большому счету. Кот прав в неожиданной своей проповеди: страну для утехи новоявленным буржуа раздевают и выводят на гладиаторские бои. Неужели мы обречены на это понукание, неужели нет никого, кто бы встал и просто расправил плечи!

– Любо! – послышался знакомый крик.

Ага, значит, «казачок» повышен в статусе, из кафе перебрался в парилку. И ему надо теперь орать, чтобы оправдать столь высокое доверие.

А Нина, выходит, знала, что ей предстоит вызывать его на бой. Потому она и вышла от Кота такой подавленной. Един-

ственное, чего жаль – не нашлось у них ни одной минуты, чтобы серьезно поговорить. Теперь же этой минуты не будет тем более. Жаль, но прощай, товарищ Нина. Твое сиреневое пятно многое разбередило лично в его жизни, а для тебя одним Тарасевичем больше, одним меньше – это ли причина для расстройств?

И ты зря ищешь своей смерти, милицейский капитан. Кому она нужна, кому и что ты докажешь? Тебя можно победить, но он, рижский омоновец, старший лейтенант Андрей Тарасевич, не станет этого делать. На его совести нет ни одной смерти, кроме тех подонков, которые заслужили ее за гибель Зиты. Сегодня же хотят сделать по-иному: убить гладиатора – это отдать себя в услужение новоявленным господам. Упасть так, чтобы никогда больше не подняться. Каяться всю жизнь. Но у них ничего не выйдет. И сейчас на этой арене он покажет не гладиаторский бой, а великолепный цирк. Сейчас впервые в жизни и он посмотрит и попробует на полную катушку, что значит русский стиль боевого искусства. Увидим, захочется ли после этого кричать «Любо!». В зале всего двадцать три человека – это он посчитал сразу. С десятков наберется прислуги. Он погоняет всех этих «казачков» по лавкам, парилкам да бассейнам. Он перевернет это шапито вверх дном. Ищите пластыри и гипсовые повязки. Про страну он не говорит, но лично он сегодня встанет и поведет плечом...

А потом поймает свою пулю и успокоится. Да, только она

сможет остановить его. А она давно летит в него, очень давно. Он даже устал ждать ее. А нынче уже чувствует ее разгоряченное холодное приближение. Только бы сразу уложили наповал. Стрелять наверняка, будет Кот, дай Бог ему не промахнуться. И ему он тоже докажет, что и из угла есть выход...

Мимо извивающейся, путающейся в трусиках Нины вышел в желтый прямоугольник раздевалки.

– Я хочу выпить, – потребовал у Кота, который вышел из зала вслед за ним.

– А я думаю, что не стоит, – неуверенно возразил майор.

– Может, и не стоит, – охотно согласился с ним Тарасевич, и тут же, переходя на «ты» и тем самым подчеркивая, что выходит из подчинения, спросил: – А попросить тебя могу? Как офицер офицера?

Кот приподнял голову: смотря о чем, но слушаю.

– Не трогай Нину. В моей жизни она еще не стала никем, и что бы ни случилось сегодня, она ни при чем. Она просто беззащитная и слабая женщина, но никак не сообщница.

– Ты говоришь так, словно заранее обрекаешь себя на поражение.

– Я никогда не буду побежденным. В отличие от тебя, майор. Насколько я понял, ты очень боялся промахнуться в этой жизни. Желая тебе не промахнуться и в очередной раз, – вкладывая в свои пожелания особый смысл, жестко заключил Андрей.

Кот продолжал вприщур глядеть на него. Потом оглянувшись на дверь, за которой росли бурные овации – наверное, на арену вышел Исполнитель. И, на что-то решившись, майор вдруг вытащил из кобуры под мышкой пистолет Макарова. На глазах у Андрея выдавил из рукоятки магазин с желтенькими крутолобыми пулями, подпертыми пружиной к самому верху.

– Я приблизительно догадываюсь, что ты намерен сейчас сделать, – положив оружие и патроны в разные карманы пиджака, сказал он. – Если Исполнитель прямолинеен в приемах, то ты настолько же прямолинеен в характере и поступках. Ты прогнозируем. Не напрягайся, – увидев, как Андрей собрался для прыжка, выставил он вперед руку. – Я обещаю не трогать Нину и тем более могилу твоей жены. Стоять! – уже выкрикнул Кот, когда на последние слова Тарасевич дернулся к нему. – Да, от твоего поведения будет зависеть, чтобы жена спокойно спала там, где ее похоронили. А теперь... теперь я тебя отпускаю. Ты уходишь быстро и исчезаешь. В Приднестровье, Абхазию, Югославию – куда угодно. Но нигде никому ни слова о «Стрельце». Тебя здесь не было.

Зал загудел нетерпеливее, и Кот поторопил:

– Теперь я жду твоего слова.

– Я никогда не праздновал труса, – озадаченный предложением и поведением начальника, медленно проговорил Тарасевич. Ну ладно, если бы это предложение сделал тот же Серега, но чтобы сам Кот... А впрочем, что он знает о май-

оре? Да и после того, как он сравнил страну с гладиаторской ареной, можно предположить, что не вся его совесть перетекла в купюры. И еще долго, видимо, будут сопротивляться люди тому, что им навязывается.

– Это не трусость, а разумность. А ты – это я несколько лет назад. Я многое бы отдал за то, чтобы и меня кто-то остановил перед началом моей новой службы. Никого не оказалось рядом, – разложил, наконец, свой жизненный пасьянс перед Тарасевичем майор. – Уходи. Я не хочу, чтобы ты убивал.

– А как же... сам?

– Не твои заботы. Прощай. Иди в эту дверь, потом через забор и в лес. Ну! – зверино зарычал Кот, разбередивший самого себя и боящийся теперь отрезветь.

Андрей кивнул ему и распахнул дверь в темный коридор.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
«Свинья» в центре Москвы.
Армия, спаси свой народ!
Ростропович приезжал играть
на похоронах марш для России.
Понедельники светлыми не
бывают. «По парламенту,
бронбойными, прямой наводкой
– огонь!» «Вам высокое „Честь
имею“ не позволят произнести».

1

Полковник – толстый от спрятанного под бушлат бронжилета, в чулке-маске – выждав только ему известное время, отдал в мегафон негромкую команду:

– Пошли.

Омоновцы застучали дубинками по щитам, сделали несколько шагов вперед. В толпе демонстрантов закричали:

кто от того, что был вытолкнут в лужу, кто от злости и отчаяния.

Этого рывка хватило, чтобы дубинки достали до поливальной машины, на желтом горбу которой стояли освещенные фарами ораторы и фотокорреспонденты. Оскользаясь, они горохом посыпались вниз, и только один – в черной куртке, с длинными мокрыми волосами, остался наверху. Мишка узнал знакомое по телевидению лицо: писатель Проханов, главный редактор запрещенной газеты «День».

– Народ! – закричал он сорванным, сиплым голосом. Но до него уже дотянулись влезшие на машину омоновцы, вцепились в куртку.

– Народ, держись, – успел прокричать редактор и, сдернутый с машины, исчез под черной крышей зонтов.

– Пошли, – уже громче скомандовал полковник, и солдаты вдавились в толпу еще на два-три шага.

– Фашисты!

– Лучше ловите бандитов.

– Да они сами бандиты. ОМОН и мафия – едины!

– Вас же завтра будут судить. Запомните: вас всех будут судить.

– Товарищи, не трогайте солдат. Это наши дети, их послали, они выполняют приказ.

– Значит, они по приказу и мать родную растопчут? И останутся чистенькими? Позор!

– По-зор! По-зор!

– И все равно, не трогайте их.

Пока в толпе спорили, как относиться к солдатам, к краснопресненскому стадиону под свист и улюлюканье подошло еще несколько милицейских групп. Одетые кто во что горазд – в шинели, куртки, плащи, ботинки, сапоги, шапки, гаишные шлемы, фуражки и даже пилотки, они испуганно оглядывались по сторонам, втягивая головы в плечи. Было видно, что собирали их по всей Москве, снимая с постов, дежурств, вытаскивая из квартир.

Пользу они, может быть, и не принесли, но внимание митингующих они отвлекли, и тех, потерявших бдительность, легко выдавили с площади сразу на несколько метров. Перед бронированной цепью оказался костер, у которого грелись женщины, но солдаты не стали его даже обходить: разметали, расшвыряли ногами, затоптали угли в чавкающий, перенасыщенный влагой газон.

Стало еще темнее.

Мишка шел за цепью своего взвода – так предписывала инструкция. Великий психолог и подлец составлял ее: командиру требовалось смотреть и контролировать, кто из солдат дрогнул, кто отступил, растерялся. И чтобы сам оставался невредим – подчиненному в толпе никак нельзя оставаться без начальника.

К тому же где-то среди митингующих, под видом корреспондентов, работают и свои «видюшники», снимая на камеру как самых активных демонстрантов, так и сослуживцев.

Чтобы потом, на разборе, начальство могло ткнуть носом: а вот у тебя подчиненные дрогнули, тут не были агрессивны, а вот – отступили, растерялись, дали прорвать цепь, пожалели противника...

Мерзко и гнусно. Все мерзко и гнусно после восьми часов вечера 21 сентября, когда Ельцин зачитал Указ о разгоне Верховного Совета и депутатов. Это походило скорее на бессильный удар кулаком по столу, когда каждый занят своим делом – а все-таки я в доме хозяин. И наплевать, что одни считают меня дураком, а другие гением. Важно, что думаю о себе я сам! Поэтому – все вон из-за стола, остаюсь только я и те, кого захочу видеть рядом. Нас и слушать.

Страна, только-только притихшая после майских митингов, болезненно притирающаяся к новым реалиям, вновь вздыбилась. Теперь даже для самых оголтелых поклонников Президента стало ясно: сколько в Кремле будет находиться Борис Николаевич, столько и Россию будет трясти. Ну, заложен у этого человека Богом только отрицательный заряд, уготовано ему только взрывать и разрушать – будь то Ипатьевский дом в Свердловске, КПСС, Советский Союз, – так откуда взяться созиданию! В спокойной, рабочей обстановке наверх поднимутся другие, поэтому, чтобы быть на виду, ему просто необходимы круги по воде. И как можно большие. Раскачиваются при этом, обрывая канаты и уносясь в открытое море, без парусов, компаса, якорей, при неполных команде и запасе провианта, суденышки? Захлебываются упав-

шие в воду? Но ведь если не гнать волну самому, кто же узнает, какой у власти умный и деятельный Президент?

Отсюда – скандал за скандалом, баррикада за баррикадой, кровь за кровью. И полное нежелание замечать, что от подобного самоистязания скатилась Россия уже на третьестепенные роли в мире. Что такие действия только на радость ее врагам.

А может, так и замышлялось и так подстраивалось? Иначе с чего бы бросил 21 сентября 1993 года свой Указ-баррикаду на истощенную Россию ее Президент? Ведь предвиделось любым здравомыслящим человеком, что уже утром встанут на этой баррикаде русские против русских.

И вынужден теперь он, Мишка Багрянцев, по долгу службы, но не офицерской чести, выступить на одной из сторон – президентской. Не на охране порядка, к чему приучали, а, если честно и без лукавства, – против народа, пришедшего на поддержку Белого дома и ими же выбранных депутатов.

Хотя, конечно, и им ясно, что это просто в верхах не поделили власть, «рассерчали барина», что сцепились в банке пауки, еще вчера единодушно разваливавшие Союз. По совести – так подогнать бы к набережной баржу, загрузить всех вместе да спустить вниз по Москве-реке: плывите, ребята, надоели со своими разборками. И не возвращайтесь. И не пишите писем – и так стоите поперек горла у всей страны.

Но не подплывет баржа. Не хватит государственной мудрости, мужества и элементарной совести обеим сторонам,

чтобы обоюдно раскланяться и оставить в покое страну. И потому стучит Мишкин взвод дубинками по щитам, стараясь запугать тех, кто пришел поддержать блокированных в здании Верховного Совета депутатов. Сегодня, 28 сентября, через неделю после Указа, не сдавшийся Белый дом опутали запрещенной во всем мире режущей колючей проволокой, на этажах отключили свет, воду, телефоны. Все проходы к Дому забили поливальными машинами и водометами.

Паскудство. Толпа права – такое могли сделать только фашисты. И тогда получается, что он, капитан Багрянцев, их приспешник. Полицай. Он выстроил свой взвод вместе с другими взводами и ротами в «свинью» и таранит тех, кто не побоялся сказать «нет» концлагерю в центре Москвы.

– Товарищи, не провоцируйте нас на насилие. Расходитесь по домам, товарищи, – начал вещать на толпу полковник-дирижер «свиньи».

– Гад ты, а не товарищ. Мы тебя еще вычислим в Балашихе²², – раздался в ответ мальчишеский голос.

– Пошли! – в момент утратил дружелюбие «свинопас».

Очередного рывка хватило, чтобы расчленить толпу на две части: одну теперь теснили к зоопарку, вторую – вверх, к станции метро «Краснопресненская» и высотному зданию. Цепь пошла быстрее, уже без команды, и, казалось, что теперь ничто не остановит ее бронированной поступи. Но

²² В Балашихе стоят подразделения МВД, принимавшие активное участие в разгоне демонстрантов.

вдруг из толпы раздался все тот же мальчишеский голос, отвечавший полковнику:

– Мужики, а не быстро ли мы бежим?

Зонты замерли, закрутились на одном месте, группируясь, и двинулись навстречу плотной, стык в стык, стене из щитов. Солдатские каски за ней стали опускаться, в дырчатых щелях забегали испуганные глаза солдат-мальчишек.

– Не бойтесь, ребята, мы вас трогать не станем, – уперевшись плечами в щиты, успокаивали милиционеров, а заодно и себя, демонстранты. – Мы ж понимаем, что сволочи – это те, кто прислал вас сюда.

– Эй, офицеры! Что же вы прячетесь за спины своих солдат? Где ваша честь и совесть? Лужкову продали?

– Позор офицерам!

– Снимите погоны, вы их недостойны.

– И кокарды снимите – на них герб Советского Союза.

– Ублюдки, какая же мать вас родила. Глянула бы она сейчас на вас.

– Вперед! – стараясь заглушить крики, заорал «свинопас».

Шеренга качнулась, мужики уперлись – и все остались на прежних местах.

– Землячок, ты меня не бей, и я тебя не трону. Договор? – мужичонка в вязаной шапке «петушком» придавленный собратьями по митингу к щиту, заглянул за него и подмигнул лупоглазенькому, ошарашенному происходящим солдатику.

– А у вас закурить не найдется? – неожиданно попросил

тот, наверное, о самом заветном, колыхаясь во всеобщем противостоянии.

– Это дело мы быстро организуем. Держи. – Мужичок протянул сигарету прямо в дырку в щите. Солдат, не выпуская из рук дубинку и щит, а может, просто не имея возможности пошевелиться в зажатой шеренге, взял ее прямо губами. – Погодите, не напирайте. Дайте человеку прикурить.

Идиллия. Учения по гражданской обороне, когда через пять минут условные противники обнимаются и вновь друзья.

Огонек от спички успел перескочить на видимый из дыры белый кончик «Примы», прежде чем снова засипел мегафон.

– А родом откуда будешь, землячок? – сдерживая солдatica, продолжал беседу разговорчивый мужик.

– Из Пензы.

– Родители есть?

– Одна мама.

– Чего сюда-то пришел?

– Привели. Не выполнишь приказ – в дисбат отправят. А туда неохота.

– Переходи на нашу сторону. Все равно мы победим.

– А если нет? Вам-то что, разойдется по домам. А мы? Пусть бы командиры приказали.

– Командиры попрятались за ваши спины, неужели не видите?

Солдат невесело усмехнулся: толку-то, что видим.

– Уходи, сынок, – уговаривала женщина рядом уже другого милиционера. – Не бери грех на душу. Всю жизнь ведь потом вспоминать будешь. Этот позор спать тебе не даст. Уходи. Я укрою, а мать простит.

Солдат, не реагируя, отрешенно смотрел поверх голов.

– Ты же жизнь свою с насилия начинаешь, – не отступала женщина. – Дети тех, кто тебя послал бить собственный народ, в Америке учатся. Ты ведь уже взрослый, должен сам думать и все понимать.

– Да уйдите вы все ради Бога! – заорал, сорвавшись, тот. – Мы хоть на службе, а что вы здесь делаете? Идите по домам спать. Мы трое суток под дождем и не евши из-за вас.

– Не из-за нас, сынок, не из-за нас, – обрадовавшись голо-су подопечного, как радуются ожившему больному, ласково и осторожно ответила агитаторша. – Мы на своей земле. Это вы с друзьями лучше подумайте, кто и зачем вас сюда прислал.

– Вперед!

Женщину оттеснили, но мужичок в шапке-«петушке», вцепившись пальцами в дыры щита, удержался около своего «землячка».

Все замечал, слышал и чувствовал Мишка. И предвидел неизбежный конец, когда солдаты или в самом деле бросят все к чертовой матери и уйдут куда глаза глядят, или заревут дико и примутся колотить всех, кто попадет под руку. В глубине души он желал первого, но случится, конечно, второе.

Балашихинский «свинопас» дождется точки кипения у подчиненных и даст команду «фас». Обе стороны власти пошли ва-банк, и о каком-то джентльменстве речь идти не будет. Если сегодня – колючая проволока и водометы, то что тогда завтра? Или уже сегодня? На последнем инструктаже исподволь, намеками, но давали понять: если со стороны защитников БД или депутатов спровоцируется насилие или стрельба, то это даст право милиции и ОМОНу действовать более жестко и решительно.

Скорее всего такая установка «прокачивалась» на самых верхах, потому что это «если» повторялось столько раз и с таким неприкрытым желанием, что даже самые бестолковые могли понять: тот, кто умело поработает на эту идею, по крайней мере, будет замечен и всячески обласкан. Властям как воздух нужен оправдательный толчок, чтобы наконец-то покончить с собственным позором. Бессилием. Ситуацию для них может спасти только кровь. А имея на руках телевидение, радио, практически всю прессу, ими из Белого сделать Красно-кровавый дом – задание для первоклассников. И неважно, чья это была кровь и по чьей вине. Никто никогда не докопается до истины. Да и поздно потом будет копаться. В августе 91-го это получилось как нельзя кстати...

– Лакеи! Прихлебатели, – взорвалась криками толпа на левом фланге, и, глянув туда, Багрянцев увидел мелькающие в воздухе дубинки.

Неужели началось?

– На кого руку поднимаете? На собственный народ?

– Страшитесь, мы вам этого никогда не забудем и не простим.

– Это вы сегодня у власти. Но завтра уже на собственную задницу и сядете.

Напор от демонстрантов ослаб, солдаты пошли еще быстрее, словно и в самом деле торопясь закончить дело, уехать в казармы и спрятаться с головой под одеяло...

– Спокойнее, спокойнее, – удерживал свой взвод Мишка, мотаясь от края к краю цепи. – Взяли себя в руки, спокойнее.

Пусть снимают «видюшники». Пусть завтра его поднимут и начнут топтать: взвод не поддержал, не развил, не передал дальше по цепи команду «фас». Но ведь кто-то же должен остановить это безумие, на ком-то обязана споткнуться дичайшая несуразица. Не в Уругвае же и не на Гаити, не в кино и не в страшном сне – в центре Москвы, по освещенной улице сыновья гонят дубинками своих отцов и матерей. Или это все-таки сон?

Начали оглядываться назад солдаты – верный признак того, что надломились, дрогнули. Задача командира – криком, матом, собственным примером, но взбодрить подчиненных, придавить все их чувства и мысли. Но он, Михаил Багрянец, не станет этого делать. Пусть его солдаты сегодня боятся. Пусть оглядываются и даже отступают. Это спасет их от мучительных переживаний и будущих кошмаров. Сдержитесь, братцы.

– Спокойнее, не нервничайте, – подошел вплотную к зеленым стальным спинам подчиненных Багрянцев.

И тут же сам отпрянул назад. Впереди, между двух стальных грибов-касок мелькнуло лицо Тарасевича. Мишка и мысли боялся допустить, что увидит в толпе кого-то знакомого, а самое главное, что кто-то увидит его. Он даже Рае говорил, что сидит хоть и в повышенной готовности, но в казарме.

А тут сразу – Андрей. Увидел ли он его? А что подумает, если все же увидел и узнал? Или все-таки это был не он? Рая говорила, что тот куда-то собирался уезжать...

Нет-нет, это просто самоуспокоение, боязнь взглянуть в лицо правде. Андрей вне всякого сомнения – здесь, и именно по другую сторону баррикад. Было бы странным, если бы он спокойно где-то отдыхал или даже зарабатывал себе на жизнь. Тарасевич не позволит загонять себя в клетку, даже Указом Президента. Значит, он. Но увидел или нет?

Отвернувшись, Мишка торопливо снял притороченную к ремню каску, напялил ее поглубже на глаза. Приподнял воротник бушлата. Втянул голову в плечи. Затравленно повернувшись, осторожно обшарил взглядом толпу. Где же Андрей? Перешел в другое место? Даже если так, можно перевести дух. Сколько времени мечтал увидеться, впервые обиделся на Раю, когда она не допыталась у Андрея, где он сейчас и что с ним, а теперь... Теперь хочется того же, что и солдатам: чтобы в самом деле побыстрее все закончилось –

и в казармы. А там с головой – под одеяло...

Хотел Мишка обмануть самого себя, когда его, представленного к увольнению в запас из армии вроде бы по сокращению штатов, а на самом деле за август 91-го, вдруг вызвали в кадры МВД и предложили перейти служить в их структуры. Из царской армии шел неписанный закон: уважающий себя офицер никогда не наденет шинель жандарма. Состоять в приятельских отношениях, делать что-то совместно по службе – это ради Бога. Но после того, как охранял народ, гонять его же по улицам собственных городов... Низко и недостойно строевого офицера, да еще разведчика.

Законошился тогда и Мишка, потом, однако, убедил себя и успокоил совесть: преступность в стране сейчас такая, что собственные бандиты быстрее зальют страну кровью, чем иноземный враг. К тому же это могла быть и своеобразная пощечина армии, выбросившей его за ненужностью – а вот другие оценили и поверили. К тому же семья, разгромленная квартира потребовали немало денег, и сразу. Чего ради политических амбиций демократов он станет плевать на себя, на свои заслуженно полученные офицерские погоны?

Точку в сомнениях поставил «Белый медведь». Уволенный из разведки в числе первых, успевший месяц-другой покрутиться на «гражданке», он оказался более категоричен и решителен:

– Уходи и не бойся. Меня знакомые юристы уговаривали: подавай в суд на министра обороны, увольнение незакон-

но и дело стопроцентно выигрышное. Душа рвалась в драку, но вдруг подумалось: а под чье начало возвращаться, в какую армию? К Шапошникову, который готов был бомбить Кремль, лишь бы доказать свою лояльность демократам? К Паше Грачеву, еще более услужливому и мелкому подхалиму, не имеющему понятия об офицерской чести? Не хочу²³.

В словах «Медведя» еще сквозила обида, обида за собственное унижение, но, тем не менее, в голосе чувствовался металл.

– Понимаешь, они могут отобрать у нас погоны, но не честь. А кроме армии, есть еще множество вертикальных линий вокруг в самых разнообразных областях, по которым тоже можно идти вперед и вверх. И эти линии не менее интересны и привлекательны. Мы отличаемся от того же Грачева тем, что ему остается в этой жизни только падение вниз, а мы можем идти вперед. Пусть они падают, подлецов жалеть не надо. Будущее за нами. И каким оно станет, зависит только от нас.

Сам «Медведь» ушел в Министерство безопасности, не побоявшись вселенского визга в сторону этого ведомства со

²³ «Белый медведь» окажется удивительно прозорлив в предсказаниях о П. Грачеве, будущем министре обороны. 3-4 октября именно Грачев позволит поднять армию против народа. Случай с ним более чем наглядно свидетельствует: политики, вознесенные к власти на гребне революционных страстей, как правило, нравственно ущербны и в силу стадности изначально не способны на самостоятельные поступки. В октябре 93-го года армией управляла самовлюбленная, но бездарная во всех отношениях марионетка.

стороны демократов и диссидентов, в одночасье вдруг ставших гордостью и совестью нации. И после встречи с командиром Мишка дал эмвэдэшникам согласие на оформление документов.

Кто же знал, что министр МВД Ерин еще более «никакой», чем Паша²⁴. Что первым именно он даст понять Ельцину: можете издавать любые указы, милиция обеспечит их выполнение.

И все же перед 21 сентября Борис Николаевич проверил своих силовых министров на «вшивость» еще раз, почтив своим присутствием эмвэдэшную дивизию имени Держинского и придворную Таманскую общевойсковую. Командиры, вознесенные в свои кресла августовским путчем и прекрасно понимающие бесперспективность дальнейшей службы без таких же «августовских» министров, заверили Ельцина в готовности выполнить любой приказ Верховного Главнокомандующего. Министры суетились вокруг – угодливенькие, плюгавенькие рядом с мощной фигурой Президента, одетого к тому же в военный «камуфляж» и берет.

Ох, на горе России вспомнил Борис Николаевич, что он еще, в отличие от Чапаева, и Верховный Главнокомандующий всеми Вооруженными Силами страны. Самой России, насторожившейся после этих визитов, Ельцин в очередной раз навесил лапшу на уши, заявив, что его поездки – не более чем просто внимание к нуждам армии. И что теперь он, яко-

²⁴ Паша, Павлик – до отчества Грачев ни в войсках, ни в народе не дослужился.

бы, станет выезжать в войска не реже одного раза в месяц²⁵.

На самом деле поездки в войска убедили Президента в главном: да, эти министры пойдут за ним до конца. Они готовы выполнить не то что любое его приказание, а сами уловят малейшее его желание, чтобы броситься с головой в омут. Как Павлик, угодничая, взял в руки ракетку и побежал на корт учиться играть в большой теннис, любимую игру своего визави. Вот уж обезьянничанье. Все это видят, окружение усмехается, и при иной ситуации что одного, что второго «силовика» следовало бы отправить на должности, которых они заслуживают по уровню своего интеллектуального развития и организаторских способностей: одного – в десантную дивизию, другого – в какое-нибудь второстепенное управление в системе МВД.

Но в замысле борьбы с Верховным Советом, Руцким и Хасбулатовым нужны были именно такие – прибитые, серые, холуйские натуры. Поведи себя министры с чуть большим чувством собственного достоинства, умерь они свою лесть – наверняка бы Ельцин еще не раз подумал, прежде чем вытащить из сейфа свой Указ № 1400.

Так видел ситуацию Мишка со своей позиции взводного. И, закованный, впаянный со своими подчиненными в единую «свинью», тесня демонстрантов к метро «Улица 1905 года», он уже жалел, что дал согласие стать милиционером. Достойнее было погибнуть в иракских песках, чем иметь се-

²⁵ После расстрела парламента Б.Н. Ельцин «забыл» о своем обещании.

годня право безнаказанно поднимать руку на людей. И только бы не увидел его Тарасевич. Ради всех святых – только бы не увидел...

Но уже около самого метро, когда наступающие взъярились от первой крови избитых демонстрантов, когда в них самих полетели булыжники и они безрассудно и отчаянно замолотили демократизаторами²⁶ по головам всех без разбору, Багрянцев еще раз увидел Андрея.

Перед цепью, возведя руки к небу, упала посреди улицы на колени пожилая женщина:

– Проклинаю! Вас и матерей ваших, раз они выродили таких ублюдков.

Из глубины строя, кувыркаясь в собственном сизом дыму, перелетела к ней шашка с «черемухой». К женщине бросилась на помощь девушка в цветастом платке и со сломанным зонтиком в руке, попыталась поднять ее с земли. Не хватило сил, и тогда, плача от бессилия и разъедающей глаза «черемухи», швырнула в подступающую цепь зонтик:

– Выродки, нечеловеки. Что же вы делаете, опомнитесь. Мне за вас стыдно, мне впервые стыдно, что мои отец и муж тоже офицеры.

– Армия, где ты? – продолжала возносить руки к небу женщина. – Армия, приди и спаси свой народ.

Вот тогда к ней и подбежали Андрей и еще какой-то мужчина. Прикрывая женщину от ударов собственными спина-

²⁶ В разговорной речи – дубинка.

ми, они подняли и унесли ее прочь.

А армия сидела взаперти в казармах, с отключенными, как у депутатов, телефонами – чтобы не перезванивались командиры, не могли оценить обстановку и, не дай Бог, не смогли объединиться и принять какое-то решение. Сам министр вместе с верной пресс-секретаршей Агаповой сочиняли для журналистов очередное лживое и бесстыдное заверение в том, что Вооруженные Силы ни под каким предлогом не будут втянуты в происходящие события²⁷.

Да, 28 сентября армия еще не завела свои танки с красными гвардейскими знаменами на башнях, не загрузила термические снаряды для расстрела парламента. У власти пока оставалась надежда, что с ситуацией в Москве справится милиция и срочно подтягиваемый со всей страны ОМОН. На Ерина спешно писали представление к очередному воинскому званию генерала армии – лишь бы не дрогнул, лишь бы был обязан...

И гнали людей под дождем в центре Москвы омовцы. И хватали самых непокорных или просто зазевавшихся, забрасывали в «воронки» и увозили в ночь, в неизвестность. И загоняли оставшихся, как скот, в узенькие двери метро. И гнали потом по эскалаторам, потехи ради и для устрашения круша по пути плафоны. Дурачась, футболили друг другу

²⁷ Через пять дней весь мир увидит, чего стоят заверения министра и бывшего курьера «Красной звезды» Е. Агаповой, неизвестно за какие особые заслуги возведенной в должность помощника министра обороны.

потерянную кем-то шапку-«петушок». Демонстративно задевая плачущую у мраморной стены девушку с цветастым платком в опущенной руке. И пьяно свистя вслед заталкиваемым в вагоны электричек людям.

Дождь. Ночь. ОМОН. Свежая кровь около памятника жертвам революции 1905 года...

– Больно?

– Терпимо.

– Не ходи больше туда.

Андрей промолчал, лишь плечо дернулось от неосторожного движения Нины.

Танцовщица замерла, давая остыть боли, потом еще раз умело, прирожденно умело, прошлась пальчиками около синяка – развела боль из одной точки в разные стороны. Вместо люстры зажгла бра, приглушила звук телевизора. Словно хотела убрать лишнее, мешающее успокоиться.

Хотя, чтобы убрать это лишнее, надо вычеркнуть прожитый день. Стереть картину гонимой по улице толпы. Забыть стальной блеск мокрых касок. Взлетающие без усталости дубинки. Испуганно замершие фигуры в окнах близлежащих домов. Мелькнувшего среди омоновцев офицера, похожего на Мишку. Стоявшую на коленях женщину. В конце концов, синяки на плече и спине от демократизаторов, доставших его в тот миг, когда уводил женщину из-под ударов.

– Я прилягу рядом?

Не дожидаясь ответа, Нина сбросила халатик и стеснительно быстро юркнула в одних трусиках к нему под одеяло. Замерла, то ли согреваясь, то ли боясь потревожить, и только потом начала устраиваться поудобнее.

Затаившись, он отмечал, как прикасаются к нему ее колени, бедра. До щеки дотронулась мягкая, невесомая ладонь. Пальчики дошли до губ и замерли, ожидая ответа. Чуть повернув лицо, Андрей притронулся-поцеловал острые ноготки Нины, и она в знак благодарности и признательности прижалась к нему чуть сильнее.

– Как давно я мечтала об этом, – тихо призналась танцовщица, и он скорее додумал ее слова, чем расслышал их.

Он опять поцеловал ее ладонь, но мягкая, обнаженная рука поманила его губы дальше – к изгибу локтя, плечу, к упругому подъему груди. Помогая Андрею преодолеть сомнения и нерешительность, Нина приподняла плечико, высвобождая грудь из-под одеяла. Взгляд Тарасевича случайно упал на перевернутую комнатную тапочку с впившейся в подошву кнопкой, и этот житейский штрих неожиданно затмил, отодвинул прошлое танцовщицы, представил хозяйку квартиры усталой, земной, домашней женщиной. Как Зита...

Пронесшееся сравнение отбросило его обратно на подушку.

– Что с тобой? Больно? – встревоженно притихла Нина, мгновенно почувствовав перемену в его состоянии.

Больно ли ему? Горит не только спина, горит душа, память. Ушло практически все: Зита, дом, служба, исчезла Родина – СССР. Еще раньше его оставили родители. Дельцы мечтали сделать из него убийцу-гладиатора. Сегодня власть попыталась превратить в быдло. И не только одного его.

Всех, кто не согласен с нынешними руководителями. У людей – боль от всего происходящего, трагедия, надлом в душе, разрыв, а им ежеминутно с экрана телевизора лоснящиеся и улыбающиеся рожи советуют – наплюйте на все, разотрите и забудьте. Как мы.

А если я не хочу? Если не согласен с вами, самодовольными и пренебрежительными? Если у меня другие взгляды и иное мнение? Это для вас происходящее со страной – хиханьки да хаханьки. Державу ли развалить и обескровить, миллионы беженцев пустить по дорогам, разорвать семьи, предать и бросить своих граждан, не по своей вине вдруг оказавшихся за рубежом. Наплевать. Они строят новую Россию! Но тогда для кого? Для оставшихся в живых, то есть для себя? Остальные – красно-коричневые, быдло, или депутатско-бандитское отребье, которое надо спихнуть с дороги в кювет истории или отправить в загон. Лжедемократам по душе лишь такие же, как они сами – перевернувшиеся, перекрасившиеся, перекрестившиеся, словчившие, громче всех орущие и тыкающие пальцем в тех, кто не разделяет их взгляды и убеждения.оборотням среди оборотней не страшно и не стыдно.

Нина, подумавшая, что это она своим неосторожным движением отпугнула Андрея, лежала рядом виноватая и растерянная. Тарасевич сам прикоснулся к ней: ты ни в чем не виновата, не казись. Это просто жизнь накуролесила, намесила всякого, заставила даже рядом с женщиной думать

о политике. Или мысль всплыла неосознанно, подсознательно, оберегая его память о жене, не давая ей выйти на первый план? Ведь что-то общее, абстрактное любить или ненавидеть всегда легче, чем конкретное, имеющее свое имя. И неужели теперь он обречен вольно или невольно заглушать думы о жене? Как выжить и остаться честным? Кто поможет и спасет?

Танцовщица, как за минуту до этого он сам, тоже поцеловала сначала его пальцы, потом ладонь, руку, плечо.

– Я знаю, что тебе тяжело, – прошептала она около самого уха. – И готова сделать все, чтобы тебе хоть немного стало легче.

Андрей потерся щекой о плечо Нины. Ее ласка, заботливость, трепетная близость напряженного тела все же уводили из страшных событий сегодняшнего дня, побуждали к ответным ласкам. И он сдался, отогнав мысли о Зите. А когда на глаза снова попалась перевернутая тапочка, Андрей притянул к себе гибкое, задрожавшее женское тело...

– Как давно я мечтала об этом, – повторила Нина, когда одновременно взорвалась кипевшая в них энергия и они, успокаивая дыхание, затем обессиленно гладили друг друга подушечками пальцев.

– Наверное, нехорошо признаваться в этом, но я с первой встречи хотела, чтобы у нас так произошло, – задумчиво глядя на Андрея, созналась танцовщица. – Ты сразу выделился в «Стрельце», потому что не говорил о деньгах. А у нас все

говорили только о них. Я сопротивлялась своему желанию, пыталась не замечать тебя, грубила, но в мыслях сама шла к тебе. Я ненормальная? – спросила счастливо.

– Ненормальная, – улыбаясь, подтвердил Тарасевич. – Мне порой казалось, что твоя ненависть ко мне сильнее, чем у всей латвийской полиции, вместе взятой.

– А так, наверное, и было. Ненавидела, потому что знала, какая я... сама... в твоих глазах.

– Давай сегодня не будем ни о прошлом, ни о будущем.

Нина глубоко вздохнула, сознавая несбыточность пожелания и прижимаясь к Андрею...

Два часа назад, когда он позвонил к ней в дверь, а его долго, не узнавая, рассматривали в глазок, Андрей еще не знал, как отнесется к его полному пришествию танцовщица. Но Нина так торопливо завозилась с замком, так откровенно обрадованно бросилась ему на шею, что его сомнения испарились сами собой.

– Ты жив, – шептала Нина, счастливо, со слезами в глазах, глядя на него. – Господи, ты жив.

Не засмушалась ночного открытого халатика, не смутилась своего порыва нежности, словно до этого они были близки и теперь встретились после долгой разлуки.

Единственное, что откровенно поспешила сообщить – о своем сегодняшнем положении:

– А я ухожу из «Стрельца». Кот сказал: «Уходи».

Уходит – и нет постыдного прошлого. Хорошо.

– Но это – ерунда. Важно, что ты жив и здесь, – тут же загасила хозяйка вспыхнувшую в глазах Андрея неприятную искорку. – Ой, какой же ты мокрый и холодный. Теперь – слушать только меня. Все разговоры – потом, а сначала – в ванную. погоди, только уберу там свою женскую декорацию. Все, милости прошу.

Закрутила, раскомандовалась – легко, в охотку, чувствуя, что ее послушаются.

– Вот полотенце, мужской одежды на смену нет, взамен возьми простыню. Будешь банщиком...

Осеклась, вспомнив про настоящую баню. Сколько раз им еще осекаться, притираться друг к другу?! И нужно ли это?

Но она уже дипломатично переводила разговор на другое:

– А что ты любишь еще, кроме чая с тортом?

– Я купил торт, чтобы зайти к вам.

– А хочешь картошки жареной? – обрадованно улыбнулась Андрею Нина. – Я мигом. С капустой квашеной. Решено. А ты – под душ. Нет, погоди.

Задержала, на мгновение прижавшись к нему. словно не желая расставаться даже на те минуты, что их разлучает душ.

– Я быстро, – пообещал Андрей.

В глазах девушки зажглось и тут же прочиталось сумасшедшее предложение: возьми меня с собой.

– Я быстро, – отвернулся, не захотел понять Андрей. Но все равно не выдержала она до конца своего затворничества в квартире. Постучав, приоткрыла щелочку в двери:

– К тебе уже можно?

И сразу охнула, и прошла вся ее игривость, когда увидела спину Андрея.

– Где это?

– Белый дом, – коротко ответил Тарасевич,

– Ты... ты оттуда?

– А неужели я мог не быть там?

Нина бережно прижалась губами к его ссадинам:

– Ты мне расскажешь, как жил все эти недели, когда мы расстались? Все-все расскажешь?

– Кто-то обещал жареную картошку, – переменял тему Тарасевич, не желая давать никаких обещаний.

– Ой, горит, – бросилась к плите хозяйка.

Потом она сидела, смотрела, как он, не пережевывая, сметает со стола еду. Затем слушала его скупой, короткий рассказ, стараясь понять в паузах между словами недоговоренное. Слишком все у Андрея выходило просто: после расставания с Котом поехал в свой город, где тайно жил в опечатанной квартире. Услышав об Указе Ельцина, вернулся в Москву. Семь дней и ночей провел у костров, на площади перед Верховным Советом. Сегодня впервые помылся и поел вдоволь.

– Ты чего плачешь? – вдруг заметил он.

– Плачется.

– Наверное, потому, что не допила свою долю.

Нина покивала головой, повертела в руке ножку рюмки с

вином и молча выпила.

– Может, я чего-то недопонимаю, Андрюша, но, мне кажется, в Белом доме дерутся те, кто не поделил власть. Разошлись бы все – и ничего бы не было. Это я так думаю, прости, – заметив, как напрягся Андрей, поспешила закончить.

– Ты прямо как Президент: давайте сегодня нарушим немножко Конституцию, разгоним и пересаживаем неугодных, а уж завтра все станем честными, заживем по законам. Естественно, по тем, которые разрешу принять. Знаешь, – вдруг перешел с язвительно-поучительного тона на серьезный, – жизнь показывает, что любой путч, переворот длится три дня. Это и августовские события показали. Перевернул все за три дня – успел, нет – пойдет откат, люди начинают одумываться. Так что 24 сентября, через три дня после Указа, по их логике должна была быть уничтожена советская власть. А 25-го, заметь, 25-го Ростропович приезжает в Москву с национальным оркестром Америки давать грандиозный концерт на Красной площади! Случайность? У этих ребят ничего случайного не происходит. Это должен был быть концерт во славу Америки и в знак нашего окончательного падения. Но не вышло. Не уложился Ельцин и его приспешники в три дня. И Чайковского играли под стволами омовских автоматов. А сейчас Россия просыпается. Против Указа восстала вся Сибирь. И Кремль уже ничего не сделает с этим. Если только... если только в ближайшие дни не расстреляют Белый дом и не залиют кровью тех, кто пытается его охранять.

– Ты думаешь...

– Я вижу. Я вижу эти злобные и растерянные лица, я чувствую их животный страх. Вся предыдущая их деятельность подтверждает, что ради власти они пойдут на любую подлость. Но время работает против них. И когда его не останется, они начнут стрелять. Не по здравому смыслу или логике, а просто из страха.

– Хочешь еще немного выпить? – заметив, что у Андрея задрожали руки, предложила Нина.

– Не хочу. Хочу спать.

– У меня... у меня есть раскладушка. Но, если... диван широкий... Словом, смотри сам. Только подушку достану, – впервые за вечер засмушалась и растерялась Нина. И то, наверное, отчасти потому, что они только что говорили о слишком серьезных вещах, а тут приходится решать бытовые, комнатные.

– Не беспокойся, я и так доставил тебе хлопот, – на этот раз Андрей сам протянул руку и дотронулся до плеча Нины. – Костры затоптали, палатки сорвали и первый человек, о ком подумалось – ты. Впрочем, больше никого у меня и нет. Вот такой расклад. Извини. Хотя можно было, конечно, переночевать и на вокзале...

– Дурачок ты, – потрепала его волосы Нина и ушла в комнату доставать подушку.

И вот она сама отодвинула ее в сторону, лежит на руке Андрея и видно, как постепенно, умиротворенно закрыва-

ются ее глаза.

– Спи, – почувствовав, что Андрей смотрит на нее, но не имея сил приоткрыть веки, еле слышно, уже на пороге сна и яви, прошептала Нина.

Хотела еще что-то добавить, может, про то, что у них впереди теперь много времени, но сон уже сморил ее. Посмотрел на часы – четвертый час ночи. Дотянулся до бра над головой и выключил свет. Блаженно, стараясь не задевать спящую Нину, улегся.

В памяти мелькнули ночные костры у Белого дома, но вспоминать прошедшее сил уже не хватило...

3

Оно напомнило о себе самой беспардонной ложью утренних радионовостей. Все происшедшее вчера объявили попыткой коммуно-фашистов прорвать кольцо оцепления вокруг Белого дома, чтобы выпустить боевиков в мирный спящий город. Милиция вынуждена была принять адекватные меры против экстремистов. Оружие не применялось, пострадавших нет. ОМОН продолжает надежно охранять Москву от боевых формирований фашистского толка, засевших с оружием в ликвидированном волей народа и президентским Указом Верховном Совете. Все входы и выходы блокированы²⁸.

– Врут? – спросила Нина.

– Хуже собак. Все с ног на голову. И ни стыда, ни совести. – Андрей в сердцах отодвинул тарелку с едой. – Какие к черту прорывы, если там грузовики в три ряда.

– Не заводись. Ешь. А я сегодня весь день могу быть дома.

Сказала с тайной надеждой увести его мысли в сторону, оберечь от происходящего у Белого дома. Не выпустить из квартиры. Даже сделала тише звук в радиоприемнике, хотя оттуда уже лилась музыка.

²⁸ Чуть позже язык комментаторов сами демократы назовут «лагерным ивритом» – столько явного пренебрежения к русским людям, к их проблемам проявляли те, кому доверено было рассказывать о событиях в стране.

– Ой, совсем забыла, – поспешила в ванную. – Хотела же белье замочить.

Пока до Андрея дошло, какое белье она собирается стирать, его тельняшка, рубашка и носки уже плавали в тазу.

– Давай и брюки снимай, – делая невинные глазки, потребовала хозяйка. – Надо было еще вчера этим заняться, к утру бы и высохло.

Прислонившись к косяку, Тарасевич молча смотрел на сутящуюся танцовщицу. Та продолжала демонстрировать исключительную занятость и естественность своего желания, но долго выдержать своей роли под всепонимающим взглядом Андрея не смогла. Села на край ванны, опустила мокрые руки:

– Да, я не хочу, чтобы ты опять ходил туда. Я боюсь за тебя. И не хочу больше терять. Ну, что молчишь? Скажи что-нибудь!

Андрей, погладив ее, как маленькую шалуню, по голове, отодвинул в сторону. Сам прополоскал одежду, крепко отжал и повесил на горячий змеевик.

– Не ходи, – продолжала сопротивляться Нина.

– Ну как я пойду в мокрой одежде, – успокоил ее с улыбкой Андрей.

– И когда высохнет – не пойдешь?

– Когда высохнет, я тебя просто больше не пущу в ванну.

– Ты все шутишь, а я серьезно, – даже чуть обиделась Нина.

– Эй-эй, – поднял пальчиком ее подбородок Тарасевич. – Отставить эту ноту. Я же не драться туда хожу. Мне нужно там друга увидеть, Мишку.

– Тогда, – решительно выпрямилась Нина, – тогда и я с тобой.

– Что?

– Я пойду с тобой. А если не возьмешь – уйду одна.

Андрей захохотал – настолько нереально и неожиданно это прозвучало. Но постепенно смех пропал: танцовщица спокойно выдержала его реакцию, но решительной позы не изменила. Поняв, что здесь приказы не помогут, он тогда стал хватать лежавшие на стиральной машине, висевшие на крючках вещи Нины и бросать их в ванну. Решительно развязал пояс на ее халате, сдернул его и отправил туда же. Включил воду.

– Ты хотела стирать, – стараясь не смотреть на обнаженную девушку, сказал Андрей. Боясь, что мокрая одежда не остановит ее так же, как его самого, принялся уговаривать: – Понимаешь, там... там всякое может быть. Ты лучше подожди меня дома. Я вернусь.

– Мне холодно, – не слушая его, попросилась в объятия Нина. – Обними меня. Согрей.

Медленно, как будто впервые, как будто не было прошедшей ночи, прильнули друг к другу. И пропало время, исчезла политика, вместо холода – жар. И уже начинало обоим казаться, что не найдется той силы и той причины, которая

сможет разъединить их...

Но в том счастье и горе человеческое, что не могут люди только держаться за руки и отыскивать губами друг друга. И после ласк, счастливых изможденных улыбок первое, что все-таки сделал Андрей, проходя в ванную – проверил, как сохнет одежда.

– Все-все-все, – не дал он открыть рта Нине, заставшей его за этим занятием. – Действуем, как договорились.

– А как мы договорились? – насторожилась та.

– Ты ждешь меня вечером.

– Андрюшенька!..

– Я буду перезванивать через каждый час.

– Правда?

Добираясь после обеда к метро «Баррикадная», он неотрывно думал о Нине. Оба ни словом не обмолвились о работе в «Стрельце» и не заглядывали вперед дальше сегодняшнего вечера. Но как можно остаться только в настоящем, если прошлое и будущее уже сейчас готово обрушить лавину вопросов. И ответы, без сомнения, не все захочется услышать, особенно о прошлом Нины. Кот, без сомнения, порядочный человек, если выпихнул ее из той жизни, но ведь она была, та жизнь – с поездками к клиентам по заказу, с раздеваниями перед публикой. Как забыть это?

Но, что самое тяжелое, – постоянно наплывает образ Зиты. Раньше он сам звал его и удерживал в памяти как можно дольше. Теперь же невольно получалась так, что Зита меша-

ла, она как бы становилась третьей лишней. Боль, неуверенность, острота ощущений исходили, конечно, еще и оттого, что Нина стала первой женщиной, которую он обнял после жены. Может ли служить в этом случае оправданием то, что даже при ласках он ни разу не назвал Нину ни любимой, ни единственной? И уж тем более не признавался в любви. И не признается.

Но ведь сколько вдовцов и вдов, волей случая оставшихся одни, потом вновь обзаводятся семьями. И никто не считает это грехом или изменой. И хранится светлая память о том, кто ушел из жизни. Но для оставшихся-то она продолжается, черт бы ее побрал, такую жизнь...

Убеждал себя так Андрей, спасая свою душу от терзаний. И просил прощения у жены, и твердо решал, что к Нине он не вернется ни сегодня, ни завтра – никогда. И невольно спешил в переходах метро, бежал по эскалаторам, подсознательно чувствуя, что спасти от бесконечных и неразрешимых в конечном итоге дум его сможет только то, что происходит у Белого дома.

Сразу около входа в метро стояли желтые санитарные машины, однозначно предупреждая, что власти не только не собираются разрядить ситуацию, а и готовы к жертвам. Все прибывающий и прибывающий народ клубился тут же, на пятчке, и одного взгляда по сторонам оказалось достаточно, чтобы убедиться: да, врачи сегодня могут понадобиться.

Узкий проход к Белому дому около высотного здания, где

проходили все эти дни, оказался перегорожен машинами. Депутатов, которые ночевали дома, тоже не пускали в здание Верховного Совета, и они собирались на ступеньках «высотки». Люди стали подтягиваться к ним, и тогда милиция, снующая тут же, переключила светофор на постоянный зеленый свет. Машины пошли сплошным непрерывным потоком, не давая демонстрантам пройти к депутатам.

– Перекрываем дорогу, – раздалась чья-то команда.

Для толпы всегда важна команда. Дай ей клич – и она ринется даже туда, куда поодиночке никто никогда не осмелится пойти. Именно поэтому любая власть боится в первую очередь не толпы, а того, кто может в этой толпе сказать слово. Для народа это слово научились говорить депутаты, и Кремль пришел в ужас. Как же надо бояться собственного народа...

Осторожно выдавливаясь на улицу, затормозили, перекрыли движение. Тем водителям, которые недовольно засигналили, пообещали поколотить стекла, и они, сразу все поняв, начали разворачиваться. Нашлись охотники поруководить движением, и довольно умело это сделали, раскрутив в обратные стороны два упершихся в митинг встречных потока. Пропустили только «аварийку» да фургон «дальника» из Швеции, водитель которого в знак благодарности и поддержки дал длинный, приятный сигнал.

Победа! Хоть на миг, на этом участке, но – победа!

Но не для того сидели в машинах, перекрывших прохо-

ды, омовцы и бойцы дивизии имени Дзержинского, чтобы спокойно наблюдать за происходящим. Не для того курили в «санитарках» врачи, чтобы оставаться без дела.

Вначале на пустую, освободившуюся от машин улицу со стороны зоопарка выдвинулись водометы. Красно-лобастые, с направленными на собравшихся пушками-водометами, они, однако, замерли на безопасном удалении, словно ожидая подкрепления.

Перестав слушать ораторов, Андрей пробился в сторону Садового кольца и сразу же увидел эту подмогу: улицу тремя плотными рядами перекрывали омовцы. На этот раз их лица были закрыты масками, и это тоже указывало на верный признак того, что сегодня им официально разрешалось бить. Пытающихся подойти к ним женщин – а женщины, как успел заметить Андрей, казалось, не боялись ничего, – омовцы отгоняли от себя дубинками, не давая приблизиться и что-либо сказать.

В скверик у «высотки» все продолжали и продолжали подъезжать грузовики и автобусы с милицией. Неужели и Мишка здесь? Если вчера в омовской цепи действительно шел Багрянцев, то Андрей готов согласиться с тем, что он ничего не понимает в происходящем. Он перестает что-то соображать. То, что под маской прячет где-то здесь свое лицо Исполнитель – это закономерно, он уже робот, он машина. Но чтобы Мишка позволил превратить себя в убийцу, чтобы он запятнал свою офицерскую честь...

– Метро закрыли, – раздалось в толпе.

Но это, конечно же, не метро закрылось – а замкнулось кольцо окружения.

Просипев в последний раз, смолк мегафон депутатов, призывавших к сдержанности обе противостоящие стороны. Восьмой день они только и делают, что призывают не давать повода ОМОНу применить оружие. Кто бы призвал к этому же власть? А с паперти полетели вниз сбрасываемые красные флаги и транспаранты. Люди, почувствовав ловушку, заволновались, пятитысячное море заколыхалось от одного берега к другому, одинаково злобным и оскаленным. Андрея вынесло на пригорок, к парку, и сгрудившиеся там милиционеры на миг неожиданно расступились, давая возможность выскользнуть из кольца. Человек тридцать успело воспользоваться этим моментом, и среди них, затесавшись, вышел на свободу и Тарасевич: попадание в «воронку» без документов преподносило рижской охранке такой подарок, о котором та не могла и мечтать.

Теперь уже, как любопытных, вырвавшуюся группу отогнали к Садовому кольцу, за первое кольцо окружения. Там кипели свои страсти.

– Чего перекрыли-то? Нам в метро надо.

– Да, наверное, разбираются с защитничками Белого дома.

– А-а, тогда ладно, ради этого можно и потерпеть. Пойдем до «Смоленки» пешочком прогуляемся?

И два богообразных старичка, укрывшись под одним зонтом, пошли в сторону американского посольства.

– Звери вы, фашисты, – кричала на собравшихся под единственным красным флагом женщина из остановившейся ради этого крика машины.

– Фашисты бьют сейчас дубинками людей. А ты – проститутка, – мгновенно ответила ей одна из старушек.

Из-за чего конкретно у них возникла перепалка, Андрей не понял. Но то чувство озлобленности, бьющее через край у обеих из сторон, поразило даже его. И в который раз подивился близорукости и пренебрежению к собственному народу кремлевских правителей: неужели они не предвидели того, что могло произойти? Или ту часть народа, которая в силу своих убеждений не приняла развала страны и экономики, уже вычеркнули из будущего и не берут во внимание?

Два парня, отвернувшись от всех, устраивали на груди и спинах под куртками вырезанные из автомобильных покрышек круги. Почувствовав внимание Андрея, со знанием дела пояснили:

– Хорошо держат удары дубинок. Проверено.

Чуть дальше что-то рассказывал нервный, жадно затягивающийся сигаретой паренек. По первым же фразам Андрей понял, что он только что вышел из Белого дома, и протиснулся к нему поближе.

– Жратвы нет, соляра кончается, в сам Белый дом не пускают, боятся провокаций, – говорил он. – Командир так и

сказал: баста, давайте выходить. Меня омоновцы затащили в автобус, обыскали, спрашивают, что делаю здесь. Говорю, я художник, рисую для истории. «Сейчас проверим, какой ты художник. Давай, нарисуй для истории нас». Увидали, что в самом деле могу, пнули под зад и выпроводили сюда.

– Ничего, в Ленинграде уже захватили телевидение, моряки с Севера отряд послали, – успокоил кто-то.

– Не верю! – неожиданно взорвался парень и даже выбросил сигарету. – Ничему не поверю до тех пор, пока этот отряд не будет здесь и пока не заработает телевидение. Мы уже столько раз радовались всем этим слухам, а они так слухами и остались. Ни во что не верю²⁹. Вот если рижские омоновцы пришли – то они там.

– Что? – схватил парня за руку Андрей. – Что ты сказал о рижских омоновцах? Где они?

– Там, – с некоторым недоверием глянув на Андрея, ответил художник. Но, уловив в глазах собеседника искреннее нетерпение, выложил ему известное: – Чеслав Млынник с отрядом приехал из Абхазии и сейчас находится в Белом доме. Так что штурмом его теперь не возьмут. Эти ребята будут стоять до последнего.

Прекратился дождь, выглянуло солнце, рассеялись стальные цепи омоновцев – отряд в Москве, в Белом доме. Зна-

²⁹ Сообщение о моряках все же имело под собой основу. Старший лейтенант И. Остапенко вышел со своим подразделением в Москву. Около Ногинска отряд попал в засаду ОМОНа. Когда стало ясно, что прорваться не удастся, Остапенко застрелился.

чит, ему есть теперь куда идти. К ребятам!

– Туда как-то можно просочиться? – не отставал Тарасевич от парня, который вновь начал подозрительно смотреть на него.

– Не знаю.

Подъехал еще один автобус, его пропустили за первую цепь, и оттуда вышло человек тридцать крепких мужчин. Для них расступилась и вторая шеренга, и приехавшие быстро, пряча лица за поднятые воротники плащей и курток, заспешили в сторону метро.

– Провокаторы, – догадался кто-то. И тут же все разом закричали им вслед: – Провокаторы идут. Провокаторы!

Филеры ускорили шаг, солдаты в последней шеренге открыли им щель около стены дома, и те через нее просочились в волнующуюся толпу.

– Какой сволочизм. Уже и не стесняются.

– Зато завтра передадут, что митингующие пытались прорвать оцепление. Сами, гады, все подстраивают и раскручивают, а вешают на народ.

Еще минуту назад Тарасевич и сам бы негодовал от увиденного, но теперь его мысли были заняты иным: как попасть в Белый дом. К своим.

Хождения к Белому дому, вернее, к дальним подступам его, последующие дни ничего не дали. Сдерживало, не давало рисковать, лезть в какой-то степени на рожон то, что наиболее активных демонстрантов милиция просто-напросто выдергивала из толпы и заталкивала в «зековозки».

К тому же, то ли почудилось однажды, то ли было на самом деле, но вдруг среди общего галдежа, криков «Позор», «Руцкой – президент», «Лужкова – на мыло», прозвучала совсем рядом, словно выстрелы, латышская речь. Он не разобрал слов, он совсем забыл, что его продолжают искать. И то, что рижская охранка поняла, где нужно высматривать и вынюхивать омонцовцев, делало ей честь. Они не ошиблись в раскладе симпатий, они прибыли в нужное время и в точное место. Но как ослабла Россия, если в ее столице проводят свои операции спецслужбы теперь уже иностранного и, как все убедились, крайне враждебного государства.

Поэтому, если и был кто в бурлящем и негодующем поясе вокруг осажденного парламента более негодующим, так это Андрей Тарасевич. Но одновременно он являл собой и самую осторожность и предусмотрительность: береженого Бог бережет.

А Москва продолжала полниться слухами. То про Хасбулатова дикая нелепица, будто он ни много ни мало, а нарко-

ман, что у него закончился наркотик и теперь он корчится в страшных судорогах. То все почти уже видели подходящие к Москве воинские части, принявшие сторону Руцкого. Народ бросался к телевизорам, а там дикторши нагнетали страсти и только что сами не оглядывались по сторонам в ожидании «красно-коричневой» фашистской чумы³⁰. Зато от имени мифического народа умоляли Ельцина действовать более решительно.

Откровенно занервничали Запад и Америка: фарс затягивался, превращаясь в бедлам. Каждый прошедший день противостояния ослаблял позицию их любимчика Ельцина, выставляя напоказ его диктаторские замашки. «Да, он – сукин сын, но это наш сукин сын», – эта знаменитая фраза американского президента давно уже стала политическим принципом, которому США следовали долгие годы, поддерживая выгодные Америке режимы; но сколько можно саморазоблачаться? Слишком продолжительное время Борис Николаевич «засвечивался» на явно недемократических штучках – колючей проволоке, арестах, дубинках, манипуляциях с отключением воды и света. Быстрота и натиск, три дня на все про все – что вам еще неясно, господин Президент?

³⁰ Все тот же «лагерный иврит». Первым, кстати, о нем заговорил один из одиознейших демократов и друзей Ельцина, М. Полторанин, курировавший прессу. И то, что восставший народ 3 октября пошел штурмовать Останкино – это скорее от отчаяния и злости, от невозможности опровергнуть каждодневную ложь и навешивание ярлыков. В судебной практике есть понятие «провоцирование на насилие».

Зато вдруг высветилось для россиян совершенно отчетливо: Президента России поддерживают все, кто угодно, но только не собственный народ. Так однажды уже случилось с Горбачевым. Борису Николаевичу эти же самые теледикторши столько вещали о всенародной любви и безраздельной поддержке, столько рисовали и опросов проводили о неизменно высоком рейтинге «всенародно избранного», что он сам уверовал в их елейный щебет. Теперь же, на практике почувствовав полнейшее равнодушие к своей судьбе, не увидев этого самого «всенародного» народа под стенами Кремля, запаниковал.

Переоценили свою популярность и Руцкой с Хасбулатовым. И хотя их поддержало значительно больше народа, хотя на их стороне оставались закон и Конституция и с каждым днем все увеличивалось количество регионов, открыто поддерживающих Верховный Совет, все равно это еще не стало силой, способной окончательно переломить ход событий в их пользу. Зато все прекрасно понимали главное: проиграет тот, кто ошибется первым.

– Давай уедем на выходные куда-нибудь за город, – словно чувствуя скорую развязку, уговаривала Андрея Нина. – Или возьмем билеты в Питер, в Минск.

Уехать, зная, что Чеслав с ребятами в Белом доме? Как же наивны женщины в своем стремлении овладеть мужчиной целиком.

Нина правильно понимала его улыбку и беспокоилась еще

больше:

– А может...

Качал головой, еще не дослушав.

– А если...

Но все белые дома, ОМОН, дубинки, конвейер всевозможных Нининых «а может» пропали, когда утром третьего октября прозвучал телефонный звонок.

– Кого? – переспросила Нина в трубку, одновременно поворачивая испуганное лицо к Андрею. – А с чего это ты взял, что он у меня?

«Кто?» – взглядом спросил Тарасевич, мгновенно оказавшись рядом. Кто мог знать, что он у Нины?

– Кот, – прикрыв мембрану, сообщила побледневшая танцовщица.

Кот – это не так страшно. «Но откуда он знает?» – недоумевал Андрей, забирая у Нины трубку.

– Слушаю.

– Подойди осторожно к окну и посмотри: напротив дома, около овощного ларька, курят двое парней.

Голос майора звучал достаточно серьезно, и Тарасевич приблизился к окну, отодвинул штору. Начальник охраны оказался прав – курили.

– Я звоню с радиотелефона, двое таких же – у меня на хвосте. Это – киллеры.

– Кто? – не понял Андрей.

– Исполнители заказных убийств, – пояснил Кот. Слыши-

мость стала слабее, наверное, майор переместился в другое место, и Тарасевич буквально вдавил трубку в ухо, предостерегающе подняв палец перед шепчущей что-то рядом танцовщицей. – Нас с тобой приговорили к смерти. В бане в тот раз оказался микрофон. Алло, ты меня слышишь?

– Да, я все понял, – наконец-то все стало на свои места. – Предложения?

– Я своих уведу. Со своими сам справишься?

Андрей еще раз выглянул на улицу. Перво-наперво – не упускать парней из виду. Курят. Пока видишь их – хоть как-то контролируешь ситуацию. Но остается ведь Нина. Что станет с ней?

– А Нина? – переспросил о подуманном уже вслух, и хозяйка, ничего не понимая, тем не менее уже обреченно заморгала ресницами: да-да, что делать мне?

Майор ответил сразу, видимо, продумывал и этот вариант:

– На денек-другой на всякий случай пусть исчезнет. Хотя бояться ей нечего, она – не их уровень. Им нужны только мы с тобой.

– Ты далеко?

– Вижу тебя, так что отойди от окна.

– Где и когда? – имея в виду встречу, поинтересовался

Андрей.

– Сегодня на Смоленской площади митинг.

– Понял. Спасибо. Удачи.

– Они будут работать из-за угла, поэтому не показывайся им на глаза. Уходи по чердаку или как-то еще. До встречи.

– До встречи.

– Что? – с мольбой и страхом наконец-то смогла произвести кричащий в ней вопрос танцовщица, когда Андрей закончил разговор.

– Пока все в норме, – подмигнул ей Тарасевич и чуть отодвинул штору. Парни теперь лениво цедили баночное пиво, время от времени меняясь местами для наблюдения. А где же Кот? Впрочем, это неважно. Но вот точно ли их только двое? Не сидит ли такая же парочка с другой стороны дома? Не исключено – этот вариант нельзя сбрасывать со счетов. Но и предложение майора уходить незаметно – совершенно неприемлемо. Наоборот, он должен показать всем, кто следит за ним, что уходит из дома Нины, что его здесь больше не будет. Только в этом случае есть надежда, что они отстанут от нее.

– Ну что? – забытая Нина кожей почувствовала это одиночество и затеребила Андрея уже за руку.

Что-то скрывать в такой ситуации было просто непорочно и непростительно, и хотя и без тревожных ноток в голосе, но Тарасевич пересказал ей разговор с майором.

– Так что тебе в самом деле лучше взять куда-нибудь билет на пару деньков.

– Я одна никуда не поеду. Я боюсь, – сразу и честно призналась Нина.

– Было бы чего, – махнул на ее страхи рукой Тарасевич. – Если хочешь, могу пообещать упрятать их за решетку на твоих же глазах. Тогда успокоишься?

– Ну-у...

– Значит, решили. Как только на улице все закончится, уходишь сама. Поживи у матери. Я разыщу тебя у нее.

Умом понимая необходимость именно такого решения, хозяйка тем не менее вцепилась в него, боясь более всего остаться одной даже на мгновение. Однако тянуть время, выпускать ситуацию из-под контроля, заставлять киллеров форсировать события было крайне нежелательно, и Андрей напомнил:

– Пора. Быстрее начнем – раньше закончим.

– Но я ведь не только за себя боюсь, но и за тебя.

– Пусть лучше боятся они, – кивнул Тарасевич на окно. – И нас.

– Они ничего не боятся.

– Э-э, не скажи. Жизнь – она одна. Так что им есть что терять.

– А тебе? – насторожилась и испугалась еще больше Ни-на. – Тебе самому... жизнь не дорога?

– Я обещаю, что вернусь, – подвел черту Андрей. – А я имею привычку выполнять то, что обещаю.

Прощались длинным, крепким поцелуем. Каждый собрался сказать еще что-то на прощанье, и получилось так, что говорить начали одновременно, и одновременно замол-

чали, давая друг другу возможность высказаться первым. Грустно улыбнулись невольной неразберихе.

– Извини, я даже не предполагал, что может произойти нечто подобное и ты будешь из-за меня втянута в эти дела, – прошептал Андрей. – Хотя должен был знать. Прости.

– Нет-нет, молчи, – остановила его Нина. – Я ни о чем не жалею. Слышишь, ни о чем. Я ведь впервые с тобой узнала, что такое женское счастье: А это перекрывает все. Найди меня потом, после. Умоляю, найди.

– Что значит – «найди». Я просто пойду прогуляюсь и... и вернусь.

Сказал и осекся. Вернется ли он? Нужно ли? Если бы послушал голоса разума, не стал бы возвращаться после первой ночи. И даже первого раза бы не было. Нет же, не смог справиться со своими чувствами. Хотя... хотя были ли чувства? Не пригнали ли его к дверям Нининой квартиры обыкновенная банальная безысходность, холод, желание хоть где то прислонить голову? Трудно поверить, что и Нина испытывает к нему нечто большее, чем просто женское влечение. Какие между ними могут быть отношения, кроме желания скрасить одиночество друг друга?

А это скорее житейский расчет. Пусть неосознанный, подсознательный, но расчет иметь рядом опору. И отнюдь не душа и не сердце между ними. Разве не так? И хуже всего, что из-за него Нина оказалась в перекрестье внимания киллеров, или как там их еще. Он должен отвести от нее опасность.

Нина замерла в ожидании. Потом вдруг призналась с неожиданным порывом:

– Я люблю тебя. Господи, как я тебя люблю.

– Подожди, давай разберемся: меня или этого самого Господа? – постарался перевести все на шуточный лад Андрей, чтобы облегчить момент расставания и притупить у танцовщицы неизбежную тревогу.

– Да ну тебя!

– Да ну меня к тебе, – согласится Тарасевич и, теперь уже в последний раз поцеловав ее, вышел из квартиры.

Из подъезда появился, нарочито громко стукнув входной дверью. Постоял, словно прикидывая, в какую сторону идти. Пусть любители пива сосредоточатся и успокоятся. Да, они замерли – это хорошо. Народу немного – тоже на руку. Ну, а теперь – вперед!

Андрей пошел именно вперед, прямо на киллеров. Те даже немного стусеивались, схватились за наверняка уже пустые банки, запрокинули головы, высасывая последние капли. Пиво – оно полезное. Пейте пиво, пейте сок, ну а лучше уж – квасок. Только не будем взаимно нервными, давайте-ка все успокоимся. Когда противник нервный – это очень несподручно. Это непрогнозируемо, а значит, опасно.

Тарасевич заглянул в палатку, вроде бы даже достал бумажник и запрокинул голову, прикидывая что-то в уме. Нина стояла у окна, смотрела на него. Придется брать ребятшек прямо здесь, на глазах у публики. Не хотелось бы, но

ради спокойствия Нины...

Нет, ничего из овощей и фруктов покупать он не станет, перейдет к табачному киоску.

– Пачку сигарет.

Никогда в жизни не курил, и чуть не попался тут же на совершенно пустячном вопросе:

– Вам каких?

А черт его знает. Не глядя, ткнул пальцем в первую пачку.

– Еще сто рублей, – продолжала «выводить» его на чистую воду продавщица. – Что это вы, по новым ценам не хотите жить? Уже неделю, как прибавилось.

А он и по старым не жил. Просто сигарета – предлог, чтобы подойти к киллерам. Это всего-навсего один из приемов русского стиля, приспособленный под наше дурное бандитское время.

Предугадывая его желание, «хвост» переместился вперед, и Андрей не стал их разочаровывать, направившись в ту же, противоположную от автобусной остановки, сторону. Открыл пачку, взял одну сигарету в рот.

– Эй, парни, спичек не найдется?

Киллеры опять чуть стушевались: видимо, и в самом деле не ожидали второй раз за какие-то мгновения встретиться со своей жертвой глаза в глаза. Такая случайность должна была насторожить, заставить задуматься, но времени на размышления Андрей им не дал.

– Прикурить разрешите? – держа в руке сигарету, подо-

шел он к ним.

Тот, что погрузнее комплекцией, полез в карман. Но Тарасевич не сомневался, что вытащит он все же зажигалку, а не нож или пистолет. Убийцы уязвимы тем, что действуют четко по отработанному плану и перестроиться на новое им всегда сложнее.

– Прошу, – Андрею поднесли ровный огонек зажигалки.

Главное сейчас – раскурить сигарету и собраться, сконцентрироваться. Все теперь, ребята, извините, но вы сами напросились на неприятности.

Огненный край сигареты Андрей ткнул прямо в глаз противнику. И, больше ни мгновением не отвлекаясь на него, заоравшего от боли, без размаха, тычком врезал ногой в живот стоявшему рядом напарнику. Ну, а на прощание – главный козырь: выбросив руки, сбил с ног ударом энергии корчившихся, пытающихся дотянуться до оружия врагов. Вот теперь – все.

Наклонившись, ощупал карманы киллеров. Не ошибся – у каждого по пистолету. Это прекрасно для милиции. Какой-нибудь сержант получит благодарность. А эти двое, по крайней мере хоть на какой-то срок, но будут изолированы. Теперь нужно делать «отрыв» на тот случай, если они были все-таки не одни.

Повернулся к замершим у киосков редким зрителям.

– Долги надо платить, – чтобы не пугались, свел он для них весь инцидент к дежурной, банальной разборке коопера-

торов. В этом случае никто никуда, во всяком случае сразу, бежать и звонить не станет. И специально запоминать приемы не будет. А ему нужно уехать отсюда подальше. Но о главном все-таки не забыл и попросил: – Им все-таки худо, вызовите милицию и «скорую».

Дождавшись, когда с опаской, но все же один из старичков зайдет в телефонную будку, Андрей помахал – для Нины – рукой над головой и побежал к подъезжающему автобусу. И уже с задней площадки какое-то время наблюдал, как пытаются подняться при помощи сердобольных старушек его враги, его несостоявшиеся убийцы. Нет, ребята, бесполезная затея. В этом случае необходимо уколоть пальцы или уши, но ведь это надо знать и уметь делать. А так минимум минут двадцать придется еще поелозить по грязи, ничего не сообщая. Но это полезно. И даже для нашей неторопливой милиции хватит времени, чтобы подъехать.

Как ни велика была масса митингующих на Смоленской площади, Кота он отыскал практически сразу. Встречаться в таких случаях, как прикинул Андрей, нужно не в стычках, уже завязывающихся между омовцами и демонстрантами, и не около строящихся баррикад и горящих, чадающих на всю округу автомобильных покрышек. Надо подыскать место повыше и побезлюднее, чтобы спокойно осмотреться.

Видимо, майор думал точно так же, потому что влезли они чуть ли не на одну строительную будку напротив гастронома «Смоленский». И один, и другой, не определившись, как вести себя при встрече, пожали плечами: мол, такие дела. Протянули руки. Но рукопожатие вышло крепким, словно в него как раз и вложились непроявленные внешне эмоции и внутренняя благодарность.

– Твой «хвост» где? – первым делом поинтересовался Кот.

– Обрубил. Вернее, вырубил, – не стал вдаваться в подробности Андрей. – А твой?

– Просто оторвался. Может, где-то даже и здесь.

– Тогда нечего светиться.

Спрыгнули в толпу – волнующуюся, с каждым вздохом набирающую силу и отчаянность. В нескольких местах раздались выстрелы, но они показались такими жалкими и беспомощными среди огромного людского моря, что на них по-

просту не обратили внимания. Больше впечатление производил грохот отрываемого от строительных заборов листового железа. Тут же катили бочки и трубы – строились баррикады. Все увеличивающиеся клубы черного дыма окутывали строгий шпиль МИДа.

– Спасибо за Нину, – сумел наконец выразить признательность бывшему начальнику Андрей. О Нине подумалось с тревогой: где она и как там с ней.

– Пустяки.

Однако чувствовалось, что благодарность приятна майору: он сдержанно улыбнулся, аккуратно поправил галстук, элегантно подзастегнул кожаную куртку. Даже здесь, в суете, только что, выйдя из-под контроля убийц, он ухитрился выглядеть эффектно и элегантно.

– Хотя, если честно, мне не совсем понятны мотивы твоего поведения, – признался Тарасевич. – Извини, но это можно было ожидать скорее от Сереги, чем от тебя. Такой мне виделась ситуация в «Стрельце».

– Но я тоже не все время работал с мафией. Когда-то и я был простым советским майором. А Серега... Серега как раз и навел на тебя киллеров. За очень крупную сумму, но тем не менее.

Андрей недоверчиво глянул на Кота: это серьезно. А потом смутился: выходит, он совершенно не разбирается в людях и даже имеет наглость признаваться, что не может поверить в благородство Кота.

– Наши планы? – отрезая прошлое и подчеркивая свою готовность действовать по планам майора, поинтересовался Тарасевич. А сам непроизвольно посмотрел на людское море, прорвавшее хилую заправу из милиции и теперь растекавшееся в направлении Белого дома. А там – отряд...

Но Кот, похоже, не спешил вливаться в общий победный поток. Наоборот, стал выбираться в конец шествия.

– Там и без нас справятся, – уловив желание Андрея идти вместе со всеми, дал понять об ином. – Есть момент, о котором не знает ни один человек здесь, на площади, но который может касаться каждого. И его желательно, конечно, пресечь. Заодно это будет «приятным сюрпризом» для тех, кто дал команду убрать нас.

– Я готов, – даже не спрашивая, что придется делать и тем самым высказав свою признательность за все, что Кот успел сделать для него, произнес Тарасевич.

– Сюда выехали две группы забора.

Андрей словно споткнулся:

– Какие группы?

– Забора. Экипажи «скорой помощи», которые забирают убитых и раненых с мест происшествий и аварий. Это наши группы. Помнишь, ты обратил внимание на «скорую» у ворот «Стрельца»? Это они. А вчера из Италии пришел большой заказ на почки, роговицы глаз, жировую клетчатку и слуховую косточку. Почувствовали, гады, что можно поживиться на нашей русской ошибке, – кивнул Кот на демон-

страцию.

– Мы... мы это возили в «Европу»? – с малой толикой надежды получить отрицательный ответ, спросил Андрей. Теперь по-иному выглядели происходившие в Москве события: значит, они кому-то нужны, выгодны. Однако перекрыло личностное: и я в этом участвовал!

– Да, мы возили в Европу, и без всяких кавычек, именно это, – подтвердил Кот. – И сейчас возят. И все в большем количестве. Можно утверждать, что дело поставлено на поток. И шифр, который ты увидел на таможне – как раз обозначение человеческих органов.

– Но это же преступление!

– К сожалению, нет. Договоры, лицензии – все подписано и заверено.

– Кем?

– У нас пока одно правительство. Правда, и тысячи прихлебателей при нем.

– Не укладывается в голове.

– Уложилось бы, если бы в тот раз вышел на гладиаторский бой и проиграл Исполнителю. А именно так и замышлялось. Теперь же его почки перегоняют мочу какому-то бизнесмену в Израиле.

Андрей представил черноволосого капитана милиции, которого, грешным делом, высматривал среди омоновцев...

– А кладбище?

– Создана группа так называемого милосердия, которая

держит на учете множество одиноких, престарелых и пьяниц. И соответственно их обрабатывает. Каждый, кто попал на кладбище, – это те, кто давал, в конечном счете, разрешение использовать свое тело после смерти для медицинских целей.

– А сегодня почему они здесь?

– Сегодняшние события – просто еще один канал получения человеческих органов. «Скорая» увозит пострадавших в морг, там, как и положено, производится вскрытие. И возвращают труп. Но уже пустой.

Пробивалось сквозь тучи и клубы дыма солнце, люди билась с людьми каждый за свою идею, а тут... Кто-то упадет с проломленным черепом, и конец всей политике. Потому что есть группы забора. Потому что есть правительство, которое разрешило дельцам поставить это дело на поток, конвейер. А что, если и Зиту... Нет-нет, Зита умерла далеко от Москвы. Господи, какое же это счастье – умереть вдали от Москвы, этого политического и нравственного гадюшника.

– Но надо же... надо что-то делать. Кому-то сообщить!

– Кому? – усмехнулся Кот и кивнул на автобус, набитый перепуганными милиционерами, сбежавшими с площади под натиском толпы. – Им? Ты же видишь, что они за деньги друг друга разберут на части, не то что постороннего.

– Ну, не все же, – вспомнив о Мишке, возразил Андрей. – Да и я когда-то был простым советским омовцем.

– После советских времен столько всего поменялось, что

сравнивать нас и их – все равно что сравнивать две эпохи. Не согласен?

– Мне да не быть согласным? – удивился Тарасевич самой постановке вопроса. – Что мы можем сделать?

– Пока не знаю. Знаю, что нужно хотя бы на сегодня вывести эти группы из игры. То есть первым делом отыскать их машины.

– Эти? – указал Андрей на первые увиденные «санитарки». Майор сверил номера, отрицательно помотал головой.

– Вон еще виднеются, пойдем, – загорелся поиском Тарасевич. К тому же, чем быстрее они найдут машины, тем скорее смогут уйти к Белому дому.

Но оказалось, что друг друга им найти было легче, чем «скорые» с нужными номерами.

– Не-ет, они где то здесь, они отсюда не уедут, – твердил Кот. – Здесь их доллары, их нажива. Ведь кружат, как вороны, где-то рядом, выжидают. Идем за колонной.

И тут же, одновременно, увидели «санитарку», выехавшую из какого-то проулочка и пристроившуюся за демонстрантами. По тому, как напрягся Кот, стало ясно: она.

– Есть первая, – подтвердил майор.

Но только одновременно с этим стало ясно, что убрать на глазах у такого скопища народа машину будет далеко не просто. И даже небезопасно. Одно неосторожное слово, движение – и сами врачи объявят тебя «ельциноидом», затесавшимся среди красных флагов для провокаций. А потом хоть

божись, хоть вяжись, хоть рви тельняшку на груди – разбираться не станут, в толпе судей нет, в ней только прокуроры и палачи. Андрей на себе почувствовал возбуждение августа 91-го года, когда только за одну попытку возразить что-то против Ельцина в него вцепились десятки рук, готовых растерзать. Сегодня на улицы вышли совершенно иные люди, ситуация с Белым домом, как в хорошем боевике, изменилась с точностью до наоборот, но нравы толпы остались прежние: долой всех ненавистных, а разбираться станем потом.

Поэтому ничего не представлялось разумнее, как идти следом за «санитаркой», выжидающей свою добычу. И выжидать самим. Единственное, что устраивало Тарасевича – такая тактика с каждым шагом приближала его к отряду, к ребятам. Вроде нехорошо было искать свою личную выгоду в происходящем, но то был не самый большой грех. Но как все-таки взять «санитарку»?

И тут, перешагивая очередной завал на дороге, Андрей вдруг замер, затем поднял утыканную гвоздями доску и показал майору:

– А?

– Пойдет, – сразу сообразил тот и тоже нырнул в мусор за добычей.

Когда отыскалась и вторая подходящая дощечка, довольно улыбнулись оба. Воистину: все гениальное – просто. За чем делать кульбиты там, где возможны легкие па. Две до-

щечки под два колеса – и машина на приколе. По крайней мере, пока не заменят скаты. А запасных обычно – одно. На первое время сойдет, а дальше видно будет.

Приблизились к машине вплотную, пряча «ежей» под куртками. Теперь надлежало выждать удобный момент, и для этого скорее всего подходил Арбатский мост, под который мощно втягивалось краснофлаговое шествие. В августе 91-го именно под ним молодчики с зажигательными бутылками и камнями напали на солдатскую колонну, получив за свой «подвиг» звания Героев Советского Союза из рук разрушителей Советского Союза. А сегодня героев не нужно, сегодня желательно вообще обойтись без малейшего шума. Как поется, или теперь уже как пелось в ненавистной демократам песне: «Жила бы страна родная, и нету других забот». А ведь в самом деле пелось и делалось именно так...

Под мостом, несмотря на гирлянду желтых фонарей, было достаточно темно, и Кот кивнул: начинаем. Разъединились, и когда из-за едких выхлопных газов люди отошли от «санитарки», разом присели и тут же стремительно ушли вперед, в толпу.

На подъеме оглянулись: «скорая» с распахнутыми дверцами стояла внизу, вокруг нее начали собираться любопытные. Значит, сработало.

Но все-таки в самом деле есть она, тяга к месту преступления. И хотя ни Кот, ни Андрей себя таковыми и не помышляли считать, хотя им просто нельзя было упускать из виду

«наживку», хотелось все-таки и посмотреть, как реагируют на случившееся врачи.

Выйдя из-под моста, повернувшись обратно и вновь вдоль желтых фонарей спустились вниз, к замершей машине.

– Нет, это точно бейтаровцы подстроили, их почерк, – со знанием дела уверял собравшихся седовласый старичок в берете.

– Поймать и за яйца на этом мосту подвесить, – не выбирая выражений, подал идею немолодой работяга. Оглянувшись по сторонам, готовый приступить к исполнению своего же приговора над теми, на кого укажут.

Кот и Андрей переглянулись, и хоть на шаг, но все же отступили: перспектива вырисовывалась не совсем радужная. Да и маячить лишний раз на глазах не стоило.

Водитель и оба врача возились с запаской, и Кот, сжав Андрею локоть – прикрывай! – стал протискиваться к кабине. Тарасевич зашел вперед, отмечая, что творится у майора за спиной. Чуть кивнул ожидающему сигнала Коту: чисто, никто не смотрит. Тот заглянул в кабину, быстро просунул руку и, словно обжегшись, выдернул обратно. Но – с ключами зажигания. И снова, повертевшись для приличия несколько мгновений, пошел наверх.

Пока Андрей размышлял, идти ему следом или все-таки побыть рядом с машиной, в кабину за чемто заглянул водитель и сразу же профессионально отметил отсутствие

ключей.

– Ключи, – крикнул он своим напарникам, и те вмиг оказались рядом. – Они где-то здесь. Только что украли ключи, – громко, теперь уже для собравшихся, сообщил шофер.

Теперь вообще один неосторожный шаг означал вышеупомянутое подвешивание, и Андрей вместе со всеми принялся поносить бейтаровцев, благо они этого заслуживали:

– Разэтак их. А вокруг машины цепочку, надо цепочку организовать.

Однако кому охота привязывать себя к одному месту, когда колонна неумолимо, сокрушая преграды, идет к главным событиям. Но все равно охранников Андрей поднасобирал и, взяв на себя командование, подошел к врачам. Скорбно, но вынужденно похлопал по фургону:

– Там у вас кто-нибудь есть? Может, перегрузить в другую машину?

– Уже вызвали, едет, – не особо любезно откликнулись собеседники.

Ага, значит, скоро сюда прибудет и вторая группа. Как же накрыть их вместе? Теперь они станут осторожничать, как хорь на подворье. Уже и эти, обесколесенные, тревожно переглядываются между собой и стараются не ввязываться в лишние разговоры. Чем заставляют редеть и без того жидкую цепочку охраны: соучастие проявляется охотнее, когда в ответ чувствуешь признательность и благодарность. А раз нет, да еще нос воротят – то и крутитесь сами.

Руководство «обороной» тоже начинало выглядеть неуместно, и тогда, оставшись практически один, Андрей поднял отброшенную в сторону доску, повертел ее, потихоньку приближаясь к передним колесам. Экипаж «скорой» высматривал подмогу, уже не веря, что злоумышленник и в третий раз осмелится посягнуть на машину. И Андрей впервые ощутил, как права пословица насчет наглости и второго счастья. Подставив «ежа» к шине, нажал на его деревянную спину ногой. Гвоздь спружинил, но спружинил обессиленно, уже проникая в резиновое тело ржавым жалом.

И Кот, какой умница Кот! Будто всю жизнь только тем и занимался, что выводит из строя машины – он вновь, уже в третий раз шел от Смоленки, привлекая к себе внимание:

– Что случилось, ребята? Чем пособить, помочь?

Андрей же, не оглядываясь, уступая ему место диверсии, поспешил наверх. И уже там дождался майора.

– Ну, чем помог?

– Да кто-то проткнул и переднее колесо, – удовлетворенно сообщил тот. – Бесятся. Успокаивал.

– Получилось?

– Послали к черту.

– А мне сообщили, что вызвали второй экипаж, – погордился большей информированностью Тарасевич.

– Та-ак, это становится интереснее. Что еще можем предпринять? – Глаза Кота азартно загорелись, хотя и читалось в них: а в самом деле, что предпринять? Первый тайм отыг-

рали, во втором рисунок игры должен быть кардинально изменен, если сделана ставка на выигрыш. Или достаточно одного периода? В сегодняшней игре нет правил...

– Да если уж начали одно крутить, надо бы вроде и закончить, – не совсем уверенно, сам, колеблясь, но тем не менее предложил выйти на второй тайм Андрей.

Кот тоже, словно ища ответ или надеясь на подсказку, огляделся по сторонам. Но кто подскажет? Кто остановится в общем потоке ради одного человека? Господи, прокляни того, кто заставил нас ходить толпой...

Сомнения разрешила сирена – к мосту спешила вторая машина. И вновь выяснилось, что никакого плана по ее блокировке нет. Пока они просто спешили, огибали мост, перерезая обратную дорогу «скорой», интуитивно надеясь что-то придумать по пути.

Видимо, годы постоянного риска и напряжения и в самом деле вырабатывают в человеке что-то такое, что заставляет прыгнуть выше себя и вместо вопросительных знаков в, казалось бы, безвыходном положении поставить хотя бы многоточие. Вроде и бежишь пока просто по инерции, ради того, что нужно бежать, а уже и в этом подспудно заложен смысл, и потом оказывается, что это именно то направление, которое приближает к цели. Интуиция заставит мозг увидеть и вспомнить именно то, что превращает найденное многоточие теперь уже в восклицательный знак.

– На площади, у МИДа, полно побитых машин. Может,

какую-нибудь удастся завести? – Андрею хватило одного взгляда на все еще коптящую Смоленку, чтобы тут же сложился план.

– Вполне симпатичный вариант, – поддержал майор. Но, привыкший все делать с гарантией и качеством, решил подстраховаться: – Ты – туда, а я, на всякий случай, к ним. Сбор у Белого дома, – назначил он место встречи.

На усеянной булыжниками, арматурой, битым стеклом, догорающими покрышками Смоленской площади и вокруг нее стояло с десятков обгоревших и покореженных, никому пока не нужных машин. Андрей заглянул в кабину каждой, и только в одном из грузовиков, забрызганном кровью, оказался ключ зажигания.

Стараясь не испачкаться в свежей, еще не высохшей крови, Андрей занял место несчастного водителя. «ЗИЛ» со второго раза, но завелся, и внимание полностью переключилось через разбитое лобовое стекло на дорогу. Благо, на грузовик никто не обращал внимания: в этот день в Москве, кажется, вообще никто ничему не удивлялся – заводи какую хочешь и езжай куда хочешь.

А Андрею и нужно-то было всего ничего: подставить и так уже пострадавшую машину под удар «санитарки». Мелочь. Столько аварий ежеминутно происходит на дорогах непреднамеренно, неужели эта, специально подготовленная, не получится? Только быстрее бы появлялась «санитарка», пока вокруг полная неразбериха.

Долго ждать не пришлось: сине-красный маячок засверкал через несколько минут. Андрей включил заднюю скорость, и, подгазовывая, удерживал «ЗИЛ» на месте лишь сцеплением. Народ на дороге, хотя и расступается перед «скорой», но не дает ей развить достаточную скорость. Это и хорошо – сами врачи наверняка не пострадают от удара, но одновременно и опасно – могут успеть затормозить. Что совершенно не желательно. Для полной гарантии и качества, как говорит Кот, в таком раскладе лучше не подставляться, а самому поцеловать курносый носик «рафика». Аккуратненько, но всмяточку. Ну, где наша и сколько раз не пропадала! Полный вперед.

Выжав газ и сбросив сцепление, Тарасевич бросил грузовик под колеса «скорой». Сам момент аварии он не увидел, ее прикрыл борт, но удар ощутился достаточно сильный. Это означало успех, и Андрей через вторую, заранее открытую дверь выбросил свое тело из кабины.

И вновь во благо сработало правило: в большой драке малая кровь не видна. Для окружающих столкновение стало просто еще одним, но далеко не главным и не зрелищным, эпизодом. Несколько человек, скорее всего автомобилисты, стали оценивать саму аварию да помогать открывать врачам заклинившие дверцы. Про водителя «ЗИЛа» никто пока не вспоминал – в такой ситуации абсолютно виноватых, как правило, не бывает, все списывается на обстоятельства. Да и само собой подразумевалось, что он вот-вот сам подойдет

и объяснится.

Но Андрей, прикрываясь грузовиком, спокойно перешел на тротуар и нырнул в улочку, убегающую к набережной.

6

Отказавшись от завтрака, Мишка лежал на диване и бесцельно глядел в потолок. Рая, как при больном, старалась не шуметь. Ни о чем не говорилось: что пережевывать известное и неприятное.

Зато бесцеремонно в тишину ворвался телефонный звонок.

– Меня нет, – успел предупредить Мишка, прежде чем жена сняла трубку. – Пошел сдавать бутылки. В Калугу.

Присказку про Калугу и бутылки они в отряде придумали сами, когда по вызову долго не могли найти того или иного офицера.

– Его нет, – тихо повторила в трубку Рая. – Ой, вы знаете, поехал по магазинам... Хорошо, я передам. Да, сразу, как только вернется.

– Что? – поинтересовался Мишка, прекрасно догадываясь о содержании разговора.

– Опять вызывают.

Багрянцев рывком сел, обхватил голову руками. Вызывают – это значит опять под плевки и проклятия москвичей. Это вновь прятать свое лицо, брать в руки дубинку. Прятать в карманах «черемуху». Это спасти тот режим, который не единожды переехал его самого, не говоря уже о Тарасевиче, «Белом медведе» или идеях, которым они все вместе служи-

ли. Как же надо пасть, чтобы защищать то, что ненавидишь и считаешь преступным?

Обвел взглядом квартиру, потом прошел в коридор, к вешалке. Снял китель, дотронулся до погон. Зная, что произойдет в следующую минуту, еще имея возможность распоряжаться своей судьбой, поулыбался этому своему всесильному могуществу, но сделал то, что наметил – одним рывком оторвал их от формы. Бодрясь, улыбнулся замершей со сжатыми на груди руками жене:

– Все. Я хочу уважать себя сам. Я хочу, чтобы меня уважала ты. Я не допущу, чтобы однажды в будущем меня начал презирать наш ребенок. Где мусорное ведро? Там им сегодня самое место.

Блеснув звездочками, погоны полетели в картофельные очистки.

– «В связи с несогласием с Указом Президента номер 1400 прошу уволить меня из органов внутренних дел». Это будет мой рапорт.

– Миша!

Багрянцев подошел к Рае, снял ее очки и поцеловал сначала глаза, потом свои любимые звездочки на груди. Погладил по волосам.

– Не пропадем, – прошептал и для нее, и для себя. – Они хотят нас замарать, повязать кровью. Не получится. По крайней мере, со мной. Есть голова на плечах, руки вроде не отбили – проживем и без их подачек. Как, проживем?

Рая не дала отстраниться, наоборот, вцепилась в него, и Мишка понял, что она плачет.

– Ничего, – поубавил он бравый тон. – Ничего, Раенька. Так честнее и, как бы то ни было, спокойнее. Лучше дай послушать Андрюху. Не буянит?

Став на колени, приложил ухо к животу жены.

– Рано еще, – успокоила Рая, но тем не менее задержала у своих ног мужа. А мысли все равно вертелись вокруг будущего. – А как начальство на это отреагирует? Вдруг начнет таскать?

– Я же не первый, Раенька, – посмотрел снизу Мишка. – Знаешь, сколько народа уже ушло? Кто сразу рапорты написал, кто в первый же день переворота как ушел сдавать бутылки в Калугу, так до сих пор и не вернулся – лишь бы не участвовать в том позорище, что устроили в центре Москвы. А вчера... вчера я опять видел Андрея. И опять вынужден был прятаться за спины своих солдат. И опять в нас плевали, и правильно делали. Я бы сам плевал. И опять называли фашистами – это меня, чей отец брал Берлин в восемнадцать лет. Но правильно называли. Мечтаю назвать сына именем друга, а его буду – дубинкой?..

– Успокойся, Мишенька. Ради Бога, успокойся, – хотела приподнять мужа с колен Рая, но теперь уже Мишка сам остался внизу. Сел на пол, застучал кулаком по паркету:

– Но какие же мы сволочи! Какие сволочи наши генералы! Если бы хоть один встал и оказал «нет» – за ним бы ушла

половина милиции. Почему у нас нет того, кто осмелился бы встать и повести за собой? Почему они держатся за свои кресла? Думают, что если пригнутся, то буря пронесется мимо? А совесть? Зато ты, – Мишка наконец встал, в упор посмотрел в глаза жене, – ты гордись мной. Не жалея и не бойся. Гордись.

– Я всегда тобой гордилась. Я люблю тебя.

И вновь между ними встрял телефонный звонок. На этот раз Багрянцев сам поднял трубку. Услышав голос дежурного, отчетливо произнес:

– Я написал рапорт об увольнении из органов... Да, я прекрасно все осознаю... Спасибо. Счастливо.

– Собирают всех, кого можно найти, – кивнув на аппарат, пояснил жене. – А я, как сказали, уже третий, кто только за этот вечер заявил о своем увольнении.

– Ну и ладно, – махнула рукой Рая, соглашаясь со свершившимся и отсекая прошлое, – побыли военными, побыли милицией, узнаем теперь, что такое «гражданка». Давай выпьем по этому поводу.

– Давай.

Извлекли из шкафчика столетнюю, чуть ли не со свадьбы оставшуюся, бутылку наливки. Рая налила себе две капли, смочить губы, Мишка налил полную чашку, поленившись идти в комнату за рюмками.

– За ту армию, которая меня призвала на службу и в которой я давал присягу, – поднял тост Мишка. – Теперь я могу

за это выпить. За чистоту наших погон и наших душ.

Когда выпили и посидели молча, Рая осторожно спросила:

– Тебе стало легче?

– Пока не знаю, – честно ответил Мишка. – Вернее, так: легче стало оттого, что нашел в себе силы не закрыть глаза на творящееся и уйти от преступников. Но вместе с тем появилась и тревога за неизвестное будущее.

– Вместе выйдем из любой ситуации.

– Выйдем. Прорвемся. Я люблю тебя. А самое важное – спасибо, что поняла меня.

– Глупенький, как же я не пойму.

Прильнули друг к другу. Мишка лицом раздвинул воротник халатика, вновь отыскал родинки: с них все началось, я помню это и целую их...

На удивление быстро, просто мгновенно состоялся приказ на увольнение. Единственное, что попросили кадровики – переписать рапорт: по последнему Указу Ельцина в армии и МВД запрещалось обсуждать решения Президента и тем более давать им какую бы то ни было оценку. Превращение офицеров в баранов и тупых исполнителей получило, таким образом, и письменное утверждение.

Махнув рукой, Мишка согласился – лишь бы быстрее из этого дерьма и дурдома. Немного задело лишь то, что с ним все же так легко расстаются. Что ни один начальник не захотел с ним побеседовать, узнать истинные причины увольнения. Может, даже попытаться уговорить остаться на службе.

Нет, нигде никто ни слова, ни полслова, чтобы не мараться о «политического». На всякий случай. Неизвестно ведь, кто победит завтра.

Ко всему прочему передавалась по штабу новость: министру присвоено звание генерала армии. Известие для любого думающего было неожиданным и несло в себе вопрос: за что? Ведь всем видно, что милиция деморализована и не сегодня-завтра вся перейдет на сторону Верховного Совета. Значит, не за заслуги, значит, это – аванс, который опять же не сегодня-завтра Ерину нужно будет отрабатывать перед Президентом. Впереди – выходные дни, на понедельник назначено заседание президентов республик, которые, судя по всему, Ельцина не поддержат. Тогда – всеобщая политическая стачка и крах всех, кто поддержал Президента в этой авантюре. Нет, не зря авансом даются такие высокие воинские звания. В субботу или воскресенье сотворится главное...

Зато приятной неожиданностью стал звонок от Щеглова. Мишка вначале не понял, кто звонит, но как только прозвучала фамилия Тарасевича, сразу вспомнился заместитель Андрея.

– Ты... не один? – догадываясь, почему он оказался в Москве, все же уточнил Багрянцев.

– Не один. И не только мы.

– Сообразил. В гости сможешь забежать? Рая обрадуется.

– Вряд ли, ситуация не та. Об Андрее хоть что-нибудь из-

вестно?

– По крайней мере, жив-здоров. Там, где будешь, поглядывай по сторонам. Может, увидишь, – дал совет. И тут же пожелал друзьям не встречаться. Это будет не та встреча, которой бы оба хотели...

– Я понял, – отозвался Серега. – Но если не увижу, привет ему. Выпадет минутка, позвоню еще.

– Обязательно.

Значит, деморализованной московской милиции власти уже не верят, стягивают ОМОН со всей страны. А в провинциях настрой один – снести эту Москву к чертовой матери, разогнать по углам, чтобы больше не колобродила, не гнила и не будоражила остальных. Начальники на этом, кстати, могут сыграть. На кого первых натравят – тех провинция и погонит. Щеглов – Тарасевича, Ельцин – Руцкого. А вчера еще все были вместе...

Рая не очень обрадовалась появлению Щеглова. Впрочем, как до этого звонку Тарасевича. Все ее существо пронзала единственная мысль; как нарушится теперь спокойствие их дома, уведет или не уведет это ее мужа.

Ее можно было понять, она чисто инстинктивно оберегала нарождающуюся в ней жизнь. А Мишка, после всплеска эмоций с подачей рапорта, вновь улегся на диван и уставился в потолок. Рая, всегда тихая и осторожная в движениях, теперь вообще перемещалась по квартире бесшумно: ее Мишка, всегда уверенный в себе и не сомневающийся, кажется,

ни в чем, теперь вдруг остановился как бы на перепутье. Хотя видно, что энергия клокочет у него внутри, ломая и выворачивая душу. Так что теперь Рая не то что боялась посылать его в магазин или предложить пройтись прогуляться, а и сама не решалась выйти из квартиры, оставить мужа одного.

– Думал, что я все-таки посильнее, – признался в своих переживаниях Мишка, когда, проснувшись среди ночи, она застала его сидящим на кухне. – Не так все это просто – повернуть еще раз свою жизнь на сто восемьдесят градусов. Не железный. Думается всякое.

Присела рядышком.

– Может, все еще переменится. И тебя призовут снова, и ты вновь наденешь погоны. И сделаешь это с чистой совестью, потому что в главную минуту не поступился своими убеждениями.

– Меня продолжает удивлять другое: почему не все положили на стол рапорта? Мы же русские офицеры. Мы всегда служили идее, а не деньгам. Где наша честь? Стоит в очереди за квартирой? За близким очередным званием? За выслугой лет? Измельчали мы, Рая.

– Не говори «мы». Ты сделал свой выбор. Страшный для меня, пугающий, но я очень хорошо тебя понимаю.

– Больше всего мне хочется сейчас увидеть Андрея. Очень боюсь, что он меня все-таки тогда узнал.

Чувствуя вину и перед мужем, и перед Андреем за то, что своим тоном, поведением не дала им возможности свидеть-

ся, торопливо похвалила:

– А ты знаешь, хорошо, что у вас, мужчин, есть такая дружба – по взглядам на жизнь. Только бы быстрее все закончилось, вы бы встретились и объяснились.

– Должно скоро закончиться. Сегодня уже суббота? К понедельнику скорее всего многое прояснится.

– Пусть это будет светлый понедельник.

«Боюсь, что будет как раз наоборот», – подумал про себя Багрянцев, но вслух согласился:

– Пусть. Пойдем-ка спать.

А утром телевизор показал начало настоящей бойни между собравшимися на митинг и милицией на Смоленской площади. Пылали машины, мелькали железные прутья. Крупным планом – залитые кровью лица. Вцепившиеся мертвой хваткой друг в друга старик и милиционер.

Кто остановит это безумие? Есть ли кто-нибудь, если уж не умный, то хотя бы сердобольный в руководстве страны?

– Боже, боже, – закрывала лицо руками Рая и, не веря, поглядывала на мужа: неужели он в самом деле не там, неужели Бог отвел его судьбу от участия в этом аду.

– Ты куда? – вздрагивала, лишь только он вставал с дивана.

– Выключить телевизор, – в конечном счете решил Мишка.

Экран погас, собрав всю Смоленскую площадь, крики, вой пожарных и санитарных машин в одну яркую точку. Еще

бы уверить себя, что вместе с погасшим экраном прекратилось и действие.

– Пойду прогуляюсь, – Мишка не мог смотреть на угасающую точку на экране, не хватало воздуха, давили стены.

– Я с тобой, – боясь опоздать и остаться одной, Рая бросилась к вешалке.

Отговаривать было бесполезно, да и понималось, что уходить из дома в эпицентр событий таким образом – это заставить страдать и волноваться самого близкого человека. Даже двух – о будущем ребенке он думал уже как о живом человеке. Уход надо приготовить – неспешно, отвлекая жену на что-то иное, второстепенное.

Москва, как и в августе 91-го, внешне вновь почти никак не реагировала на происходящее в ее центре. Хотя мужики собирались группками, спорили и даже ругались. Некоторые прохожие шли, прижимая к ушам приемнички. Совсем не видно милиции – стянута к Белому дому. Вот раздолье жулью. И какое облегчение лично Мишке – иметь право не быть закованным в «свинью», не поднимать руку на других, не опускать глаза перед встречными.

Но просто уйти из МВД – этого мало. Он должен, обязан появиться среди тех, кто защищает Белый дом и депутатов. Попытаться испытать то ощущение, которое пережили люди, когда он вел на них свой взвод. Это снимет последние крохи жалости к оставленной службе. А еще он должен появиться там для искупления вины за предыдущие дни. Для

самоочищения. Совести. Для будущего. В колоннах митингующих он не станет прятать свое лицо. Это ведь парадокс – демонстранты не прячутся, а «защитнички» надевают маски. Одно это говорит красноречивее всех указов, кто не в ладах с законом и совестью. Может статься, что там он отыщет и Андрея. Это тоже здорово – увидеть друга и не прятаться от него.

– Ты в мыслях... там? – Рая, чуткая, как пульс, словно считывала его думы.

– Да. Но хорошо, что только в мыслях, а не наяву, – признался Багрянцев.

– Мы загадали на понедельник, – напомнила жена, плотнее прижимаясь к плечу.

Ох, не ждал Мишка понедельника. Скорее предчувствовал готовность Ельцина и Ерина растоптать противника, перешагнуть через него и даже не глянуть под ноги. На Смоленке раздались первые выстрелы и пролилась новая кровь. На Смоленке народ впервые за все эти дни глумления над ним расшвырял «ельциноидов» и пробился-таки к осажденному Белому дому. Начало победы или трагедии? Станет ли вмешиваться в драку кто-то третий? Кто это может быть?

Вмешалась армия. Та самая непобедимая и легендарная, о которой народ слагал песни. Армия, чьи погоны Мишка с гордостью носил шесть лет. Министр которой клялся и божился на всех углах, что Вооруженные Силы – вне политики и что они никогда, ни при каких обстоятельствах не станут

вмешиваться во внутренние дела.

В ночь с субботы на воскресенье гвардейской Кантемировской дивизии отдали приказ загрузить в танки боевые снаряды. Бронебойные и термические. Чтобы пробивать стены и выжигать находящихся за этими стенами людей. Топлива выделялось на одну заправку. Значит, ехать недалеко. Значит, снаряды – по своим...

Ах, если бы у Паши Грачева были хотя бы проблески благородства, порядочности и офицерской чести. Если бы хоть на миг задумался, что творит. Но... но конец XX века на Руси – это бледные имена, бледные лица и еще более бледные дела во имя Отечества тех, кто оказался на престоле. Министр обороны не стал исключением. А серость и чванливость прославляются только подлостью...

И, конечно же, не под расстрел, не в тюрьму, не в народные герои пошел Грачев. За орденом и, как итог, вечным проклятьем. Сегодняшним и, еще больше, будущим. Вывел российские танки Герой Советского Союза, «афганец» Павел Грачев против Героя Советского Союза, «афганца» Александра Руцкого и против российских же депутатов. Против Конституции и вопреки Конституции. Еще ни один военачальник, может быть, кроме предателя Власова, не позорил так русскую армию, как сподобился сделать это Грачев.

Господи, прости заблудшего!

А впрочем, каждому пусть воздается по заслугам его...

Они лежали на полу под окном и уже, кажется, не вздрагивали даже, когда пули влетали к ним в кабинет и впивались в противоположную стену.

Кот был молчалив и словно безучастен к происходящему. Свой пистолетик, который Андрей запомнил еще по «Стрельцу», майор положил на живот и, не мигая, смотрел на подрагивающую после каждого танкового выстрела люстру над головой. Ему бы переползти из-под нее, в любую минуту готовую сорваться, но бывший начальник охраны словно поставил на судьбу и крутанул рулетку.

Зато Мишка нервно переворачивался с боку на бок, не оставляя попыток выглянуть в простреливаемое крупнокалиберными пулеметами окно.

– Мне бы только позвонить Рае, – умолял он неизвестно кого и за какую плату.

– Вон телефон, – вроде в шутку, а получилось, что как бы в насмешку, показал Андрей на блестящую будку около продуктового магазина на набережной.

Багрянцев так впился в нее взглядом, словно хотел телепатически набрать номер и подать о себе весточку жене.

– Все мы что-то не успели в этой жизни. И теперь, кажется, уже не успеем никогда, – философски-безнадежно изрек Кот.

Мишка недовольно повернулся к нему, но очередной залп остудил, примирил обоих. Но не лишил Багрянцева непреодолимого желания с грустью еще раз посмотреть на телефонную будку.

С ними обоими Андрей встретился час-другой назад, под пулеметным огнем. Кот сбил его с ног, как только раздалась первая очередь по собравшимся у Белого дома людям. Андрей довольно-таки больно саданулся локтями об асфальт, но привычно, как вдолбили еще в школе милиции, откатился в сторону и только после этого посмотрел на того, кто мгновением раньше среагировал на стрельбу. Кот. Собственной персоной. Сам вжимается в асфальтовые трещины, но подмигивает.

– Думаю, надо уползать, – вместо приветствия проговорил он.

– Кажется, правильно думаешь, – согласился Тарасевич. – Только куда?

Охрана до сегодняшнего дня не пропускала внутрь здания никого, как бы кто ни клялся в преданности Руцкому или Хасбулатову. Теперь же, когда подошедшие бронетранспортеры окружили площадь и в упор начали расстреливать тех, кто оказался в самом деле преданнее всех и остался на ночь у Белого дома, охрана наконец распахнула двери. Боялись мелкой провокации внутри Верховного Совета, а тут просто подъехали, навели орудия на спящих людей и нажали на гашетки.

К двадцатому подъезду, через который раньше ходили только журналисты, бежали, перекатывались, подтягивали свои кровоточащие тела люди. Стоны и крики неслись со всей площади, и если бы не ручеек в двадцатый подъезд, она пересохла бы, умолкла, покрывшись телами убитых. Двадцатый подъезд спас, сохранил несколько сотен жизней, но десятки все же остались лежать под серым осенним небом так рано начавшегося утра понедельника 4 октября. Первыми – старушки, решившие подмести площадь перед началом митинга...

Кот и Андрей, как на тренировке – перебежками, с подстраховкой друг друга, добежали до подъезда, влились в общий кровоточащий водоворот. В этот миг перед Андреем мелькнул кто-то знакомый, память даже не сразу подсказала, кто это может быть. Лишь когда он остановился и еще раз увидел со спины парня, выносящего на себе раненого, дошло: Мишка? Мишка – здесь? мгновенное облегчение: значит, это не он стреляет!

Сутолока растащила их в разные стороны, и пока Тарасевич снова пробился к месту, куда ушел похожий на Багрянцева парень, его там уже не оказалось.

– Кого-то увидел? – поинтересовался Кот, стараясь не отстать и не затеряться в толпе.

– Наверное, показалось, – еще осматриваясь, проговорил Андрей. – Уж и не знаю: хорошо, что показалось, или нет. Другу не пожелаешь здесь оказаться, но, в то же время, пусть

он лучше будет тут, чем за пулеметами.

– Это без сомнения. А вообще-то, давай поздороваемся, – предложил майор.

Они пожали руки, но на большее времени не хватило. Очередь из бронетранспортера дотянулась до окна холла, зазвенело стекло, и люди бросились на пол: бойня на площади сразу обучила всем солдатским премудростям.

– Давай наверх, – предложил Кот, увлекая Андрея по марморной лестнице на второй этаж. За ними побежали еще несколько человек, и тут, на площадке второго этажа, Тарасевич и увидел снова Мишку – тот перевязывал плечо стонущему и матерящемуся парню лет восемнадцати.

Андрей присел рядом на корточки, не отвлекая Багрянцева и наслаждаясь предстоящей радостью встречи. Майор, пробежавший пролет, остановился на следующей площадке, проверяя пистолет.

– Осторожнее, – помогая раненому подняться, приговаривал Мишка. – Не на курорте.

И только в этот момент взгляд его упал на приподнимающегося вместе с парнем Тарасевича. Однако вместо восторга Багрянцев непроизвольно опустил, спрятал взгляд. Тогда Андрей сам подался к нему, и они обнялись.

– Я знал, чувствовал, что мы здесь встретимся, – проговорил Багрянцев. И торопливо, словно боясь, что Андрей опередит его вопросом и ему придется оправдываться, добавил: – Я двадцать восьмого числа видел тебя.

– Где? – притворился Андрей.

– Около метро. В толпе. Я еще был...

– А-а, может быть, – махнул на прошедшее рукой Тарасевич, перебив друга и освобождая его от угрызений совести. – Знакомся: майор Кот, мой... мой очень хороший знакомый. – И на правах человека, объединившего двух незнакомых людей, взял инициативу на себя: – Наши планы?

Здесь, в лестничных пролетах, стрельба почти не слышалась, но по нарастающему гулу в вестибюле, взбегающим по лестнице людям было ясно, что только что пережитое и виденное ими – не сон. Неужели не сон? Неужели можно было подъехать и в упор начать расстреливать сонных людей? Чьи это бронетранспортеры? Кто сидел за пулеметами? Кто отдал команду на открытие огня?

– Наверное, надо держаться корреспондентов, они наверняка здесь все знают, – подал идею Кот, когда мимо них прошмыгнули увешанные фотоаппаратами двое парней.

Журналисты вывели их на шестой, конечный в этом крыле, этаж. Единственное в коридоре окно облепили с боков и снизу корреспонденты, разноязыко наговаривавшие на диктофоны свои впечатления. Некоторые даже пытались фотографировать и снимать на камеру происходящие на площади события. Прославятся. Если только живы останутся.

И тут, краем глаза, в проеме одного из кабинетов Андрей успел увидеть мелькнувшую фигуру в черной, омовской форме. Сердце подпрыгнуло и заколотилось: от Млынника?

Он торопливо перебежал в тот кабинет, облегченно улыбнулся: не показалось. Сбоку окна стояли с автоматами омоновец и капитан в полевой форме, с нелепо выглядевшей здесь полевой офицерской сумкой. Стараясь не рисоваться в окне, Тарасевич вдоль стены приблизился к ним.

– Откуда, ребята?

– Из Советского Союза, – недружелюбно огрызнулся, даже не посмотрев в его сторону, омоновец.

– Все, пошли, – кивнул ему капитан, и они, больше не объясняясь, выскользнули в коридор.

Обида сдавила сердце Тарасевича: да знает ли этот пацан, с кем разговаривал? Да он уже под пулями ходил, когда тот еще по девкам бегал...

Однако дальше обижаться не стал, сумел одернуть самого себя: у вот именно потому, что парень не представлял, с кем разговаривает, он так себя и вел. И правильно, в конечном счете, делал! Может, потому еще и жив.

Глянув на секунду в окно, но уже не ради любопытства, а чтобы дать секунду себе остыть, выскользнул обратно в коридор.

– Куда они ушли? – прижал к стене ничего не понявших друзей. – Омоновец и капитан куда ушли?

– Туда, – одновременно указали они в глубь здания. Короткий коридор – и потом закоулки, лестницы, залы, переходы, закутки, опять коридоры, лестницы. Повсюду депутаты, по чему-то женщины, офицеры в камуфляже, полевой фор-

ме. Около одного капитана, вроде похожего на того, который стоял у окна Андрей задержался.

– Слушай, где здесь рижане?

– Не знаю.

– А как попасть вниз?

– Здесь перекрыто. Только через левое крыло, – указал он обратно в тот коридор, из которого они только что прибежали.

– Танки. Подошли танки, – закричали в коридоре, и все бросились к окнам.

Андрей, Кот и Мишка последовали их примеру, забежали в какой-то кабинет и тоже выглянули на улицу.

Если не считать погибших, в несуразных позах застывших на холодном асфальте, то площадь с этой стороны была пуста. Слабо дотлевали ночные костерки, безжизненно колыхались мокрыми боковинами палатки. На решетчатой ограде застыли чугунные барельефы пионеров с поднесенными к губам горнами: что играть? Сигнал тревоги опоздал, остается только исполнить реквием по погибшим. Или панихиду. Вон на улочке, по которой омовцы двадцать восьмого октября первый раз гнали людей от Дома Советов, лежит убитый поп. Его черная ряса прикрыла асфальт полукругом, в одной руке батюшки слабо начинал блеснуть при неярком солнце крест, около второй, тоже выпростанной в сторону замерших бронетранспортеров, валялась икона. Если уж церковь не остановила расправу, то Кремлем правят

сейчас только страх и безумие.

– Больше всего почему-то жаль его, – вздохнул Мишка. Взгляды всех троих, получилось, остановились именно на батюшке. – Рассказывают, что все одиннадцать дней он ходил вокруг Белого дома, отводил беду.

– Что он один мог сделать. Вот если бы сам патриарх взял икону, собрал всех попов да верующих и пришел крестным ходом сюда. Да встал у стен здания – думаю, ни один выстрел бы не прозвучал, – категорично не согласился майор. – Не пришел. Почему?

– Говорят, заболел, – попытался оправдать Алексея II Андрей.

– Но не умер же! – снова не согласился Кот. – Как баню освятить, ресторан какой-нибудь – попы тут как тут. Или Ельцину со свечкой постоять перед телекамерами – все Останкино работает. Мода. А лишь коснулось дело государства...

– Ох, не трогайте вы их, – попросил Багрянцев. – У них своя свадьба, у нас своя.

– Только похороны будут общие, – кивнув на распластанные по площади тела и невольно приняв сторону майора, подвел итог Тарасевич. – Танков что-то не видно. Наверное, с другой стороны.

И тут его внимание привлекли автоматные очереди – на первый взгляд нестройные, нервные, дерганые, они тем не менее вдруг заставили его насторожиться, напоминая что-то

давнее, почти забытое. Но нет, он не ошибся: стрелял Млынник или кто-то из их рижского отряда. И не стрелял – передавал выстрелами азбуку Морзе: два выстрела – тире, один – точка.

– У-хо-дим. Все у-хо-дим, – вслух прочел он приказ.

– Ты чего это? – удивленно посмотрел на него Кот.

– Отряд уходит. Млынник с ребятами уходит, – сорвался с места, еще не зная, куда бежать, Андрей.

Вообще-то – вниз. Надо бежать вниз, на первый этаж. Отряд можно перехватить только там – не по воздуху же он станет уходить. И почему уходить? Что-то случилось? Почему Чеслав уводит ребят? Потому, что подошли танки? Что по внутренней трансляции прозвучал приказ Руцкого не стрелять, а становиться пушечным мясом – зачем? Не для того мотались по Союзу и всем «горячим точкам», чтобы за здорово живешь подставиться под танковые снаряды, да еще не смея отвечать огнем на огонь. Непротивление злу насилием? А-а, ну ее к черту, эту философию. Догнать, найти отряд, а там все станет ясно.

Мишка и Кот добросовестно бежали сзади, так до конца ничего и не поняв. И только танковый залп, от которого задрожало все здание, остановил их бег, заставил прислониться к стене.

– Началось, – проговорил с каким-то облегчением Кот. Так радуются неизбежному, свершившемуся наконец-то, горю, устав от его ожидания. А уж майор-то прекрасно пони-

мал, что стрельба из бронетранспортера на площади – это несерьезно, это всего лишь разминка, прелюдия. – А куда мы бежим?

– Наш рижский ОМОН почему-то уходит из здания. Как он может уходить в такой момент?

– Давай у них у самих узнаем! – вполне резонно предложил Багрянцев, и они вновь бросились по коридорам.

Да только без экскурсоводов, архитектора всех этих бесчисленных переходов – ты словно слепец в лабиринте. И закружили, увели коридоры власти опять их по каким-то закоулкам, а встречающиеся депутаты посылали то в одну сторону, то в другую. В лифты, хотя они и работали, садиться не рискнули: усиливающийся танковый обстрел мог закупорить в них на веки вечные.

Но когда показалось, что выход найден, навстречу стало попадаться все больше и больше народа.

– Вниз не ходите, – перегородил им нагайкой дорогу бородатый казак в полушубке а-ля Николай II. Все дни, как и погибший батюшка, он провел около Белого дома, примелькался, и ему можно было доверять. – Все простреливается, вот-вот штурм начнется. Давайте лучше наверх.

– А ребят, ребят в черной форме не видел? – все цеплялся за соломинку Андрей.

– Баркашовцев, что ль? – немного настороженно попытался уточнить казак.

– Нет, омовцев. Рижских.

– Рижане, говорят, ушли. По подземным коммуникациям.

– Как же так! – обидчиво стукнул кулаком по стене Тарасевич.

– Нормально, – пробасил казак, не поняв смысл разочарования. – Мы, если что, еще можем как-то выкрутиться. А им пуля в затылок или, в лучшем случае, тюрьма обеспечены. Пусть уходят, здесь уже все решено³¹.

В подтверждение сказанному здание дрогнуло вновь, дошел, хоть и ослабленный, жар и запах горелого. Снизу раздавались автоматные очереди. Но теперь уже не Млынника. И Андрей признался наконец самому себе, что он опоздал, что Чеслав ушел и увел отряд. Спас ребят. Он всегда действовал с оглядкой на людей, их командир. Потому и осторожничал, как лис. И потому не было никогда потерь в отряде. Но – быть так близко, в одних стенах – и разминуться! И все из-за того, что обиделся, видите ли, в тот раз на парня. Не вцепился в него, упустив секунды. Идиот!

Но ничего не оставалось делать, как послушаться казака. Поднялись, уже бесцельно, на два этажа выше. Подыскали комнату, окна которой выходили на мэрию и краешком – на Калининский мост. Увидели наконец танки. Как будто поджидая их, одна из боевых машин дернулась, присела, выбросив кольцо дыма, только потом дошел грохот выстре-

³¹ Ч. Млынник через три месяца будет арестован в Санкт-Петербурге и брошен в тюрьму. Казак, сотник Виктор Морозов, получит множество ранений, но останется жив. Скрываясь от ищеек, перейдет на нелегальное положение.

ла. Разумнее было перейти на противоположную сторону, где стреляли всего-навсего БТРы, но зрелище завораживало своей нереальностью, диким безумием:

в центре Москвы среди бела дня из танков

прямой наводкой

под рукоплескания зевак на каждый выстрел

власть расстреливала народных депутатов.

Какими бы плохими они кому-то ни показались, но, прекрасно зная, что, кроме них, в здании еще полно тех, кто спасся в его стенах от пуль на площади, власть тем не менее

в центре Москвы

среди бела дня

из танков

прямой наводкой

под рукоплескания зевак-демократов

расстреливала людей.

И сбросились маски. И все стали теми, кем были: лицемеры – лицемерами, убийцы – убийцами, подлецы – подлецами. Все вопли, будто депутаты могли поступить со своими противниками еще жестче – это не более чем попытка хоть как-то оправдать свершившееся злодеяние. Те – могли, а они – сделали. Судят не за помыслы, а за дела...

Особняком роились мысли о походе восставших на Останкино. Все трое прекрасно понимали, что это была ловушка: и разбежавшиеся милиционеры, оставившие автомобили с ключами зажигания, и «зеленый» коридор по всей Москве для колонны без малейших попыток остановить ее. Не будь Останкина – было бы что-нибудь другое. Наступающий понедельник лишал власть власти, и все было брошено на то, чтобы ввести в Москву войска. Даже сама Москва была брошена на произвол судьбы – лишь бы что-нибудь произошло.

И, как ни бегал Мишка между захваченными машинами, убеждая, что это провокация, что никуда не нужно ехать, малая победа на Смоленской площади опьянила и показалась окончательной. Не сомневался и Тарасевич, крутившийся в другом конце площади, что среди громче всех кричавших «К Останкину!» были и те ребята-провокаторы, которых подвозили на автобусе и внедряли в толпу. Но свершившееся – свершилось, и сидевший в телецентре спецназ «Витязь» в упор расстрелял собравшихся. А засадный полк Ельцина – Паша Грачев с танками, ждал только повода и команды, чтобы подмять гусеницами московские мостовые, стремление народа сбросить ненавистное правительство³²...

– Как Рая? – поняв, что время теперь у них хотя и есть,

³² Во время событий у Останкино погиб один омоновец и сорок шесть приехавших к телецентру демонстрантов и журналистов. Соотношение погибших говорит само за себя – кто кого уничтожал.

но может закончиться в любую минуту, подкатился Андрей ближе к Мишке.

– Волнуется, конечно. Сказал ей, что поехал к «Белому медведю» пересидеть ситуацию, чтобы не дергали после подачи рапорта, а тут...

– Может, в каком-нибудь кабинете связь все же работает, – сглаживая недавнюю неловкость, предположил майор.

В глазах Мишки тут же загорелась искра надежды. Она гасла, перебивалась сомнениями, но было видно, что Багрянцев теперь не успокоится, пока не проверит этот вариант.

– Я пройдусь по кабинетам, – извиняющимся тоном сказал он.

– Двушка-то хоть есть? – вновь подал голос Кот. Раньше Андрей как-то не замечал за ним привычки к подковыркам. Казалось, прилизанная кукла – она и есть кукла. А поди ж ты, мужик с юмором.

– Я звоню следующий, – поддержал шутливый настрой Андрей. Это было бы, конечно, невероятно здорово – позвонить Нине. Наверняка она обрадуется.

Мишка махнул на подначки рукой и выскользнул в коридор. По старой привычке Тарасевич вышел подстраховать следом, замыкая зрительную связь между ними троими. По коридору время от времени пробегали озабоченные офицеры, но Андрей даже не останавливал их, чтобы попытаться прояснить обстановку: наверняка они знали не больше него. Только однажды мешковатый на вид, страшно усталый капи-

тан 2-го ранга, приглаживая на ходу растрепавшиеся потные волосы, сообщил:

– «Альфа» занимает первый этаж. Вроде не стреляет³³.

Не успел моряк проскочить коридор, как из комнаты, в которую только что вошел Мишка, вырвался нестерпимо жаркий огненный шар. Потом только до Андрея дошел звук танкового выстрела и, уже отброшенный взрывной волной обратно в свой кабинет, понял страшное и непоправимое: Мишка остался в том огненном аду, который породил прямым попаданием термический снаряд. Потом видел, как Кот беззвучно и совсем не больно бьет его по щекам, чувствовал, как его куда-то тащат и пятки стучат по ступенькам лестниц. Пытался вырваться, чтобы вернуться к Мишке, вытащить его из огня, но сил хватало только на то, чтобы об этом подумать. Тогда, сделав громадное усилие, прошептал для майора, чтобы хотя бы он остановился:

– Мишка.

Кот что-то ответил, но звук его голоса не пробился сквозь зияющую пустоту в ушах. «Контузия», – спокойно, давно к чему-то подобному готовый, определил Тарасевич: так ставят себе диагноз хорошие врачи. Единственное, чего пока не понял: огонь, настигающий их по коридору – он настоящий или это просто осталась в глазах вспышка, поглотив-

³³ «Альфа» не произвела в Белом доме ни одного выстрела. За что, собственно, и попала в немилость Президента: он и его окружение очень надеялись, что «Альфа» правильно поймет свою задачу и перестреляет ядро оппозиции якобы в перестрелке.

шая и растворившая Мишку? Как же теперь Рая? Не-ет, если суждено будет все-таки выбраться отсюда, он жизнь положит на то, чтобы найти того гада, который стрелял. И расскажет ему, кого и как он убивал. И даст один час, ровно час, чтобы застрелился. Офицерам нельзя жить с таким позором на душе³⁴.

– Тихо, – прошептал вдруг Кот, и, странное дело, именно шепот расслышал первым Тарасевич.

С улицы раздался тонкий, пронзительный звук, и пока Андрей думал, что это опять его подводит слух, сквозь бетонные стены проник многократно усиленный динамиками голос «желтого Геббельса» – агитационной машины, выкрашенной в желтый цвет и несколько дней и ночей непрерывно ведшей, рассчитанную на депутатов и защитников Дома, пропаганду:

– Всем, находящимся в Белом доме, выходить с поднятыми руками и белыми флагами. Всем, кто сдается, выходить

³⁴ Танковые экипажи для стрельбы по Белому дому формировались добровольно-принудительно. Тем не менее не отказались вести огонь за деньги: заместители командиров танковых батальонов майоры И.А. Петраков и В.В. Брулевич, командиры батальонов майоры П.К. Рудой и В.Б. Серебряков, командир разведывательного батальона подполковник А.В. Ермолин, заместитель командира мотострелкового батальона капитан А.И. Масленников и командир разведроты капитан С.А. Башмаков. Особое рвение проявил и командир Таманской дивизии генерал-майор Евневич, получивший за это звание Героя России. Все офицеры – из гвардейской Кантемировской дивизии, после событий получившей в народе наименование «Московской».

с поднятыми вверх руками и белыми флагами.

– Суки, – процедил Кот. – Даже здесь хотят унижить. Есть ли предел человеческой мерзости. Не-ет, они будут делать все, чтобы Руцкой и Хасбулатов застрелились. Нет человека – нет и проблемы. Закон мафии и товарища Сталина³⁵. Ну, а что будем делать мы?

– Ты давай смотри сам, а мне выходить, все равно что добровольно идти в рижский Централ, – усмехнулся невеселому будущему Андрей. – Мне выходить нельзя. А с поднятыми руками тем более не стану этого делать.

– Значит, надо искать выход и уходить тайно, – Кот, видимо, соображал быстрее. – Поэтому давай все-таки спускаться вниз. Раз есть подземные коммуникации, надо просто найти туда вход. А насчет документов... Я обещал тебе однажды их?

– Было дело.

– Чуть-чуть не успел. – Майор вытащил зелененькую книжицу офицерского удостоверения. – Держи, печати есть, осталось только заполнить. На любое имя, хоть собственное.

– Спасибо, – искренне обрадовался Тарасевич, с удовольствием пролистывая чистые странички.

– Ну, оклемался немного? Идти сможешь?

Тарасевич прислушался к себе. Место пустоты, провала в

³⁵ Когда «Альфа» вместо штурма пошла в здание Верховного Совета под белым флагом парламентариев, со стороны гостиницы «Мир» выстрелом в спину был убит офицер Г. Сергеев. Гибелью товарища «альфовцев» пытались спровоцировать на жестокость и ответную кровь.

голове начала заполнять ноющая, пульсирующая боль. К тому же что-то колело и царапало грудь. Андрей покопался в кармане рубашки и среди бумажек нашел обгоревшую звездочку со своего берета. Как легко когда-то он сжег его, так легко сейчас Ельцин сжигает живьем своих противников...

Сравнение не понравилось, а аналогия с Ельциным вообще оказалась не к месту, и Тарасевич, отменяя свои мысли, ответил на заданный майором вопрос:

– Дойду. Доползу. Только вот Мишка...

– Тогда пошли, – не стал разворачивать тему Мишкиной гибели Кот. Он – практик, у него – холодная голова...

Потыркались еще немного по закоулкам, но уловили все же определенную логику в коридорной системе и дошли до холла первого этажа. На запятнанном кровью, усыпанном битым стеклом, бинтами и тряпками полу около стены рядом были уложены тела погибших. У изрешеченной пулями входной двери лежал с автоматом капитан в полевой форме – единственная живая душа в застывшем безмолвии. Тарасевич по полевой сумке узнал офицера, бросился к нему:

– Слушай, ты был с ребятами из рижского ОМОНа. Где они?

– Ушли, – меланхолично ответил капитан, не отрывая взгляда от видимого в дверь участка площади.

– Мы знаем. Но куда? Где выход? – спросил Кот.

– Вниз. По лестнице, – офицер не обернулся.

– Уходим с нами, – предложил майор.

И только тут капитан поднял на них взгляд. Все лицо его оказалось в мелких порезах – видимо, осколками от разбитого вблизи стекла. Глаза безумно загорелись, рот скривила страшная улыбка, от которой полопались подсохшие порезы и кровь выступила вновь.

– Уходят! Все уходят. Сначала заварили кашу, а теперь все – по щелям. Зачем же нужно было тогда втягивать столько народищу?

– Извини, но мы не депутаты и не правительство, – тоже достаточно резко ответил Кот. – Так уходишь или нет?

Тон майора немного отрезвил собеседника, и он молча повернулся к своему сектору наблюдения. И, уже не глядя, попрощался:

– Давайте, мужики. Живы останетесь – помяните пехотного капитана. Наш «Союз офицеров» решил не уходить, будем стоять до последнего.

Сначала Кот, потом Андрей хлопнули капитана по плечу и, пригибаясь, побежали к ступенькам, ведущим с первого этажа вниз.

Шли на ощупь, скользя и спотыкаясь. Поддерживая друг друга. Совершенно потеряв ориентировку и даже не зная, идут ли они по центральному коридору или петляют по ответвлениям. Нескольких спичек, сожженных в самом начале, теперь не хватало как воздуха. Не хватало, впрочем, и самого воздуха: какая-то смесь хлорки, горячих паров и гнили, то усиливаясь, то уменьшаясь, разъедала все нутро и глаза.

В какой-то момент под ноги попался труп мужчины. Это и испугало, и обнадежило одновременно – не они здесь первые, но кто-то выбраться не смог. Кто он? Один ли уходил из горящего Белого дома или его оставили обессиленные товарищи? Документов в карманах погибшего не оказалось, Андрей и Кот попытались приподнять несчастного повыше, прислонив к ребристой стене коллектора, и побрели дальше.

– Да, остаться здесь – приятного мало, – когда отошли на достаточное расстояние, проговорил майор.

Странно, но Андрей подумал о том же самом. Еще есть силы, еще не умирают они в подземных казематах и не оставила надежда выбраться на поверхность, но мысль, что они могут завершить жизнь в подземном мраке, где, наверное, и крысы не выживают, угнетала.

– Выберемся, – уверенно сказал Тарасевич, как бы обещающая, что в любой ситуации лично он не оставит спутника

одного.

– Выберемся, – подтвердил свою готовность до конца оставаться вдвоем и начальник охраны.

– Слушай, а ты так и не рассказал, отчего ушел из армии, – чтобы окончательно переменить тему, намекнул на давний должок Тарасевич.

Кот, шедший первым, остановился. Передохнуть ли, поправить одежду или просто от неожиданного неприятного воспоминания? Андрей не стал настаивать на просьбе, постоял, отдыхая, рядом.

– Давай сначала выберемся, а потом сядем в каком-нибудь уютном ресторанчике, выпьем и расскажем друг другу свои похождения, – предложил майор.

До ресторана оставалась самая малость – именно выбрать-ся. А подземная их трасса начинает сужаться, уже можно достать вытянутыми руками проложенную посредине трубу и увитую кабелями стену коллектора. И голова сама интуитивно пригибается, и воды под ногами становится меньше. Неужели тупик? В темноте идти в тупик – гораздо страшнее, чем даже попадать в тупик жизненный.

Неожиданно Кот вновь остановился:

– Слышишь?

Ничего, кроме журчания воды.

– Нет.

– Воздух посвежел, – с сомнением, но и с надеждой, тихо проговорил Кот.

– А я звуки ловлю, – тоже шепотом отозвался Андрей и стал принюхиваться.

Майор оказался прав – воздух вытягивался в какую-то дыру. Мгновенно представились парящие на улицах решетчатые отверстия коллекторов. Неужели дошли до одного из них?

Пошли быстрее, и постепенно стала разреживаться темнота, и появились неясные, но уже круглые очертания трубы, начал белеть пар. Не выражая восторга, боясь спугнуть удачу, теперь чуть ли не бежали к пробивающемуся свету.

Свет шел сквозь решетку. Свернув из коллектора в ответвление-колодец, увидели вверху сквозь криво уложенную решетку небо. Серое, низкое, но – небо. Свет. Волю. Свободу. Будущее.

Начали различать и городской шум – проехавшей машины, тявканья собаки, мальчишеских криков. Видя одни тучи в небе, невозможно определить, в каком районе находишься, но, судя по всему, это не было центральной улицей. Что давало еще один шанс выбраться наружу более или менее незамеченными. А об этом приходилось думать, ибо после танков на улицы обязательно выползут из всех щелей, желающие стать героями очередной демократической революции. Август 91-го приучил, что в историю, как правило, стремятся попасть эти последние. А чтобы вцепиться в отходящего, отползающего, захлебывающегося кровью противника, для этого ни ума, ни смелости не надо. Только – поподлее душу.

И ты – герой. И – тебе медали...

Переглянулись, решая: пробовать вылезти сейчас или подождать темноты. Разумнее, конечно, было пересидеть, но свои надежды чаще всего мы губим именно тем, что нет поддержки пропустить перед собой поезд. Авошь проскочим...

Майор, хлюпя месивом из гниющего, отдающего смрадом уличного мусора, потоптался и тронулся вперед. Впервые, по крайней мере на памяти Андрея, он изменил привычке и не позаботился о своем внешнем виде перед тем, как сделать очередной шаг. Загораживая собой свет, по покрытым плесенью скобам-ступенькам он начал осторожно подниматься вверх.

Как он приподнимал решетку, что увидел, Андрею, подстраховывающему друга снизу, не суждено было узнать. Кот что-то крикнул, что-то тревожно-предупредительное, но его глухой, уже вырвавшийся на волю голос прошла короткая, расчетливая автоматная очередь из близкой засады.

Майор грузно, цепляясь вмиг ставшими неподвластными ногами и руками за скобы, свалился вниз. Как будто из неба, к которому так стремился и которое встретило его выстрелами в упор. Из свободы, где догорало здание парламента. Из мира, в котором правы те, кто имеет в руках оружие. Если это не Великая Отечественная и не катакомбы Аджимушкая, на выходах из которых точно так же партизан ожидали свинцовые пули фашистов, то что могло произойти с людьми, которые приказывали убивать и которые убивали сами!

От проклятого света, от свежего воздуха – обратно в спасительную темноту, безопасную едкость паров. От потерявших честь и совесть офицеров и солдат, согласившихся за деньги стрелять в собственный народ – в канализационную грязь, которая оказалась чище офицерских погон. Уйти, забиться, не выходить из каменных мешков, которые, по крайней мере, не выдадут.

Насколько позволяли размеры люка, Андрей бросился к майору – унести, вынести, спрягать, укрыть. Они дали слово не оставлять друг друга. Вверх не смотрел и не увидел, как просунулся в один из решетчатых просветов ствол автомата. Как усмехнулся и нажал спусковой крючок остающийся на воле, около неба, на свободе омоновец. Огонь с дикой болью впился в плечо, руку, но сил и злости хватило, чтобы вытащить из колодца тело друга. Вместо головы у майора оказалась одна сплошная рана, и Тарасевич, стараясь не смотреть на нее, потащил начальника охраны за собой дальше в темноту. Зачем же ты изменил своей привычке, майор?

...Рано утром следующего дня, прогуливаясь с собакой около Ваганьковского кладбища, один старичок пенсионер вдруг увидел недалеко от канализационного люка двух лежавших в обнимку парней. Фокстерьер, осторожно подбежавший к ним первым, в недоумении замер, забыв залаять. Отшатнулся сперва и хозяин – голова у того, который был одет в кожаную куртку, оказалась снесенной выстрелом в

упор. У второго подергивалось левое плечо, и старик, мгновенно сообразив, откуда могли появиться эти люди, опасливо осмотрелся.

– Тихо, – приказал он чуть осмелевшей собаке.

Убедившись, что поблизости никого нет, стараясь не смотреть на голову погибшего, оттащил чуть в сторону живого. Плечо и рука у того были наспех перевязаны собственной рубашкой, веки мелко подрагивали – то ли от боли, то ли от усилия приоткрыть глаза.

– Лежи, лежи, – успокоил его пенсионер.

Проверил карманы, надеясь найти паспорт со штампом прописки. Вместо него отыскалось удостоверение личности офицера, но совершенно чистое, словно там, откуда вышел его обладатель, стиралось все прошлое. В других карманах вообще оказалось пусто, если не считать обгоревшей звездочки.

– Значит, наш, – показал ее собаке старик. – Пойдем-ка за нашей бабулей.

Прикрыв парней листьями, которых вокруг кладбища было в избытке, старик и собака трусцой побежали к ближайшей пятиэтажке.

На сороковины расстрела Белого дома, несмотря на морозец, с утра непрерывным потоком к нему шли люди. Казалось, после стольких смертей, арестов, желчи и грязи, вылитых с экранов телевизоров и страниц газет на защитни-

ков парламента, уже никто не осмелится проявить свою симпатию к погибшим. Но случилось наоборот. Группки милиции, на всякий случай стянутые к месту панихиды, держались в стороне, курили и старались не смотреть на скорбную нескончаемую вереницу людей, которая, в свою очередь, не желала смотреть в их сторону. Слишком свежа была еще рана...

С мусорных контейнеров, на которых раньше было написано «Ящик для Ельцина», «Ящик для Гайдара» и так – для всего правительства, надписи стерли, и если в октябрьские дни люди плевали в них, то нынче просто проходили мимо. Сегодня – день поминовения, а не политических разборок. Помяни души усопших рабов своих, о Господи!

Зато по желтой стене краснопресненского стадиона шла свежая красная надпись: «Армия, кровавая сука. Посмотри на деяния рук своих». Под ней во многих местах крепился переписанный от руки стих Игоря Ляпина:

Ваши лица от гари серы,
Ваш противник буквально смят.
Что ж вы, русские офицеры,
Опускаете в землю взгляд?
Руки целы и ноги целы,
Вашей тактике нет цены.
Что ж вы, русские офицеры,
Так победой удручены?
Вот на этом высоком месте

Над рассветной рекой Москвой
Вы закон офицерской чести
Раздавили своей броней.
Орудийным разбили громом,
И народ не забудет, как
Над пылающим Белым домом
Развевался российский флаг.
Ваши губы уже немеют,
И на всем остальном пути
Вам высокое «Честь имею»
Не позволят произнести.

Однако среди пришедших на панихиду мелькало немало офицерских шинелей и бушлатов: своих погон не стыдились те, кто презрел грачевское лизоблюдство и вместе с народом стоял у стен парламента до конца.

А по забору – снова надписи: «Е.Б.Н. – к ЕБН», «Спецназ „Витязь“ – жидолиз прыщавый», «Лучшая пародия пародиста Иванова в том, что он – Иванов», «Не забудем!» И опять стихи:

Вот наконец и разрешились.
Умолкли речи. Кончен спор.
Венки, иконки, свечи, слезы -
Страна расстреляна в упор.
Не торжествуйте, демократы!
Нам несть числа. Все впереди.
И не забудь, Борис Кровавый,

Что от расплаты не уйти.

Два парня шли с трафаретом вдоль стены и наносили черной краской на каждом пролете забора православный крест. Старались не трогать надписи:

За трупов обугленных груды,
За вдов и родительский плач,
Будь проклят вовеки, иуда,
Будь проклят вовеки, палач.

Кто-то обнимался, встретившись впервые после трагических и страшных дней. Плакали. Парни в папахах, соорудив что-то наподобие столика, угощали всех подходивших к ним за упокой душ погибших казаков.

Не таясь, подчеркнуто демонстративно выделялись черной формой баркашовцы: мы не фашисты, мы были с вами тогда, под пулями, мы с русским народом и сейчас.

– Ребята, да уберите вы эту свастику с эмблем, она же отпугивает людей и дает бесконечный повод называть вас фашистами...

– Свастика в русском орнаменте изначально рисовалась как знак плодородия. Это самый почитаемый знак в древней Руси...

Старый спор. Как всегда на патриотических митингах и сходках, мгновенно расхватывались листовки: люди страстно искали иного слова, нежели официальные сообщения. На

этот раз распространялось только «Завещание несдавшихся защитников Дома Советов»:

«Братья, когда вы прочтете эти строки, нас уже не будет в живых. Наши тела, простреленные, догорят в этих стенах. Мы обращаемся к вам, кому повезло выйти живым из этой кровавой бойни.

Мы любили Россию. Мы хотели, чтобы на этой земле восстановился наконец тот порядок, который Богом ей определен. Имя ему – соборность; внутри ее всякий человек имеет равные права и обязанности, а преступать закон не позволено никому, в каком бы высоком чине он ни был.

Конечно, мы были наивными простаками, за свою доверчивость мы наказаны, нас расстреляют и в конце концов предадут. Мы были лишь пешками в чьей-то хорошо продуманной игре. Но дух наш не сломлен. Да, умирать страшно. Однако что-то поддерживает, кто-то невидимый говорит: «Вы кровью очищаете свою душу, и теперь сатана ее не достанет. И, погибнув, вы будете гораздо сильнее живых».

В наши последние минуты мы обращаемся к вам, граждане России. Запомните эти дни. Не отводите взгляда, когда наши обезображенные тела будут, смеясь, демонстрировать по телевидению. Запомните все и не попадайтесь в те же ловушки, в которые угодили мы.

Простите нас. Мы же прощаем и тех, кто послан нас убить. Они не виноваты... Но не прощаем, проклинаям

бесовскую шайку, севшую России на шею.

Не дайте затоптать великую православную веру, не дайте затоптать Россию.

Наши души с вами.

Россия непобедима.

Дом Советов. 04.10.93».

Листовок не хватало, их переписывали тут же, сидя на корточках. На месте гибели священника, прямо на асфальте, из цветов сооружался могильный холмик. Тут же продавались свечи.

Их демократия – кровь и ложь,

Их Конституция – наглый грабеж.

Их Президент – убийца и вор.

Наше терпенье – грех и позор.

Пришедшие на сороковины бродили потерянно, угрюмо. Заходили на стадион, куда омоновцы сгоняли пленных и, по рассказам оставшихся в живых, расстреливали. Втыкали цветы в продырявленные пулями стены строительных бытовок и мусорных ящиков, за которыми пытались спрятаться от огня расстреливаемые. Ставили свечи прямо на землю, к желтой стене стадиона. Телевизионщики, как правило иностранные, достаточно осторожно и тактично подходили за интервью к женщинам в черном.

– Я Конституцию изучала под грохот танковых пушек, – плакала одна из вдов. – Я знала, что мой муж здесь, и мне

целый день по телевизору показывали, как его убивали. А я, как дура, пыталась найти в Конституции статьи, по которым президенту и армии давалось это право – расстреливать собственный народ. Ничего теперь не боюсь.

Само здание Верховного Совета к этому дню обтянули белой строительной сеткой и обнесли белым каменным забором, – как будто можно было прикрыть таким образом черное злодеяние и черную гарь сгоревших этажей. Турки, которым доверили реставрировать Белый дом, глядели из-за забора с интересом, словно пытались отыскать уродов, дебилов и ублюдков, которые, если верить телевизионным сообщениям, и составляли отряды защитников советской власти.

А новая власть молчала. Притаилась. Ни один стих не родился в честь победы, ни одна ода не вышла из-под пера даже таких одиозных, ушедших в услужение Президенту и его окружению стихотворцев, как Евтушенко, Коротич и иже с ними. Более или менее честные журналисты тщетно пытались узнать и опубликовать имена «героев», показавших снайперскую стрельбу по зданию – их прятали. Когда прячут героев – это не герои, а преступники. Грачев, выгораживая себя, усиленно начал напоминать всем, что в стране, кроме министра обороны, есть и Верховный Главнокомандующий, который может отдавать приказы в армии. Уважай он хоть чуть-чуть Президента, он должен был, обязан как политик, соратник, как офицер, в конце концов, подать в отставку, чтобы вывести Ельцина из-под огня критики и об-

винений за танковый фейерверк в центре Москвы. Не захотел. Перегнулся, боясь оторваться от кресла. Прекрасно видя нравственную трусость министра, вынужденно смолчал и сам Президент: вряд ли еще кто-либо, кроме Паши, станет так верно и подобострастно ловить каждый его вздох. Любой новый министр – это новые страхи, в стране армия осталась пока единственной силой, способной влиять на ситуацию. Поэтому Паша... Как там говорил американский президент? «Да, сволочь. Но сволочь-то наша...»

Усмехалось дешевым трюкам МВД, когда изо дня в день по телевидению стали показывать кадры, как ищут и находят в Белом доме саперы какие-то взрывные устройства из батареек и проводочков. Как будто больше нечем было заниматься под танковым обстрелом тем, кто заживо сгорал в кабинетах. Тем более, что об остальном – молчали. О трупах, которые сносили на второй этаж и укладывали на столы регистрации депутатов, посыпая сухим льдом. А ведь некоторые обуглились так, что невозможно было определить: взрослый ли это человек, ребенок или собака. Молчали. Молчали о расплавленных кубках, превращенных сумасшедшей температурой в серебряные пяточки-слитки: долго не могли распознать, что же это такое. О количестве погибших – молчали.

Впрочем, сделали попытку – вроде бы для всеобщего примирения – не делить погибших на защитников и нападавших. И то не без умысла и тайной выгоды: чтобы не пока-

зывать, что из числа нападавших погибло за все время противостояния четыре человека, а защитников Белого дома – сотни, если не тысячи. Некоторые газеты печатали списки погибших, и самой распространенной фразой в них оказалась – «Неизвестный мужчина».

А имена узнанных, опознанных первых ста пятидесяти человек зачитал приехавший на сороковины к Белому дому бабюшка. И горело море свечей, прикрываемых от ветра ладонями, и когда закончился длинный скорбный список, бледный, осунувшийся, заросший Андрей Тарасевич тихо назвал еще два имени:

– Михаил. Николай.

И оставалось только молиться, что в этот список чудом не попала Нина. Ее он нашел в больнице Склифосовского, когда, сам только-только поднявшись на ноги, позвонил матери Нины и услышал сквозь рыдания, что Нина пропала четвертого октября. Мгновенно понял, почувствовал, что она пошла искать его в этой бойне.

Поддерживаемый своим спасителем, фронтовиком Михалычем, начал объезжать московские больницы и морги. Пересмотрел все списки – нигде ничего и близко похожего на Нину. Потом не мог объяснить даже самому себе, почему его взгляд остановила именно эта запись в Склифе: «Доставлена из района Белого дома женщина в черной куртке и высоких сапогах, пятидесяти лет, седая». Седой, тяжело раненой выстрелом в упор, не приходящей пока в сознание ока-

залась Нина...

«Кайся», – терзал себя Андрей: ведь он так до конца и не верил в искренность ее чувств к нему. Даже в последнюю их ночь еще помнилось, что она – танцовщица, гейша.

А она пошла за ним в огонь. И единственное счастье во всем свершившемся, что осталась жива. Невозможно представить, как бы он смог жить дальше, потеряй после Зиты еще и Нину. А вчера она впервые узнала его и заплакала...

После молитвы, когда пришедшие, разбиваясь на группы, стали поминать только что перечисленных, Андрей наконец увидел Раю. Она невидяще глядела в сторону Белого дома, скрестив руки на животе, оберегая его от нечаянной толчеи. Ее поддерживал мужчина, из-под армейского бушлата которого выглядывал уголок морской тельняшки.

Андрей, собравшись с духом, подошел к ним. Рая повалилась ему на грудь, зашлась безутешным стоном, и Андрей вместе с моряком отвел ее в сторону, подальше от фотокорреспондентов, тут же наостривших свои аппараты. Подбежал Михалыч, не выпуская из виду своего нечаянного постояльца, подсуетился, достал нашатырь.

– Миша, – шептала Рая. – Миша... За что?

За что?!

– Сколько сынов потеряла Россия, – тихо проговорил старик, тоже сквозь голые ветки деревьев глядя на Белый дом. – Варварство.

Он вытащил из тужурки погнутую свечу, запалил ее от го-

рящих у стены, неумело перекрестился и поставил крайней в длинном ряду желтых мерцающих огоньков...

* * *

Я, майор медицинской службы, судмедэксперт...

...провожаю сегодня на этой службе последний день. Он крайне неудачен – мне предписано констатировать смерть приговоренного к ВМН. А может, начальство специально приберегло этот подарочек на прощание? Ну кому какое дело, что я решила уйти из МВД? Да, мне здесь дали образование, звание, квартиру. Но это не значит, что меня заперли навечно, а ключ выбросили. Если предложена новая, интересная, а главное, перспективная работа в другом ведомстве – почему нужно сидеть на старой? Не понимаю.

После выстрела Исполнителя я должна буду вместе с ассистентом, молоденьким лейтенантом, впервые попавшим на подобное зрелище и оттого не находящим себе места в комнатухе-клетке с зарешеченными окнами, выйти в коридор и отметить, что человек мертв. Сколько раз приходилось видеть смерть людей, но констатировать подобные – избави Боже. Это просто удача, что какого-то Моржаретова из налоговой полиции прострелил радикулит, и он после курса лечения предложил мне перейти в медицинский отдел их департамента. С завтрашнего дня я – там.

Но пока – ожидание выстрела. Здесь он еле слышен, ста-

нешь греметь чем-нибудь – можно даже пропустить звук. Бедный лейтенантик, что же ты мечешься по комнате! Зажми себя, иначе не сможешь носить погоны. Это теперь твоя жизнь и обязанность.

И все-таки я не услышала выстрела. Я поняла, что он прозвучал, лишь по споткнувшемуся на очередном витке лейтенанту.

«Это все?» – с надеждой впился его взгляд.

Все.

Выждав несколько мгновений, чтобы дать уйти в другую сторону коридора Исполнителю, открыла свою дверь. Шагнувший следом лейтенант толкнул меня в спину, потому что я замерла на пороге.

Посреди зеленого мешка-коридора стоял в белой рубашке осужденный на смерть парень. Голова его была откинута назад, словно он читал бескровными губами молитву на потолке. А сзади него, подвернувшись калачиком – так падают, когда стреляют в себя, – лежал подполковник внутренних войск. Исполнитель.

Я бросилась к подполковнику, хотя и чувствовала, что чего-то не хватает. Ах да, в первый раз я, нарушая традицию, вышла в коридор без медицинского сундучка. Просто выстрелы всегда были настолько точны, что приучили к мысли: здесь промахов не бывает и медикаменты не требуются.

Однако аптечка не помогла бы и на этот раз: подполков-

ник был мертв.

«Вэмэнэишник», молча пропустивший меня к Исполнителю, безучастно смотрел в потолок, и, глянув на него, я вдруг поняла, о чем он думает: он ведь уже не должен был всего этого видеть. Неужели после такого его еще раз поведут на расстрел?

Почему я подумала сначала о нем, а не о погибшем подполковнике, понять не могла. И, как и парень в белой рубашке с отчекрыженным воротником, я тоже подняла голову к небу...

Москва – Переделкино. 1991 – 1995 гг.